

РЫЦАРСКИЙ ОРДЕН

РУССКИХ ВОРОВ

ОЛЕГ
МАЛЬЦЕВ

ИРИНА
ЛОПАТЮК

ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ
ИРИНА ЛОПАТЮК

РЫЦАРСКИЙ ОРДЕН РУССКИХ ВОРОВ

ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЯ: РУССКИЙ
ГОД: 2019

ДНЕПР
«СЕРЕДНЯК Т.К.»
2019

Олег Мальцев, Ирина Лопатюк

Рыцарский орден русских воров — Днепр: Середняк Т. К., 2019, — 215 с.

ISBN 978-617-7761-79-1

«Рыцарский орден русских воров» - научно-фантастическое произведение, написанное амальгамным метолом в ходе Гейдельбергской научной экспедиции (июнь, 2019 год) под патронажем Экспедиционного корпуса НИИ Памяти, академиком, Phd Олегом Мальцевым.

Данная книга повествует о выдающемся Учёном, докторе военных наук, государственном деятеле, чей вклад в становление и развитие науки СССР и самого Советского государства, а также его военным, экономическим и политическим достижениям, оценить невозможно.

Григорий Попов. Именно под таким именем выходец из Гейдельбергского университета, глава Рыцарского ордена «Корпус Правды», феноменальный учёный вошёл в историю как великий деятель, новатор и организатор. И, в первую очередь, как человек, который принёс науку в бедное и неразвитое государство, возникшее на останках Российской империи, и впоследствии укрепивший и возвеличивший его научно-технологическим прогрессом и военными победами до небывалых высот.

Сегодня этому человеку многие из нас, без преувеличения, обязаны и карьерой, и достижениями, и, что немаловажно, жизнями.

РЕЦЕНЗИЯ

Рождение книги — всегда событие, рождение «сильной» книги, к прочтению которой хочется вернуться,— это событие неординарное.

«Как создается произведение?» — любимый вопрос журналистов к известным личностям. И далее следует ответ...

Создание этой книги неординарный процесс, поскольку идея книги возникла у Олега Викторовича Мальцева, моего друга и коллеги, в результате жизни, практической деятельности и восхищения своим Учителем и его Учителями.

Григорий Семенович Попов, главный герой этой книги, является основателем практической науки решения задач, жизнь и деятельность которого прошла под грифом «совершенно секретно».

Создание произведения, которое Вы, дорогой читатель, держите в руках, это восстановление линии жизни человека Попова Григория Семеновича, который вместе со своим другом Алексеем Самуиловичем Яковлевым и другими выпускниками Гельдельбергского университета «изменили все», смогли малыми, но великими, силами изменить ход истории.

Книга эта только на последнем этапе создавалась на площадке НИИ Одесского регионального отделения Украинской академии наук. Основное содержание проверялось в исследовании «закрытых» для того времени источников, собранных в архивах НИИ под руководством академика УАН Мальцева О.В. и проверка и реконструкция деталей были проведены в «рейнской» экспедиции в июне 2019 года.

Мне посчастливилось быть участником экспедиции, выполняя функцию верификации, оппонируя логике изложения и логике исторических событий. Часть дискуссий вошли в изложение этой книги, что лично меня радует.

Избранная форма изложения, роман, подготовленная Мальцевым О.В. и прекрасной исследовательницей Лопатюк И.И., соответствует той сложной задаче, восстановлению логики событий, гипотез и реконструкции, которые должны быть для связанности изложения жизни сильных людей, которые на кон истории поставили свои жизни.

Эта книга не оставляет равнодушным читателя, поскольку поднимает не только вопрос «что человек может» или «роль личности в истории», но и вопросы «могут ли великие люди ради победы над злом менять ход истории и бросать в борьбу массы людей, ломая судьбы поколения, жизни других людей?».

Для героев этой книги ответ очевиден: «Могут!».

Ответ обоснован, несколькими серьезнейшими аргументами, скорее философского характера, взаимосвязями жизни и смерти, выживания и развития, свободы и необходимости.

Первое, люди с высочайшим уровнем образования, меняющие историю, готовятся к страшной войне как субъекты жизни, не принимая роль жертвы истории и обстоятельств, не примиряясь с субъектами смерти, которых выпускник Гельдельбергского университета Эрих Фромм определял в социальной деструкции как некрофилов.

Второе, они приняли решение пожертвовать не только дворянскими благами, а родовой замок Г.С. Попова с высокой степенью вероятности экспедиция идентифицировала в «Рейне», но и своим именем и жизнью, сохраняя только честь и победу.

Третье, в книге в устах героев произведения находится ответ по отношению к тем, кто ничем не готов жертвовать ради победы над злом, определяя себя в роли массы, жертвы движущих сил истории, по мнению «рыцарского мировоззрения» — рабов, готовых склониться любому хозяину.

Отрицая роль рабов, строя новое общество бросается вызов сверхзадачи победы в будущей войне и Г.С. Попов решает ее помощью конструирования советской науки и тайной войны.

Мне, как ученому исследующему процессы миротворчества и дипломатии, важно посмотреть на процессы готовности к любым вызовам мира, не щадя себя, подготавливая страну к мировой войне.

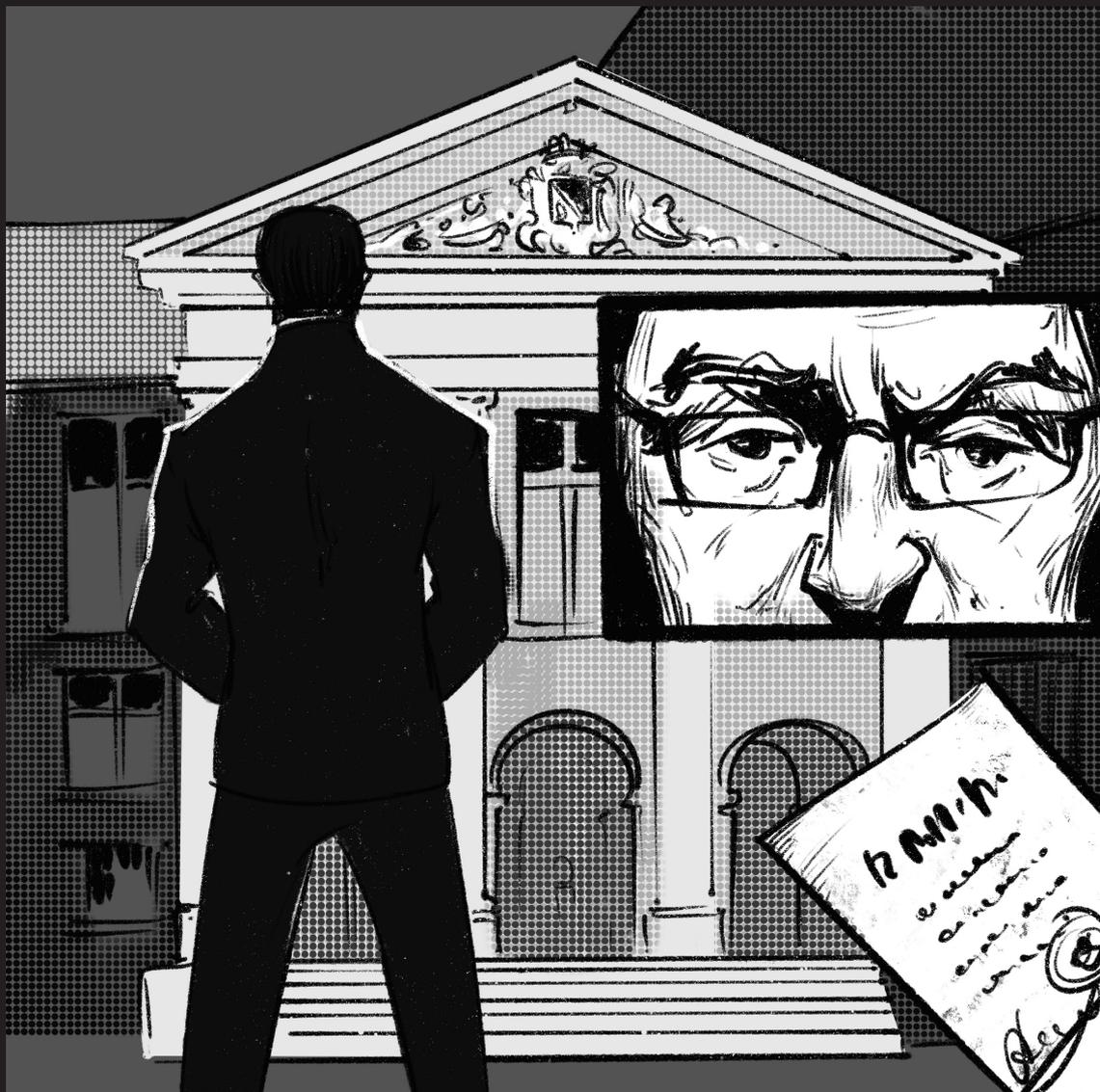
Эти усилия привели к победе, стоит ли напоминать какой ценой и усилиями... Оставаясь и защищая гуманистические позиции, я не могу дать однозначно позитивную оценку прагматическим действиям концентрации сил страны для победы с колоссальным количеством смертей и сломанных судеб, даже понимая, что при поражении — смертей и трагедий было бы значительно больше.

Одновременно я понимаю, что в мире так мало людей с рыцарским достоинством и благородством, не убегающих от вызовов эпохи и способных дать достойный ответ. Так мало тех, кто живет по принципу «делай, что должен и будь, что будет», а еще меньше тех, кто еще и способен «сделать то, что будет».

Книга написана интересно и от души. Как относиться к великим и смелым людям, изменившим мир, авторы поручают читателям.

Чсть имею, профессор, доктор философских наук Лепский Максим Анатольевич.

Запорожье, август 2019.

Макс глядел вдаль. Незамысловатый пейзаж из серых стен, одиноко торчащих деревьев и коктейля из снующих и куда-то спешащих студентов-учителей-аспирантов — всё это он видел далеко не в первый раз. И даже далеко не первый год. «Надеюсь, что в последний, — подумал Макс.

— Больше я сюда не вернусь. Не за чем». Вздохнув, он неслышно потушил сигарету, уже, наверное, пятую по счёту. Ему было не по себе, нет, даже хуже, чем просто не по себе. Оборачиваться ему не хотелось. Он упрямо держался за навязчивую мысль, что назад он ни за что не обернётся. Пускай там, в прошлом, остаётся и этот МГТУ имени Баумана, и его «физика и технические науки и технологии», и эта степень «кандидата наук», и всё, что связано с этим набором молодого перспективного 35-летнего учёного, которому, как торжественно пару дней назад провозгласил один седой дед из комиссии, теперь открыты все дороги в большой мир достижений и побед. Макс, прищурившись, угрюмо смотрел перед собой... и не видел их. Ни единой дороги, ни одного пути, даже тропки нехоженой. Да он просто не знал, что ему делать дальше.

Он, словно музыкант, отбарабанивший свою партитуру и сорвавший овации, смотрел на опустившийся занавес и понимал: спектакль окончен. То не хорошо и не плохо — всего-то свершившийся факт. НО ЧТО, чёрт возьми, делать дальше? Зачем это вообще всё было? Куда и кому он отдал все эти годы? Мэтрам физики? Отчеству? Себе любимому? У Макса не было ответов на эти вопросы, что его, конечно, определённо раздражало. Он упрямо отказывался смотреть назад: оборачиваться не хотелось. Что было, то было. Но и что впереди — тоже было неизвестно: ни весточки, ни знака, ни ориентира — просто ничего. Макс докурил уже бог весть какую по счёту сигарету и потушил окурок. Вокруг ничего не поменялось, казалось, даже угрюмое серо-жёлтое солнце замерло и никуда не спешило. С отсутствующим взглядом он взглянул на мобильник. «Я горжусь тобой, Сынок! Счастье-то какое: мой Максим Викторович Иванов — кандидат наук! Поздравляем и ждём тебя дома, приезжай поскорее». «Мама, она и в 35 будет звать меня сынок и суетиться по каждому поводу. Уже, пожалуй, и поляну дома готовит, праздничную, и наливку фирменную, отцовскую. Для неё я всегда «сынок», — подумал Макс и пошагал прочь. «Прощай, Москва, до скорых встреч!» — промелькнуло в голове у Макса Иванова, когда самолёт уже набирал ход, разгоняясь по взлётной полосе. «Скоро я уже буду в Киеве, может, там немного передохну и открою те самые «пути-дороги» в своё персональное светлое будущее». Макс не заметил, как провалился в глубокий сон.

Дома его встретили тепло и предсказуемо торжественно. Родители Максима Иванова, как бы вам их описать... Они были той самой «старой формации»: прожили в браке более 40 лет, нажили ещё в советское время квартирку, отчего и помнили благодарно канувший в лету Союз, частенько вздыхали «А вот, в наше время...» и так далее. Но были и особенности семьи Ивановых. Во-первых, они были люди культурными, интеллигентными и смело относили себя к настоящей киевской элите. Во-вторых, и мать, и отец были учёными — уже на пенсии, но, как говорится, «морскую выpravку на суше не спрячешь». Мать, Валентина Марковна Иванова — была знатоком педагогических наук; отец, Виктор Яковлевич Иванов — гением наук математических. Друзьями они себя окружали соответствующего круга интересов — взять хотя бы ближайшего соседа, который также был приглашен на особенный праздничный ужин в честь защиты Максом кандидатской по физике. Семён Павлович Хайзенвальд — доктор исторических наук, в прошлом преподаватель и «взраститель ведущих кадров необъятной страны». Семёна Павловича вообще-то Макс помнил с детства, он был самым интересным рассказчиком для него лично и крепким оппонентом в спорах его отца. Вот и сегодня, опрокинув по рюмочке, математик и историк уже хитро глядели друг на друга, но пока ещё помалкивали. «Зуб точат, аргументы отбирают, — улыбнулся Макс. — К концу подачи основного блюда будет уже тонкая интеллектуальная беседа, плавно переходящая в остросюжетный спор двух людей, пожизненно отсиживающихся по разные стороны научных окопов».

— А что это мы с Вами, Виктор Яковлевич, всё о нас да о нас. Дорогу — молодёжи. Чествуем новые кадры, наших молодых героев, коих в полку, так сказать, прибыло! Максим, поздравляю тебя! Настоящий учёный! Знаешь, я тебе от всей души хочу пожелать... — Семен Павлович даже встал, чтобы произнести тост. Он ещё много что-то говорил, мама Максима даже слезу пустила от такого момента памятного, отец слушал да кивал, а вот у самого Макса всё перед глазами буквально плыло.

Не слышал он больше ни слова расходившегося в выражениях историка. Знаете, как будто у картинки окружающей отключили звук. Ты и присутствуешь, и видишь всё происходящее, замечаешь, как люди рты открывают, как жестикулируют, а слов не слышишь. Вместо этого где-то в потёмках душевных навязчиво играет пластинка, из собственных мыслей. Порой поганных, а порой и радостных. Макс не знал, как относиться к своей пластинке, но она ему уже, правда, порядком надоела. ЧЕЛОВЕК БЕЗ БУДУЩЕГО. Вот так бы он назвал эту свою пластинку.

— Что же, ещё раз тебя поздравляем, — прервала его размышления мама, восторженно и восхищённо глядя на сына. Макс благодарно улыбнулся и что-то сказал в ответ.

Вечер шёл своим чередом, отец и друг семьи обсуждали последние статьи «Науки и жизни» — того самого журнала, который выпускался ещё в советское время — обсуждали да сетовали на то, какие нынче изменения пошли. «Ну вот, стандартный тихий вечер в интеллигентной киевской семье», — добродушная реплика промелькнула в сознании Макса, он ей даже улыбнулся. А вечер и вправду был дивный. Тихий июльский ветерок, запах чего-то цветущего в парке неподалёку, родной вкрадчивый городской гул. Макс стоял на балконе и неспешно курил.

— Что-то ты невесел, парень. По-философски невесел, как будто «Риторику» проглотил аристотелевскую, да не переваришь никак.

Семён Павлович был человеком наблюдательным, что тут сказать. Макс неохотно улыбнулся.

— Да что Вы, всё в порядке. Просто смотрю вдаль... — протянул Максим.

— Бесспорно, мой юный друг, именно вдаль да вперёд, в будущее. И что ты там видишь?

Этого вопроса Макс вообще не ожидал. Он как-то недоверчиво взглянул на собеседника, словно тот намеренно произнёс вслух его собственные мысли. Семён Павлович лишь усмехнулся

— Да брось, парень. Чему тут удивляться. Я и сам когда-то задавался этим вопросом, недолго, правда. В те годы всё было немного не так, как у вас сейчас. Мне долго ждать своё будущее не пришлось. Оно само меня нашло, так уж у нас принято было, я бы даже сказал, положено.

Если ты был перспективным образцовым «кадром» для своей родины, скажем, толковым студентом курса третьего-четвертого, будущее тебя могло поджидать за неплотно прикрытой дверью, на которой нет конкретных табличек, но зато за ней всегда есть люди, что умеют сделать предложение, от которого не откажешься.

Макс развернулся и посмотрел прямо в глаза деду:

— Я не знаю, что меня ждёт. И уже точно не могу сказать, зачем это всё было. Я был твёрдо уверен во всём, когда выбирал учёный путь в жизни, да собственно, об этом не жалею. Но сейчас — именно сейчас — я стою на перекрёстке и не вижу, что там дальше. И самое главное: я не понимаю, зачем и почему я убил последние пару лет. Все эти «кандидатские» сегодня — сплошь фарс и театральные постановки. Ты заранее знаешь сценарий, всех его действующих лиц, кого уважить, какому режиссёру поаплодировать — и несколько лет ждёшь финальной сцены под названием «Защита перед уважаемой комиссией». Отыгрываешь свою роль, тебе нехотя и деловито кивают, мол, всех уважил и всё правильно сделал, и на этом всё. А что дальше, дальше что? Кто я вообще такой? Учёный? Да что это вообще значит и кто так решил... Возникла неловкая пауза.

— Вот как, Максим, множество вопросов, да все без ответов...

На балкон бесшумно пробрался и глава семейства.

— Что вы, Семен Павлович, опять прошлое бередите?

— Ни в коей мере, Виктор Яковлевич, — парировал ему историк, — скорее, готовлюсь преподать молодому поколению некоторый урок. Ведь, как известно, кто не учит уроков истории, тех она оставляет за своим бортом! — Семён Павлович лукаво подмигнул Максиму и продолжил.

— Ну-ка, парень, тащи сюда стулья, посидим на балконе да немного порасуждаем.

Спустя минут десять трое мужчин уже пили чай с пирогом, о чём похлопотала Валентина Марковна, и неспешно переговаривались.

— Знаете, премногоуважаемый Виктор Яковлевич, вот недавно в одном научно-популярном журнале наткнулся на статью-монолог одного уважаемого профессора Гейдельбергского университета; названа она была как-то на манер «Монолог о стереотипах или «Учёный? Да кому ты нужен?»

— Какое странное название для статьи из немецкого университета, — буркнул недоверчиво Виктор Яковлевич.

— Название в духе времени, я бы сказал, а автор сей незатейливой статьи, к слову, выходец из Украины. Ну да не суть. Он в своем монологе рассуждал о том, насколько печально у нас обстоят дела в науке и особенно в плане отношения самих учёных к собственному ремеслу. сетовал на стереотипы, теоретизации, отсутствие какой-то значимости для прочих людей, которые по-прежнему ищут ответов на ИХ интересующие вопросы, а не о том, как грамотно мышью разводить в лабораториях или таковых резать. И тем более, не о том, как об этом ваять по расписанию в новомодных скопусовских журналах.

— А что-то ещё дельное этот профессор написал, помимо философских переживаний? А то уж как-то всё совсем печально.

— Да, Виктор Яковлевич, безусловно написал, я бы сказал, он к любопытно точному выводу пришёл. «Сегодня в науке исследования проводятся не ради науки», — вот так незатейливо и просто.

— Как так-то? — спросил Макс.

— Ну, гляди. Мы, кажется, в 21 веке живём, — потягивая чай, рассуждал Семён Павлович. — Компьютеры, нано-технологии, гаджеты и прочие странные слова. Но при том, что мы знаем? Да не так много, как хотелось бы заявить. Что такое сознание? Не знаем. Где живёт память и как она работает? Одни догадки. О «психике» человеческой я вообще молчу — это неведомая тема, которую паломники невежества превратили в настоящую трагикомедию психоложества.

— Ваши абстракции, господин доктор наук, несколько обескураживают, — протянул Виктор Яковлевич.

— И тем не менее, это абсолютная правда. Человек сам о себе сегодня практически ничего не знает и не особо стремится, если уж на то пошло. Эра информации? Да что Вы говорите! Гугл как заменитель разума? Должно было стать легче, да как-то не срослось. Мы живём сегодня исключительно благодаря наследию прошлого. Все памятники истории и архитектуры — наследие прошлого, которое сегодня не то что переповторить, даже отремонтировать нормально не могут. Величайшие машины и механизмы — да тоже всё хорошо забытое старое: от счётчика, что ещё в Древнем Риме применялся, медицинских инструментов, в огромном количестве

раскопанных по всему дохристианскому Египту, до буровых машин и установок, известных ещё с 17 века.

— Вы хотите заявить, что современная наука стоит на месте? — напрямик спросил Виктор Яковлевич.

— Как минимум, хочу заметить, что она давно никуда не торопится. Живёт за счёт достижений наших предшественников. Последние великие были ещё в советскую эпоху. И Максим, не стоит на меня так смотреть, я не хочу свести наш прекрасный разговор к тому, что «...были люди в наше время, богатыри, не мы». Напротив, я как и профессор Гейдельбергского университета, полагаю, что сегодня наука в том виде, в котором её предлагают в достопочтенных вузах, вряд ли актуальна для человека 21 века.

— По сути, что же нужно человеку? Да много чего! У него куча проблем изо дня в день. Ему бы науку о том, как решения принимать или правильные выборы делать. Как будущее оценивать или перспективы. Ему точно не до рассуждений тройными интегралами, да простит меня наш знаменательный глава семейства.

— А наука наша не о том, — озадаченно протянул Макс.

— Вот именно, мой славный слушатель. НЕ О ТОМ, не о жизненных проблемах да задачах, не о полезности, не о том, как деньги делать или карьеру.

— О чём же тогда? — спросил Макс.

— Да Бог его ведаёт. Я бы так сказал: мы сегодня в науке переживаем наивысшую точку, буквально, пик теоретизации. Слишком много теоретиков развелось, как нерезанных кролей в Австралии. И большинство думают, как под копирку. Вот ты, Макс, когда приступал к исследованию, будучи аспирантом, с чего начинал своё изыскание? Твой научный руководитель как тебя учил?

— Ну, мы с темы начинали. Определённо с темы! Нужно было выбрать тему будущей работы...

— Вот именно, ТЕМУ! Не полезность, не задачу, не проблему, но тему. А что такое «тема»? Да, по сути, предмет договорённости. Мы пообсуждали, потеоретизировали, да пришли к компромиссу. А затем перешли к исполнению «внедрения темы» в мир научных категорий. Вопросов ЗАЧЕМ и ПОЧЕМУ что-то искать, исследовать или изобретать даже не стояло.

— Но как так, — возмутился Макс. — Откуда это всё пошло?

— Мой юный друг, прототип или предшественник такого ритуала современной науки известен. «Тема» — это запчасть плана. Знаешь, раньше, в советское время, существовало понятие «плановая наука». Но из этих планов и состоявшихся свершений в науке обывателю доступно было не всё.

— Это верно, подал голос Виктор Яковлевич, — простому смертному не положено было знать то, что положено было учёному, особенно если он работал «на союзное дело».

Существовали ограничения или, если хочешь, иерархия доступа к информации. Информация ранжировалась по категориям «наука общедоступная» — это то, что для всех, что в журналах печаталось, в книжках показывалось и так далее. Затем, словно за ширмой общественно полезного, располагалась другая наука, называемая ДСП или «для служебного пользования». Сегодня такая категория ещё встречается. Но вот следующие три уровня доступа нынче уже не представлены — это «наука секретная», «совершенно секретная» и «совершенно секретная государственной важности».

— Отец ваш, Максим Викторович, дело говорит,— продолжил историк.— Уровни науки определялись ещё и привязкой к научным учреждениям. Университет, НИИ, закрытый НИИ, Конструкторское бюро и закрытые научные центры — вот такой мир учёный был, богатый и не всем доступный.

Подхватив кусок пирога, Семён Павлович продолжил.

— А теперь, Макс послушай, что произошло, когда СССР распался. С развалом Союза три верхних уровня секретной науке тоже исчезли. Осталась только наука общедоступная, да ещё, может, пара-тройка НИИ, которые открылись для каких-то внутренних целей, но далеко не всегда научных. Ну, ты можешь себе представить НИИ, который перемалывает немалые денежные суммы, а исследует при этом коэффициент счастья от съеденного бекона, например? Смех и грех, но такие НИИ существуют сегодня. Да не о том, собственно речь, следуй за моей мыслью.

Итак, три уровня науки пропали, как и сам СССР. А вот люди — люди от науки остались же, так? Не испарились же, как с белых яблок дым! Куда они все делись?

— Да за границу уехали, в общей массе. «Отток умов» это ещё называли в конце девяностых,— ответил Максим.

— Все, да не все. Макс, ты же человек современный, прекрасно понимаешь, что за граница покупала только то, что её интересовало. Особенно образчики военно-промышленного толка, технари и практики, а вот теоретики да гуманитарии никого не интересовали. Но и это же не все учёные! Многие, в итоге, после развала и ликвидации НИИ просто вышли на пенсии да остались не у дел. Их разработки остались только у них в головах, потому как они были секретные да неизвестные, а значит, и покупке-продаже не подлежали. Масса учёных в один день просто оказалась никому не нужна! Нет, конечно, не все стали проживать свой век на пенсии — кто-то и в университет пошёл как рядовой преподаватель, кто-то ждал, что родина в обличии новой власти их позовёт — но она почему-то не звала. Скорее всего, потому что нуждалась в чём-то ином, не в научно-техническом или военно-технологическом. Капиталистическая и демократическая эры принесли с собой иные ценности и интересы. Финансы да юриспруденция стали новыми ориентирами для молодёжи... а старое — с глаз долой, из сердца вон!

— Кому нужна наука, если есть деньги... «Есть деньги — значит, недостающее купим», — так начали рассуждать в 90-х и сегодня, собственно, всё так же, — задумчиво подвёл итог Виктор Яковлевич.

— Ну, допустим, согласен, — ответил Макс. — Но почему же тогда учёные не стали передавать свои наработки новому поколению? Как же школа?

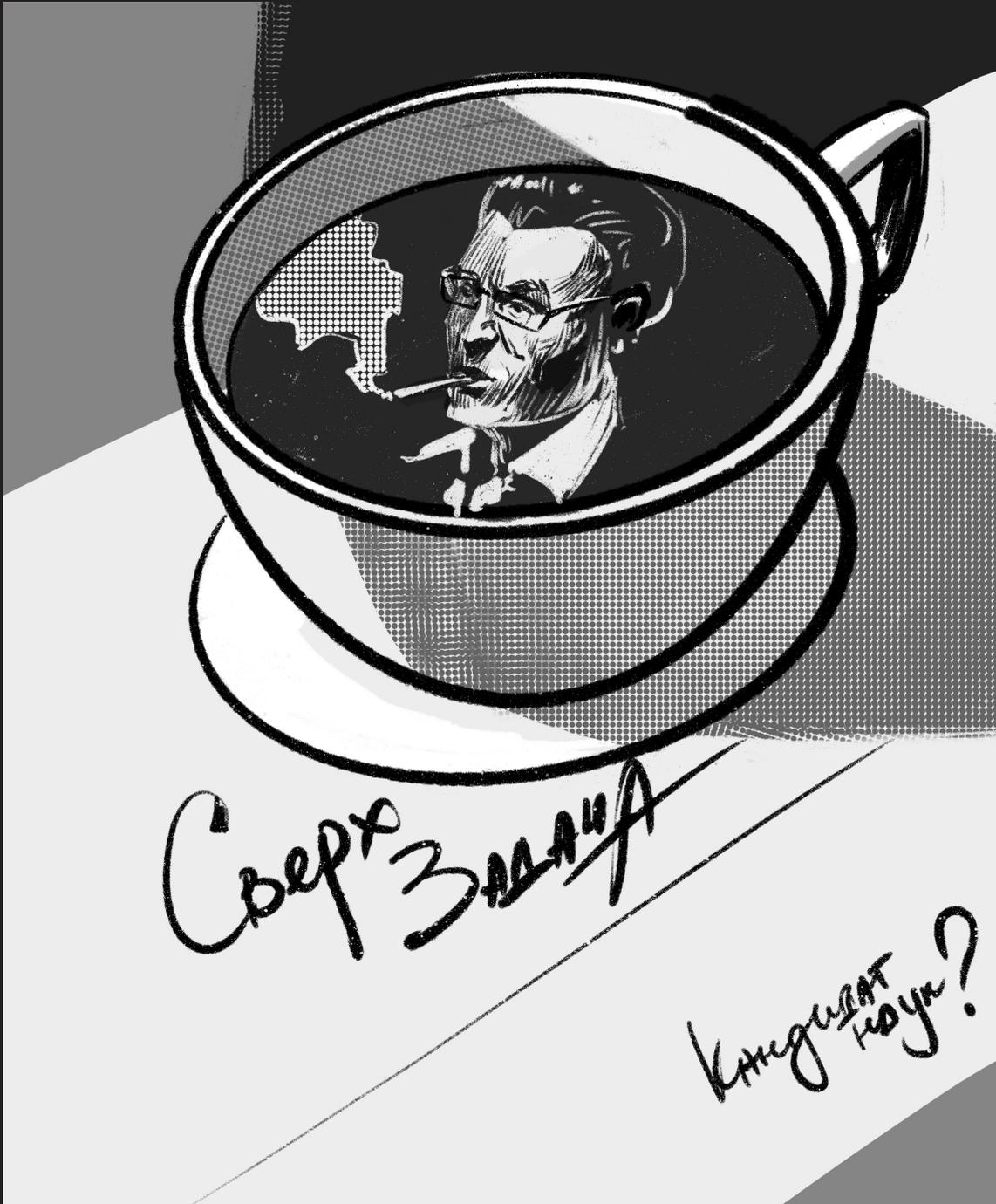
— Какие высокие материи вы затрагиваете, молодой человек! — засмеялся Семён Павлович. — Прекрасно рассуждаете, но забываете одно прекрасное понятие — «конкуренция». Зачем мне кого-то учить? Чтобы у меня же появился конкурент? У меня, немолодого, но пока ещё нужного кому-то учёного? Да и это посылка психологическая, собственно, не единственная. Понимаешь, Максим, раньше инициативных руководителей было гораздо меньше, чем добросовестных исполнителей. Люди привыкли работать под чьим-то командованием, они так лет 50, а то и 70 жили, и вдруг, за короткий промежуток времени, «машина государственная встала», но привычки и замашки-то остались прежними. Люди привыкли жить под чьим-то командованием, вот таких же новых руководителей себе и искали. Учить и готовить новые кадры — такой задачи у учёной плеяды не было, а значит, таковая инициатива востребованной не считалась. Вот так механизм «школы науки» и остановился. Работал (и продолжает работать) совсем другой механизм — денег и покупки умов и кадров. А что было — то перестало иметь прежнюю ценность да осталось в прошлом за ненадобностью.

— Даже уровни секретности?

— Даже уровни секретности, Макс. Понимаешь, «общедоступно, ДСП, секретно, совершенно секретно и свершено секретно государственной важности» — это не просто какие-то названия или уровни, они связаны друг с другом. Вот как в жизни это работало, гляди. Допустим, ты бойкий молодой человек, поступаешь в ВУЗ, дабы получить образование и диплом, так? Это ты сегодня так думаешь. Но вообще университеты в СССР не для того создавались. Университет — это и есть географическая обитель «общедоступной науки», с одной стороны, и отличное поле для выбора перспективных кадров, с другой стороны. Да к концу четвёртого курса эти самые отборные кадры уже знали, куда они пойдут после выпуска, в какой НИИ. Именно в научно-исследовательский институт. И там, в НИИ, старшие из молодняка делали настоящих учёных, закаляли сталь, как говорится. Если человек оказывался тойный, с соответствующими качествами, нацеленный на решение конкретных практических задач, его ждала следующая перспектива — это уже НИИ закрытого типа, секретное специальное учреждение или совершенно секретно, в зависимости от уровня задач, поставленных свыше. И вишенка на торте этой иерархии — это уровень закрытого научного центра.

— Совершенно секретно государственной важности?

— Именно, Макс. Неважно, как эти центры назывались — хоть лаборатория, хоть испытательный корпус какого-то КБ — главное, ЧТО там делали. Не просто науку или что-то для души, нет. В учреждениях такого типа решали неподъемные, невозможные и небывалые задачи, как их ещё называют, сверхзадачи. А чтоб задачи решать, кто нужен? Правильно, люди или кадры. Вот учёные из верхних уровней иерархии присматривались к молодёжи из нижних уровней, да подбирали себе в проекты способных, с искрой, с задатками, с головой на плечах.

— Правильно, утвердительно кивал Виктор Яковлевич, — И может, кому-то казалось, что он просто в ВУЗ ходит, но при этом, к нему незримо присматривались: к его интересам, инициативности, достижениям, отношению к науке, у успехам, в конце концов. И лучших отбирали и приглашали в проекты. Вот такие условия были созданы для учёных в те времена, и кто-то шёл этой дорогой в науку секретную и ему помогали, безусловно, а кто-то выбирал себе другой путь.

— Вот, Максим, ты давеча как недавно стал кандидатом наук, так? Сегодня это, пожалуй, статус такой уважаемый, а ранее, это означало следующее: «Кандидат наук — это не просто выпускник ВУЗа, но кандидат на следующий академический уровень, присмотритесь к нему». А «доктор наук» значило «что претендент получает право на проведение самостоятельных изысканий и решение задач в рамках НИИ». Вот так это работало.

— А уровень академика СССР?

— А это, Макс, пик или высший уровень — принадлежность к закрытому или секретному научному центру, не менее того. Уважаемый человек, герой своей страны, вот так-то!

— Что же, я только получил подтверждение собственным выводам, — задумчиво изрек Максим. — Учёный в СССР — это такой персонаж, у которого возможно одно из двух: либо он принадлежит к элите секретной науки, либо к общедоступному уровню науки обывательской. Так было, но изменилось сегодня, как ни крути.

— Ты прав, Максим, — вздохнул Семён Павлович. — И как только заблестали лозунги «Мы за деньги купим всё и вся, что нужно, с чего бы нам что-то в кого-то вкладывать и тем более громоздкий аппарат содержать непонятно зачем», — вот с того момента всё и покатило в тартарары. Прикладная наука, будучи наукой секретной всегда, отошла в тень, а теоретическая наука расцвела, увы, не обещая впереди никаких плодов. И перспектив, соответственно, тоже. И если ранее всем было понятно, что как аквалангистами люди не рождаются, они ими становятся, так и учёными дети в люльки к матушкам не прилетают: чтоб учёного сделать, нужен целый аппарат и далеко не один год и даже не пять лет. А если говорить о таком уровне, как конструкторский, то в данном случае вообще пиши-пропало: конструктора можно воспитать только в условиях Школы. А нет Школы — нет создающих кадров, нет преемственности поколений; более того, молодёжи о таких категориях вообще не рассказывают, а значит, если они и любят науку и искренне чего-то хотят добиться, им даже некому сегодня объяснить, куда идти и как действовать.

— Что же такое получается... Как и ранее, сегодня есть и кандидаты наук, и профессора, и доктора... Регалии остались, а того, что за ними скрывалось — более нет.

— Да, Макс. Новая власть особенно голову не напрягала: её устроители просто скопировали прежние названия из мира старых привычек, да и внедрили без понимания, зачем это нужно.

И единственное, что осталось сегодня более-менее на плаву — это современный университет. И опять-таки, он важен не просто как место, где молодёжь по пять лет отсиживает, а то и больше. Университеты нужны — где-то же приходится брать кадры, требуется же как-то пополнять рабочие ниши, ячейки наёмных работников. А всё остальное — кандидатские да докторские — они друг от друга почти не отличаются, размером разве что, объёмом страниц, но точно не качеством. А знаешь, почему? Потому что иного и не требуется. Ты в своей работе не открытие должен

сделать и не ценность практическую вывести, не дай Бог тебе такое выучить! Ты просто должен сыграть в игру «Угоди тем, кто в академическом кресле сидит». Умные не нужны, новаторы и трудоголики — не нужны.

Нужны верно играющие заранее распланные роли, умеющие «прогибаться под изменчивый мир», потому как «времена и нравы уже не те», и цель быть и жить учёным пропала. Нужно уметь зарабатывать деньги, и это ключевое. А уж как ты это делаешь и сколько там страниц пишешь — это твоё сугубо дело, главное, играй по негласно писаным правилам. Семён Павлович так разошёлся, что не заметил, как пропал Виктор Яковлевич, а как заметил, засобирался уходить.

— Так что же делать, если я не хочу играть в этом театре выдающихся тупиц? С чего, хотя бы, начать? Может, с книги какой-то или ещё с чего?

В ответ Историк взъелся не на шутку!

— Уж если чему и есть у меня, у старика, поучиться, дурья ты башка, так это жизненному! Не ищи дорогу, ищи человека, который тебе эту дорогу покажет. Ни в одной книжке не написано, куда сворачивать дальше, а я даже больше тебе скажу: никогда не было и не будет такого написано. Не ищи книг, ищи человека. Всегда так было и будет, ибо история прототипологична. Выученные и невыученные уроки лишь перемежаются, действующие лица из жизни в жизнь меняются, но вот сами роли и их сила — они неизменны. Вот и ищи такого человека, дельного да мудрого. Что-то мне подсказывает, что ты его встретишь совсем скоро, Макс.

— А мне пора, что-то я засиделся у вас, - сказал Семён Хайзенвальд, хитровато улыбнулся да был таков.

ГЛАВА 1. СТУДЕНТ

Он уже давно научился демонстрировать на виду то, что чувствует. Как бы сильно ни болело тело, как бы ни скрипели зубы, как бы ни выворачивало нутро Этому злобному Карлику ни за что не добиться от него ни звука, ни лишнего движения скул, ни даже вздоха. Не бывать тому! «Однажды я одержу над тобой победу, мерзкий коротышка!» — Грег в это верил, потому что знал: не за горами долгожданная победа, нужно только ... пара-тройка тактических соображений. Вельзевул насмешливо глядел на юношу.

— Не надоело валяться, Майстер? На ноги, биттэ, поднимитесь, а то я могу начать думать, что Вам по нраву тешить самолюбие Победителя.

Карлик — а это был самый настоящий низкорослый обладатель уникальной способности выводить Грега из себя — был настоящей занозой. Мало того, что его практически никто не мог одолеть в поединке, так он ещё намеренно любил это подчеркнуть. И да, Карлик одинаково метко колот и шпагой, и словом. Пожалуй, единственным, кого он почитал и вообще не хотел связываться, был Отец Грега, граф. И то, коротышка и в этом случае, будучи подданным графа, позволял себе фамильярности, поскольку обращался к отцу Грега исключительно по имени — граф Зимон.

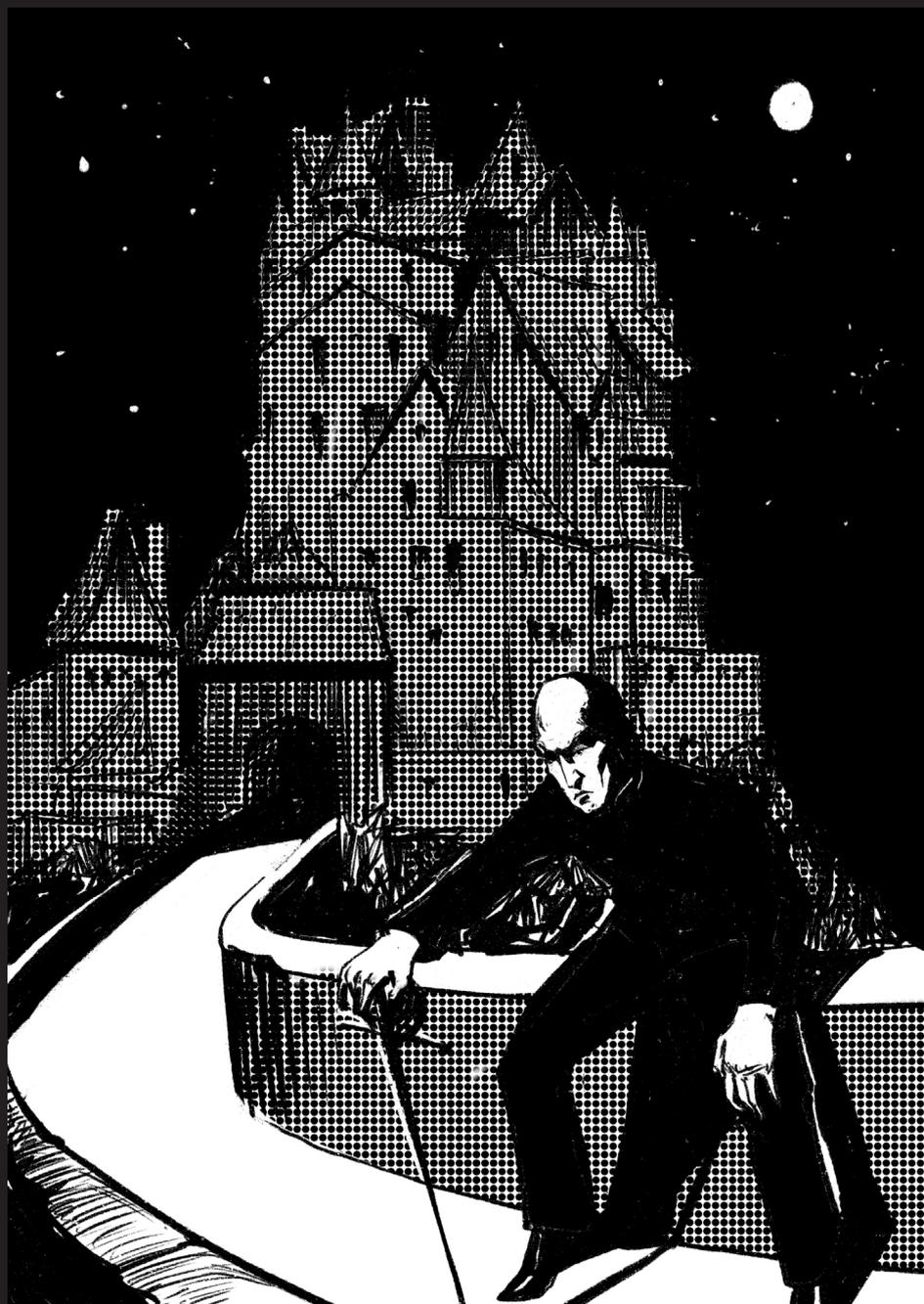
— Не по зубам тебе Вельзевул, малец! Видать, кишка тонка головой думать, прежде чем клинком перед носом у меня размахивать,— карлик зашёлся хрипловатым смехом.

Да, вы не ослышались. Карлик горделиво звался Вельзевулом. Может, Грегу и достался в качестве Учителя по фехтованию какой-то коротышка, но умалять его достоинства было самоубийственно: майн Готт, дрался он как настоящее дьявольское отродье! Да и внешней привлекательностью не отличался: вечно прищуренный левый глаз, из-за чего правый всегда казался не в меру выпученным, острые, чуть выдающиеся клыковатые зубы, да ещё и рост, который должно быть, чёрт его дери, вводил в заблуждение не только Грега. Ещё лет пять тому назад Вельзевул одной рапирой меньше, чем за минуту, положил пятерых верзил, что вздумали ночью стащить из замка, что плохо лежит... Вельзевул был непредсказуем, и потому — всегда опасен. И даже в смешливом настроении и добром расположении духа после парочки кружек пива из домашнего гартена, его невозможно было заставить врасплох. А шпагу вы его видели? Да её и шпагой-то не назовёшь! По меркам Грега это был самодельный обрубок, сантиметров на 20 короче его собственного клинка. Что, впрочем, не мешало Вельзевулу с каким-то везением сатаны и адским рвением уже который год подряд заставлять Грега клясть его самыми крепкими бранными словами. Вельзевул был для юноши чем-то вроде пожизненного упора или препятствия. Единственный сын графа, ещё будучи подростком, лет 13, одерживал победы и не над такими противниками, хоть они и были то старше, то крупнее, то мускулистее. В 14 лет Грег вообще не напрягался, Отец его настолько обучил мастерству фехтования, что с каждым годом юноше всё сложнее и сложнее было подбирать достойных партнёров в фехтовании. И так было до тех пор, пока не появился Вельзевул, этот пронырливый швейцарский обманщик. Грег навсегда запомнил их первую встречу: недоумение при виде карлика, обнажившего шпагу, сосредоточенный прищур, несколько странных па и...удар под ребро и беспомощно вылетевшее из рук собственное оружие. «10 секунд! И вы называете этого недоросля фехтовальщиком, фердамт?! Да ему под стать овец пасти да палкой махать!» — плевался Вельзевул, даже не глядя на Грега. И, казалось, только Отец был доволен. Граф Зимон почему-то беззвучно улыбался и каким-то подозрительно непонятным взглядом рассматривал сына, словно интересуясь, что тот намерен предпринять. Так и началось болезненное противостояние Грега неуловимому дьяволу, вселившемуся в тело ловкого карлика. Победить Вельзевула — такова была цель Грега уже который год... Цель, которая словно стены отцовского замка в Баварии, не собиралась пасть даже перед натиском беспощадного к себе Грега. А тем временем, за все эти годы мерзкий коротышка успел хорошенько обжиться у них в родовом замке — у Вельзевула даже своя «нора» на мансарде появилась, куда он никого не пускал... кроме Грега. Как вскоре выяснилось, Карлик был весьма начитанным и знающим человеком с демонической тягой к наукам. Он мог сутками напролёт что-то изучать, исследовать, переводить, записывать в огромные дневники, обитые кожей — и природное любопытство Грега всегда тянуло его туда, в запретную мансарду. Вельзевул встречал его одинаково: делал снисходительный вид, осматривал с ног до головы, потом жестом приглашал войти — и Грег протискивался сквозь груды книг к любимому месту — за старый деревянный дубовый стол. Чего он только не услышал за этим столом! Вельзевул был дивным рассказчиком и прекрасным учителем, если быть до конца откровенным.

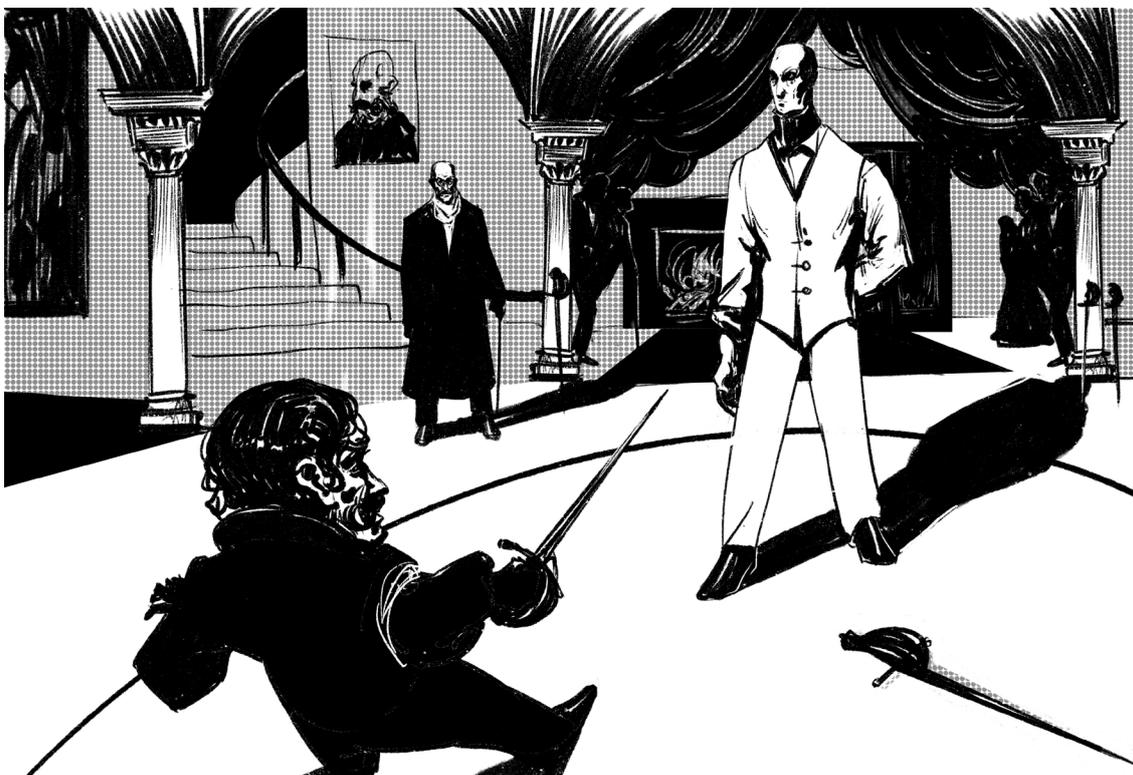
Он всегда умел найти такие слова, что Грег, даже если и был поначалу равнодушен к какой-то теме, скажем, истории или философии, спустя какие-то пару минут уже был захвачен в плен гения Вельзевула... Но стоило им выйти за пределы мансарды, стоило прикоснуться к стали — Карлик снимал одну маску и надевал другую, превращаясь в опасного соперника и противного, мерзкого, с издёвкой комментирующего все падения и провалы Грега! А сколько их было, сколько раз сын графа оставался в дураках, никто не считал. Граф Зимон часто наблюдал за поединками сына, но при нём победить Вельзевула Грегу никак не удавалось. Казалось, что это демоническое существо на ходу придумывало всё новые и новые удары, уловки, комбинации... Выучить это всё или как-то предсказать — было просто невозможно. Бесовской коротышка словно никогда не повторялся! И для Грега это выглядело потрясающе, с одной стороны, и ноюще унижительно, с другой.

«Словно замкнутый круг», — закрыв глаза, думал Грег. — «Как же мне надоела эта возня! Бегать по дурацкому кругу нет никакого толку, делать всё то, что делал — тоже смысла нет. Нужно что-то другое, может даже, кто-то другой, а не «сын-графа-прекрасный-фехтовальщик», который неспособен победить какого-то карлика.

«Любой здравомыслящий воин сказал бы, что моя задумка идиотская, но всё рациональное я уже перепробовал. Бегать по лабиринту — не моё, пора взлететь!» — Грег мимолётно улыбнулся собственным словам и перевёл взгляд на противника.

Вельзевул, привычно прищурившись, оценивающе глядел на Грега со шпагой в руке, и был готов вступить в поединок. И вдруг ... что-то пошло не так. Грег бросил шпагу наземь! Сам. Тихо и неартистично — просто бросил и всё.

Мельком взглянув на ноги соперника, Вельзевул понял: сдаваться тот не собирался! Перед карликом стоял уверенный, спокойный, ладно скроенный молодой человек около двух метров ростом с длинными руками, лишаящими Вельзевула ВСЕХ преимуществ. Граф Зимон, словно прикованный, наблюдал за происходящим. Когда у тебя длинные руки и длинная шпага в придачу — попробуй попади ещё в этого коротышку. А теперь шпаги у Грега не было, и казалось, что у Карлика преимущество — но нет! Как только Грег отказался от шпаги, между фехтовальщиками сократилось расстояние и... за каких-то несколько мгновений сын графа просто отобрал шпагу у Вельзевула. Тот опешил. Он понимал, что всё дело заняло секунд пять не более — ровно столько потребовалось Грегу, чтобы сместиться навстречу выпадку карлика, а затем простым коротким движением выломать у него шпагу.

Вельзевул, словно окаменев, остался стоять на том же месте, понимая, что он впервые проиграл. Но и этого Грегу показалось мало. Победить один раз? Нееееет, этого слишком мало. Ещё подумают, что повезло или что Вельзевул, от тихой демонической грусти, решил ему поддаться да подыграть. А потому Грег вернул шпагу карлику; после из-за спины достал норманнскую дагу, прекрасный кованый семейный кинжал, который был существенно короче шпаги карлика. Да, Грег нашёл кощунственно нерациональное решение той проблеме, которая мучила его всю сознательную жизнь. Карлик всегда его побеждал, несмотря на то, что Грег

был прекрасным фехтовальщиком и мог одолеть КОГО угодно, кроме... Вельзевула. Вплоть до этого момента. Не меняя позицию, Грег стремительно поднял дагу и двинулся навстречу Вельзевулу. Карлик сделал следующий выпад, Грег принял удар на дагу, после чего мгновенно отобрал у соперника шпагу, а второй рукой нанёс карлику непарируемый удар, которым и медведя можно было заколоть. Так Грег продемонстрировал, что он может победить Вельзевула не только голыми руками, но и оружием.

— Прекрасный, достойный поединок!

Грег обернулся. Отец был доволен и не скрывал своей радости. Да что и говорить, карлик тоже был доволен своим учеником. Он даже сказал Грегу:

— Мне было чертовски интересно, когда же ты додумаешься! И я рад, что ты сумел!

— Филен данк, Вельзевул! Славный демон, ты отлично подготовил этого молодого человека, — граф Зимон перевёл взгляд на сына.

— Я рад твоим успехам, Грег. Искренне рад! И считаю, что нам есть, что обсудить. Переведи дух и после обеда жду тебя у себя в кабинете, — добавил Граф и зашагал к замку.

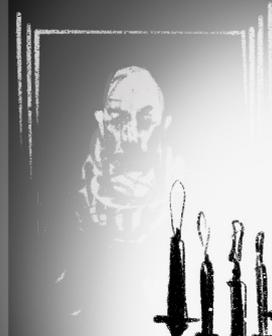
«Беседа будет непростой», — Грег заключил это по тону последней пары фраз.

— Что бы ни случилось впредь — ты по-прежнему в моих глазах Малец, — шутливо заявил карлик, — но теперь я спокоен, ведь ты одолел самого Вельзевула, а значит, противникам твоим заказана дорога в ад!

Громко расхохотавшись, Вельзевул протянул ему руку. Грег был дьявольски счастлив!

Отец, сосредоточившись, не спешил начинать разговор. Графа Зимона вообще нельзя было назвать многословным. Вот и сейчас, зардевшимся поздним закатом летним вечером, сидя на балконе родового замка с сыном, граф, казалось, подбирал особенные слова.

— ... тебе будет очень сложно в жизни, — без предисловий начал Зимон. — Ты молод, смекалист, прекрасно обучен, мечтаешь о насыщенной, интересной, богатой перспективами и приключениями жизни, однако же удел нашей семьи — совсем иной, тяжёлый. Ты наверняка уже успел заметить, что в большинстве своём люди истово хотят находиться в гуще события, они стремятся быть в фокусе и оказываться участниками каких-то важных событий. Но ты никогда не будешь в центре событий. Вся твоя жизнь пройдёт в ожидании. Вся жизнь пройдёт так, что ты запомнишь себя либо стоящим у окна, либо сидящим за столом, либо часами напролёт размышляющим на неудобной табуретке, либо, может, курящим и шагающим из угла в угол... Либо ты будешь просыпаться по ночам: сидеть, курить, смотреть в потолок — так или иначе вся жизнь твоя пройдёт в ожидании. Чего именно, ты хотел бы знать? В ожидании чужого триумфа. Да, твоего личного триумфа и полёта над вершинами былого люди не увидят никогда — и это осознание тяжко, я понимаю. Как ни крути, человек устроен так, что он хочет быть признанным, он хочет быть знаменитым. Ты же никогда не будешь признанным и никогда не прославишься. В нашей семье это не принято. Всегда признанными будут становиться выбранные тобой модели: по сути, твои подопечные. Те люди, которых сделал ты. Их признают в миру, тебя же — нет. Твой удел — ждать их признания; да, именно ждать того момента, когда они станут Великими, людьми с большой буквы. Запомни: твой триумф заключается в том, чтобы ОНИ, твои подопытные стали великими, но не ты. Ты стал великим уже в тот миг, когда родился и первым вздохом дал понять, что ступил на Землю. Однако впоследствии, при жизни, признания заслуг или всеобщей благодарности не жди: покуда будешь жив, всего этого не получишь. Пожалуй, только в узком кругу коллег, единомышленников и тех людей, которые знают правду, тебе крепко пожмут руку и от души скажут «спасибо» ...

Но известным за пределами этого круга ты не станешь никогда. Каким бы великим ты ни был, твоего имени с восхищением или ненавистью не станут произносить ни обыватели, ни знатоки, ни знающие, ни слепцы. Почему так? Всё просто: дело, которым с рассвета разума человеческого занимается наша семья — не предполагает мыслей вслух или предания огласке. Известными становятся лишь те, кого сделал ты; те, кого ты воспитал, научил, выковал, взрастил. Люди, которые благодаря тебе на глазах удивлённых, обозлённых и непонимающих наблюдателей добились небывалых успехов и свершений. Добьются — они, а ты за этим будешь наблюдать из тени.

Немного помолчав и промочив горло, граф Зимон продолжил:

— Знаешь ли, в мировой истории существовало и будет существовать всего два вида полководцев. Очень легко выигрывать сражения верхом на коне, командуя войском. И крайне сложно в сражениях побеждать чужими руками. Когда ты отпустил людей, они ринулись на бранное поле — и от тебя больше ничего не зависит. Занавес поднят, фигуры — на сцене, и теперь всё зависит только от качества той работы, которую ты проделал до этого переломного часа. Проведу аналогию. Ты создал, например, дальнобойное орудие, и это конец, поскольку более от тебя ничего не зависит. И вот, порождение твоего конструкторского замысла выгнали на пусковую установку — всё, ты бессилён. Дас ист финале, ибо ты не можешь ничего: ни внести коррективы, ни добавить что-либо, ни отнять. Кто-то другой, возможно, тебе вообще неизвестный, даст команду «На старт!» — а ты будешь всего-то лишь наблюдать со стороны. И творение либо сработает, как задумано, либо же нет. Знаешь, это как экспериментально-пробный выстрел из новёхонькой пушки: ядро либо полетит, либо не полетит. И как полетит оно, а может, и не пожелает — всё зависит от тебя, от того, как ты сконструировал эту пушку. Вот и вся недолга. Занавес. Оба молчали. В свете очевидного какие-либо слова были попросту излишни. Грег словно перенёсся в другое измерение, когда отец посмотрел ему прямо в глаза сверляще немигающим взглядом и произнёс:

— Будет война.

Грег не сумел скрыть удивления.

— Да, сын, и война эта будет настолько жестока и бесчеловечна, что... и сравнить её не с чем, поскольку доселе таких войн не было. Важно иное: по сути, в этой войне кто-то должен одержать победу. Либо одна из воюющих сторон, либо другая. Либо победишь ты, либо победят тебя. Потом, много позже, спустя десятилетия и десятки десятилетий станут с надрывом восклицать, что «Наш славный Народ победил в войне!» Никто никогда не скажет, что в минувшем мировом противостоянии верх одержал ты, никто не обмолвится, что это твоя победа. Ты же будешь смотреть на всё происходящее со стороны и понимать простую истину: «Народ? Какой такой «народ» ... , да они неспособны никого победить, заложники инстинктов толпы. Они же дуралеи по сути своей, и были таковыми до встречи со мной. А после, спустя годы тяжёлых и упорных тренировок — некоторые из них стали другими, ибо они — плод моего творения. И они победили в этой войне лишь потому, что Я их сделал такими, я их создал и выковал из них победителей. Сконструировал, собрав вручную из множества осколков, и тем самым дал им возможность победить в этой Войне». Эта победа станет результатом твоей работы, как создателя и кузнеца человеческих душ. Но в миру говорить станут другое, словно поддавшись массовой животной истерике, воодушевившись лозунгами про «Народ и его

Мощь». И даже если однажды ты решишь открыть им всем глаза и, скажем, выйти на широкую площадь в огромном прекрасном городе и заявить, что одержанная Победа — это твоя заслуга, что это ты сделал знающих и умеющих людей, которых не существовало до тебя в природе — увы, тебе никто не поверит. Думать они будут иное. А вслух — лишь посмеются. Почему так? Поскольку правда, как негласно сказано, обитает там, где множество безликих людей считают одинаково. Поскольку люди предпочитают приписывать себе чужие заслуги, и ты знаешь, что это самое любимое занятие бездарей и негодяев. Вот и в недалёком будущем некий «народ» припишет себе все твои заслуги — а ты просто будет смотреть на это и молчать. Поэтому тебе...будет очень тяжело. Тот путь, на который встал — путь учёного, полноправного выходца из Гейдельбергского университета — этот путь сам по себе очень непросто и тернист, а для иных — неподъёмно. А потому тебе следует неоднократно подумать, сворачивать с этого пути или нет. Подумать, пока ещё не поздно, поскольку такая возможность рассуждения у тебя ещё есть. Подумать, хочешь ли ты идти по этому пути. Ибо как только ты начнёшь ему следовать, дороги назад уже не будет.

Отец отставил бокал с вином и продолжил.

— Если ты выберешь тяжёлый путь, что же... Знай, что ЭТОТ путь predetermined. Ты станешь тем, кем были твои предки. Выдающимся полководцем. Но! Твоя война — это война чужими руками, это война в лаборатории, в экспериментальном цеху, война с миллионами исписанных листов и начертанных схем. Это война над книгами и против них. Это война на практических полевых занятиях...по сути, на совсем другом полигоне, на ином уровне. А война всех прочих людей — того самого «народа» — это баталии, битвы, схватки, сражения, котлы, противостояния, бойни, резня, потери... И от того, как и какой ты создашь эту армию, зависит всё, зависит мировой исход — победит твоя армия или нет. Поэтому, Грег, ты должен сделать выводы и принять для себя решение — КЕМ ты хочешь быть. Преемником и продолжателем дел моих? Этот выбор значит, что станешь ты Величайшим из великих. Пройдёт много лет и тот самый народ, потомки тех самых людей будут тебе петь песни и слагать оды Непревзойдённому Триумфатору. А люди, которых ты вырастишь и выкуешь — они станут Героями. Они, но не ты. Потому что оцениваются либо совершённые тобою поступки, либо проделанная работа. И когда оценят работу твоей непростой жизни, ты станешь Величайшим, но, если же оценят твои поступки и ратные подвиги в первых рядах на поле боя, тогда в не вечной памяти людей ты останешься Героем. Так кем ты хочешь быть: Героем или Величайшим? Только от тебя зависит, будешь ли ты проявлять ненужный героизм или станешь Великим, как и все предшественники твои, деды и прадеды. И вот ещё что: не тешь себя излишними надеждами и верой в пустое. Без тебя никакие люди как такового героизма проявить не смогут. Они все умрут, как обыкновенные люди. Ты же сможешь обрести такое Величие, что не победит и всепоглощающая Вечность.

Ты рождён в семье с твёрдыми устоями и древними корнями. Однако же, это не значит, что твоя судьба predetermined. Да, ты прекрасный воин и мог бы стать Героем, стоит тебе только захотеть. Но в той же мере сможешь ты стать и выдающимся Учёным, равному которому не будет. Кем быть и как жить — по справедливости выбирать только тебе. И если ты выберешь путь Учёного, ты будешь неизвестным при жизни и почитаемым после смерти. Но если ты выберешь путь Воина — ты вскоре станешь почитаемым при жизни, впрочем, после смерти о тебе неспешно забудут.

Всё дело — лишь в мере ответственности: в том, какую ответственность ты готов взять на себя. Если ты готов взять на себя ответственность за жизнь миллионов людей, путь Учёного тебе по плечу. Но если ты готов взять ответственность только за себя — что ж, за тобой пойдут люди и многие с восхищением будут почитать тебя как Героя. В общем, всё просто: насколько широки твои помыслы, насколько велика твоя личность, насколько грандиозны твои устремления — то и определит меру ответственности, которую ты возьмёшь на себя.

Эта манера отца...его тон, слова, акценты. Что это? Предвидение и предсказание начертанного? Грег распахнул ставни и задумчиво посмотрел вдаль. В сознании отчётливым эхом зазвенели слова отца: «Вся твоя жизнь пройдёт в ожидании. Вся жизнь пройдёт так, что ты запомнишь себя стоящим у окна...». Und doch... Что сулило ему пророчество отца? Что знаменовала эта беседа? Фатум? Судьбу? Роковой выбор? Вовсе нет. Ещё тогда, на балконе, Грег понимал: он вряд ли послушается своего отца, вряд ли станет Героем, вряд ли сбудутся его смелые и безрассудные юношеские мечты. Вряд ли он станет Знаменитым или даже просто Известным. Майн Готт, вряд ли он вообще каким-то образом добьётся хоть какого-то признания при жизни... И всё потому, что он родился в этой семье. А значит, даже если отец и говорит о некоем существующем выборе, что же... по сути, Бог уже давно сделал этот выбор за него. Грег уже родился в этой семье. А значит высшие силы непрекаемо распорядились, чего не изменить. Да, Грег точно знал: судьба Бога — это судьба божественная. У него иной не бывает. А судьба человека бывает разная. Но только не в данном случае. «Нет у меня никакого выбора и не было его ещё с рождения. Бог в простоте и величии своём вершит собственную божественную судьбу, а значит, и мне следует идти по тому пути, который для меня предопределил Господь, позволив родиться в этой семье и в эту эпоху».

Грег всматривался в бесславную пустоту ночного неба. Луны и звёзд не было, казалось, всё заволокла пожирающая чернь зреющей летней грозы.

«Der Mensch denkt und Gott lenkt. Человек ходит, а Бог водит», — вспомнил юноша, решительно закрывая окно.

ГЛАВА 1. ЧАСТЬ 2

Макс вертел в руках потрёпанную книжицу какого-то довоенного года выпуска. Потёртая обложка, сбитые углы, вся в каких-то пятнах. На самом деле книжку он читать вовсе не собирался, скорее механически рассматривал недавнее случайное приобретение, чтоб немного занять себя, пока гостеприимный хозяин, Семён Павлович, что-то пытался откопать на балконе. А с чего, собственно, всё началось. Шёл себе Макс домой, не скучал, не тужил, пока около перехода в метро не заметил какую-то самопальную торговую палатку, а в ней преклонного возраста мужчину. Контраст выцветшей палатки и старика в тёмно-сером деловом костюме, неподходящим для лета, привлёк внимание Макса.

«Стоит поглядеть, что там старик на продажу притаранил. На таких вот бархолках чего только не найдёшь».

— Молодой человек, отдаю почти задаром. Смотри, спрашивай, выбирай. Тут вся моя библиотека, хочешь — классика художественная, хочешь — литература техническая, хочешь — научно-фантастическая.

— Да я, собственно, мимо проходил, если Вы не против, я сначала просто посмотрю...

Макс не заметил, как разговорился со стариком. Что его больше всего поразило, молодой человек так и не понял: то ли, насколько старик держался живчиком в свои-то 84 года, то ли насколько он грамотно и занятно говорил. То ли изумился факту, что перед ним стоял Герой Социалистического труда, в прошлом инженер-конструктор и... продавал втридешеву книги возле перехода. Макс знал: старик сказал правду, не соврал про звезду Героя СССР. И ему стало как-то горько от этой картины, от такого исхода или судьбы, что ли. Он зашарил в карманах, достал портмоне, ещё не придумав, что и как он скажет, какую книгу купит (да и смысла это особого не имело).

— Молодой учёный, говоришь, физик? Уже и кандидат наук? Неужели дожил я до таких лет, что наконец-то рождаются стали те, кто страну будет поднимать... Что ж, думаю, есть у меня для тебя кое-что полезное, погоди. Старик достал из-под полы и положил на самодельный прилавок тёмно-бордовую книгу. На обложке выцветшие буквы гласили: «Именем революции».

Макс ни капли не пожалел, что оставил старику все деньги. Тот, конечно, как-то пробовал опротестовать его решение, что-то говорил в спину, но Макс уже не слышал. Он просто шёл домой уже в каком-то тусклом безрадостном настроении.

Вот так эта ветхая книга оказалась у него в руках.

«И что мне теперь с ней делать?» — подумал Макс. — «Именем революции». Это скорее не мне полезно будет, а Семёну Павловичу интересно».

Чаёвничать и ходить к соседу в гости было сродни какому-то ритуалу. Ещё в детстве Макс бегал к Сашке Хайзенвальду, внуку громогласного историка. Сегодня Сашка уже звался Алексом и вёл какой-то свой проект в США, куда и родителей перевёз, и деда бы перетащил, но тот отказался наотрез.

«Где рождён — там и помирать буду, на родной земле!»

Семён Павлович был человеком упорным и уж если принимал решение, спорить с ним было бесполезно, а людям с неустойчивой психикой порой даже и опасно.

Макса же он жаловал и всегда был рад видеть, к тому же, в последние лет 10 молодой человек и вправду нечасто появлялся на пороге его скромной киевской обители.

— К чаю пряники — это, конечно же, хорошо, но куда же без мёда! — торжественно вынося с балкона желтоватую бутылку, изрёк Семён Павлович.

Вскоре они уже чаёвничали да обсуждали последние новости в стране.

— Так, показывай, что ты там мне принёс.

Макс протянул книгу, историк полистал немного, буквально пару минут и задумался.

— Откуда она у тебя?

Макс рассказал про случай у метро, умолчав про деньги и реакцию старика.

— Спасибо, конечно, за книгу, я её обязательно изучу. Но ты-то чего сразу стал такой смурной?

Это было одно из особенных словечек Семёна Павловича. Может, и не современное, но абсолютно точное. Макс нахмурился и спросил:

— Не каждый день встречаешь старика-героя СССР, который торгует книжками из собственной библиотеки. Да он, наверное, её всю жизнь собирал, дорожил, но сейчас просто распродаёт за копейки, чтобы просто выжить. Разве это справедливо? Разве так всё должно закончиться?

— Не думаю, что ответы вообще есть в данном случае. Сегодня в мире — другие ценности, запросы и требования. И если ты не успеваешь вовремя меняться и начинать соответствовать этим требованиям — что же, вряд ли размышления о справедливости и несправедливости тебе помогут.

Немного помолчав, Семён Павлович продолжил:

— Время никого не щадит. Те, кто героями и великими людьми были при жизни, что ж, сегодня их авторитет оспаривается всякими умниками, привыкшими пинать мёртвых львов. Вот взять хотя бы Брежнева. Да у него 4 звезды Героя Социалистического труда! И что, сегодня в 21 веке его хоть кто-то как героя воспринимает? Маловероятно. А сколько людей, на твой взгляд, вообще были удостоены такой чести — чести Героя? Каких передовиков «соцтруда» ты знаешь? Навскидку можешь сказать?

— Да, пожалуй, только пару конструкторов военных могу припомнить. Дегтярёв, Королёв.

— Да, у Дегтярёва вообще две звезды таких. А у главного инженера, отправившего ракету в космос — одна только. Но ведь это лишь пара примеров, Макс! А сколько всего таких людей было на весь Советский союз? Ну, конечно, больше, сотни людей... и где они сегодня? Спят на задворках небытия или, в лучшем случае, на страницах старых, переписанных учебников?

Семён Павлович разошёлся и останавливаться не собирался.

— ...давеча как недавно я смотрел одну странную «аналитическую» передачу. Если вкратце, там один спикер доказывал, что победа в войне великой Отечественной — сплошь заслуга Сталина. Не собираюсь, конечно, умалять его заслуги, но формулировка неверна в корне! Что значит «заслуга одного Сталина»? Только то, что человек, делающий подобного рода заявление совершенно не знаком с про-

блематикой темы, о которой он распинается. Один Сталин, сидя в ставке, может выиграть войну? ОДНУ из войн — допустим, сие возможно. Но война-то была не однобокая, нет. Одно дело — гонка и война высоких технологий, как сейчас модно говорить. Совсем другое — реальное танковое сражение, а танки ещё изобрести и сконструировать предстояло...это кому делать пришлось? Уж явно не Сталину. Ну и, бесспорно, тайная диверсионная война — третья грань, где тоже нужны были и люди, и подходы, и тактика... да много всего. Пришлось принимать решение, как минимум, о том, как расставить приоритеты, на что сделать акценты. Так, первая ставка, которую в Советском союзе безупречно сыграли — это авиация. В пик Второй мировой войны появились не просто самолёты, но именно неплохо так развилась разрушительная сила конструкторского гения. А некоторые модели в чести на мировом рынке ДО СИХ ПОР. Несмотря на все права человека и супервлиятельные международные конвенции. Тихо-мирно, где и кому надо, работают заводы — и всё тут. Следующий момент: несомненно, при разработках в СССР также был сделан упор на высокоточное вооружение, я имею в виду вооружение, срабатывающее по принципу «уничтожить то, что нужно и не уничтожить то, что не следует». Хотя нельзя сказать, что эта гуманная формулировка уместна в таких случаях, как блокада Сталинграда или осада Севастополя. Макс, ты вот на досуге посмотри-ка на послевоенные фотографии, скажем, Севастополя. Думаешь, что-то от города осталось под конец военных действий? Да ровным счётом ничего!

Макс кивнул, давая понять, что он весь во внимании.

— Именно ничего не осталось! Всё, что мы видим в Севастополе сегодня — это заново отстроенные улицы, здания, дома и прочее. Да после войны в Севастополе неразрушенными до основания остались лишь 4 здания на весь огромный город — и то, все непригодные ни к жизни, ни к чему. А как так вышло? А потому что противник изобретательно ставил самые настоящие боевые эксперименты над Севастополем! Одной пушки Доры показалось мало, им ещё пушку Карла подавай, мортиры передовые! «Чем больше площадь поражения — тем лучше!» Вот такое время — военное... Но оно нам о чём говорит? О том, как минимум, что авиация и артиллерия в период Второй мировой развивались активнее, чем сегодня обрюзгший толерантностью житель 21 века может себе представить. Пик развития артиллерии и авиации — это Вторая Мировая, в 21 веке умело пользуются наработками и плодами своих предшественников, а насколько эффективно и мощно работали и продолжают работать хоть миномёты, хоть пулемёты — этот наглядный урок всем известен. Да, я уже пару слов сказал, повторюсь буквально кратко. Недаром Вторую Мировую называют ещё и «танковой войной»! Да если даже вашу википедию открыть новомодную, ты посмотри только, сколько этих бронированных слонов было изобретено! Да модели десятками представлялись каждый месяц, не все, конечно, шли массово на конвейер, но тем не менее. Одним Т-34 нельзя ограничиваться, конструкторский пир в танковом изобретательстве был просто невероятным. Где сегодня те люди, которые всё это изобрели и сотням миллионов жизни спасли?

Вопрос был, скорее, риторическим, и Макс решил не отвечать.

— Немцы были очень сильны в авиации. И в общем-то никто этого не скрывает. Противопоставить им в авиации что-то было достаточно непросто. То, что сделали немцы, были очень хорошими образцами вооружения. По сути, в СССР требовались люди, способные конструкторски противостоять немецким наработкам.

С другой же стороны, на начало Второй мировой войны немцы располагали 3000 танков против 25000 сталинских — вещи несопоставимые. И многие люди могли бы спросить, а как же тогда они до Москвы дошли? Это очень интересный вопрос. До сих пор дискутируемый историками. Согласно статистических данных, у Сталина было 25000 танков. У немцев 3000. И если превосходство в воздухе Германии было значительным, то превосходство на полях сражений было очень не в пользу Германии, скажем прямо.

Семён Павлович вздохнул.

— И самое обросшее легендами и мифами поле военной смекалки и героизма — это война тайная, война за фронтовой зоной, война на оккупированной территории. Диверсионные отряды, партизанские отряды, армейская, полковая, батальонная разведки, которые работали за линией фронта и «пили кровь» людям там, на оккупированной территории. Но знаешь, что, Макс? Знаешь, что самое главное в этом? Что никто не знает, КАК и ОТКУДА у Сталина появились такие люди, одни без имён и фамилий, другие — прославленные на весь мир: люди, способные решать диверсионные задачи в тылу врага? Причём появились резко, словно из-под полы, будто они всегда были у Сталина (или у его предшественника, Ленина)? Появились и наводнили Европу, Америку, хоть Северную, хоть Южную? Такие чудеса мгновенно, словно по мановению палочки какого-то злого гения, не происходят. Как говорил мой Учитель, люди аквалангистами не рождаются, они аквалангистами становятся. Соответственно, не рождаются они и офицерами, воинами, разведчиками, конструкторами... В природе человеческой многое приобретаемо. Даже сверхъестественное.

— А как же природный потенциал? Талант и так далее? — подал голос Макс. Это что, не в счёт? Я всегда думал, что наследие есть какое-то, генетика, предрасположенности какие... и на основании этих талантов люди кем-то и становятся. Семён Павлович сначала широко раскрыл глаза, а потом рассмеялся от души.

— Вот смотрю я на тебя и диву даюсь. Макс, ты порой как скажешь — хоть стой, хоть падай. Ну, давай, пусть, по-твоему. Вот 21 век. Генетика у тебя, таланты, прочая белиберда... И не только у тебя, конечно. Где ж, в таком случае, Люди с большой буквы? Где Герои? Где великие изобретатели, конструкторы, новаторы? Нет их, хотя задачи не пропали и спрос на них никуда не исчез, скорее, только возрос. Да после Второй Мировой и прочих коллизий 20 века, наше «наследие» должно было обогатить нас и сделать сильнее и талантливее, по твоей логике, но почему-то так не происходит... Да что я тут перед тобой распинаюсь. Как говорил несносный француз Рене Декарт, «нас рассудит эксперимент» Погоди, Макс, буквально уно момент!

Семён Павлович с несвойственной его возрасту живостью буквально убежал в соседнюю комнату, которую именовал «кабинетом». Несколько мгновений спустя он появился с небольшой коробкой в руке, таким себе пеналом, что ли. Макс изумился, когда добрый доктор исторических наук этот пенал открыл. Там лежал нож. Обыкновенный с виду, простая рукоять, лезвие сантиметров 40, ни блеска, ни лоска, но что-то такое было в этом ноже, что Макс понял: он особенный.

— Давай, парень, смелее, Сталь не для того создана, чтобы на неё смотреть. Бери в руки нож.

Макс осторожно взял нож в руки и... нет, небо не разверзлось, тучи не сгустились, шаровая молния не залетела в согретую июлем комнату. Просто он понял, что нож идеально лежит в руке, невесомо, как будто там ему и место.

Эта мысль его определённо заинтересовала. Семён Павлович же отодвинул стулья и журнальный столик в сторону, создав некий коридор, и отошёл в другой край комнаты.

— Повертеть успеешь ещё. Макс, ну-ка, покажи класс. Вот тебе задачка, простая. Макс с опасливым недоверием посмотрел на историка.

— Да не дрейфь,— улыбнулся Семён Павлович,— это же банальный эксперимент. Подойди ко мне на то расстояние, с которого ты гарантированно попадёшь в меня ножом. Макс посмотрел на хозяина, недавно потчивавшего его мёдом и удивлялся метаморфозам. Семён Павлович стал азартен не на шутку и, казалось, даже помолодел.

— Чего стоишь, как вкопанный! Давай, просто подойди ко мне на то расстояние, с которого ты гарантированно сможешь ударить меня ножом.

Макс прикинул дистанцию, сделал пару шагов вперёд. Ну, вроде вот то самое расстояние. Хотя нет... Может, ещё ближе? А куда бить-то? А что значит «гарантированно»?

— Макс, если столько думать в бою, ты труп... — протянул Семён Павлович.

Макс решил не спешить. Он снова отошёл в дальний угол комнаты, чтобы оценить расстояние и ситуацию. «Что-то тут всё... слишком просто! — червь сомнения точил Макса.— Сдался ему этот нож!»

Но Семён Павлович молодого только подзадоривал.

— Макс, может, тебе не мёд, а «Сникерс» предложить, чтоб ты соображал скорее? Батарейки подзарядить, а? Как тебе идеяка?

Макса это не то чтобы злило, злило скорее то, что он не был уверен в собственных расчётах. Но, была не была!

Макс сократил дистанцию, подошёл к старику, вытянул руку и... понял, что нож пролетит мимо. Историк как-то нехорошо ухмыльнулся.

— Давай ещё раз,— предложил он.

Хотите верьте, хотите нет, но для Макса этот эксперимент превратился в какую-то трагикомедию. Ещё раза три точно он выбирал другое расстояние, но Семён Павлович по-прежнему оказывался вне зоны поражения ножа и риска, соответственно. А потом Макс просто психанул и подошёл к экспериментатору практически вплотную и медленно приставил нож.

— Вот теперь гораздо лучше! — улыбался Семён Павлович. — Теперь давай посмотрим, сколько раз ты ошибся — столько раз ты труп. Пока ты распинаялся о наследии, талантах, предрасположенностях — ты 4 раза стал трупом. Почему-то не сработали ни генетика, ни инстинкты, ни не дай Бог, твоя Интуиция.

Макс молча водворил нож обратно в пенал.

— Всё дело в навыках, Макс. Навык либо поставлен, либо нет. Он из воздуха не берётся. Да столько нужно всего, чтоб банально хоть один навык поставить! Вот взять хотя бы навык обращения с холодным оружием. Условия специальные требуются, среда, так сказать. Метода, подход к этому человеку — все же разные! Одни худые, другие длинные, одни храбрые до одури, другие просто недалёкие... И самое главное — Учитель нужен, преподаватель толковый. И конечно, вот это всё должно работать как-то. Другими словами, ШКОЛА нужна. Чем бы ты ни занимался и чему бы себя ни посвящал.

Макс уже вернул на место стол и стулья, и они снова присели.

— А теперь просто задумайся, вот так поверхностно даже, легонечко. Макс, откуда у Сталина за каких-то пару лет появились ВСЕ нужные люди? Конструктора, изобретатели, менеджеры-руководители? А? Не знаешь? Да не спеши руками разводить: вот тебе ещё один вопрос на засыпку. А откуда в таком количестве возникли НИИ и вообще кузница кадров? А такие «богоугодные» заведения, как ОГПУ или НКВД? Ведь ничего из ничего и не приходит, ты ж понимаешь. Вот начало правления Сталина: голая страна, нищая, несчастная, с малограмотными людьми, отстающая в развитии лет на «цать». А вот война и венец правления Сталина — и ракеты в космосе, и Нобелевские лауреаты советские на международных конгрессах, и трижды Героя Социалистического труда вытворяют небывалое!

Семён Павлович налил себе чаю.

— А теперь вопрос просто на миллион. Авиация, артиллерия... тут можно порассуждать да поспорить. Но вот аппарат разведки и диверсионный аппарат — это просто явление на грани фантастики. Все разведки мира и сегодня учатся на примере операций Короткова, Серебрянского, Эйтингона. Троцкого устранить Ледорубом в жаркой Латинской Америке? Решаемо. Профинансировать Фрейда и получить благодаря его «психоанализу» доступ ко всем душевным излияниям ключевых европейских политических деятелей и не только? Тоже решаемо. А Судоплатова до сих пор как называют? В курсе? «Терминатор Сталина». А Илья Стариков? Казалось бы, молодой человек был храбр и очень любил подрывное дело... Но почему-то именно он стал личным врагом фюрера, Адольфа Гитлера. Откуда эти люди, Макс? Самородками их не назовёшь, удачливыми и талантливыми тоже. Нет, они не выросли, как грибы после дождя. Они все прошли определённую подготовку, которая сегодня нам и не снилась.

— Да наверняка наивысшего уровня секретности, не иначе, — заключил Макс.

— Именно. Совершенно секретно государственной важности. — Семён Павлович хитро поглядел на парня. Это тебе не книжки на барахолке скупать, Макс, такая информация, если и сохранилась, то в архивах, что и Третью Мировую переживают. И Это Школа особая, неповторимая, и её последователям и выпускникам под силу было многое, самые настоящие сверхзадачи! Что миру и было продемонстрировано в полном объёме, да так, чтобы крепко запомнили.

— Семён Павлович, есть вопрос, не сочтите его ...неуместным или невежливым. Но... откуда Вы это всё знаете? Про Школу, сверхзадачи, такие странности и расхождения в истории?

— Много знать будешь, скоро состаришься! — рассмеялся в ответ Семён Павлович и добавил.— Поживёшь с моё, немного поумнеешь ещё — может, и не то прознаешь.

Они посидели ещё немного и Макс решил пойти уже домой, к родителям.

— Вот тебе нож, забирай. Пригодится для умственных тренировок.

— Умственных? Я не ослышался?

— Нет, Макс. Ум точить мужчина должен, а лучше ножа для того ничего нет.

Семён Павлович протянул ему пенал и, понизив тон, добавил:

— Это нож разведчика, чтоб ты знал. Самый настоящий. И если бы он мог говорить... у многих бы кровь в жилах застыла от его историй.

Доктор-историк проводил юношу, закрыл за ним дверь и вернулся в тишину кабинета. Открыв ключом ящик письменного стола, достал оттуда старую тетрадь, без названия и принялся листать исчерченные и исписанные страницы.

«Откуда я это знаю, малец? Да кому расскажи, не поверишь. Я хуже, чем Тора или любое Святое писание, ведь моя память не нуждается в переписывании. Я не просто знаю Школу, я знаю её Историю. Историю тех людей, которые и принесли нам эту Школу. Людей, с которых всё начиналось. Великих Деятелей и Выдающихся Учёных. Докторов военных наук, генерал-лейтенантов. Людей по ту сторону занавеса. Тех, чьим именам не суждено греметь при жизни, но после смерти... порядок истории всё расставляет на свои места.

... и на обломках мироздания напишут Ваши имена.

Григорий Семёнович Попов

Алексей Самуилович Яковлев

SI VIS PACEM, PARA BELLUM
ХОЧЕШЬ МИРА, ГОТОВЬСЯ К ВОЙНЕ

ГЛАВА 2. ИМЕНЕМ РЕВОЛЮЦИИ

Грег рад был видеть гостей. За последний год неспящего пребывания в Гейдельбергском университете им всё реже удавалось собраться вот так, втроём. А повод был самым что ни на есть серьёзным.

— В общей сложности в братствах, учитывая, конечно, и Корпус Правды, около 240 человек, — начал Алекс. — Со всеми проведены соответствующие беседы. Указания приняты, все готовы выезжать в Берлин, а оттуда перебираться в Петербург. С ключевыми задачами наши братья ознакомлены, им известно, как действовать.

— Связь отлажена, — продолжил Элиас, — на той стороне есть, с кем дело иметь: всё, как ты говорил.

— Что же, друзья! — торжественно произнёс Грег. — Die Zeit läuft. Tick-tack: несколько финальных па перед нашей альма-матер, и приступаем к реализации задачи. Делай, что должен и управляй тем, что будет!

— Грюс Гот! — был ему ответ.

17 июня 19** года.

Аукнется нам ещё не раз резонанс Брест-Литовского мирного договора. Этот сепаратный мир — только на бумаге. С одной стороны, условия для нашей операции благоприятны. А на деле? На деле, переправить в Петербург 250 человек — это не самая простая задача. Хоть немецких слобод в этом городе давно уже немало, да и люди там разные — от высших чинов до простых честных ремесленников, всё же действовать нужно организованно и строго по плану. Впрочем, братья наши — люди подготовленные, они знают, на что идут. Да и если б не знали — всё равно бы пошли: им достаточно отдать одно распоряжение. Братьев в том виде, как они знали друг друга эти годы, больше нет. Нет Гансов, Германов, Отто, Фридрихов, Мартинов. Нет Эйзенхауэров, Пфальцев, Бёргеров. У всех новая жизнь, а значит, новые имена и фамилии. Русские. Чем проще, тем лучше; были, конечно, идеи, поддержать волну Троцкого и остаться в масках еврейства бывшей Российской империи, но нет, это очень недальновидная идея. Сегодня Троцкому они выгодны, а потому годны, а завтра... Завтра у этого фанатика может сыграть совсем иная пластинка. А потому — мы русские. Не Грег, а Григорий Попов, а мои близкие, — Алекс и Элиас — Алексей Яковлев и Илья Мотыгин. Sicher. А перед нами — дело мирового масштаба, небывалой величины. Но чтобы его это разрешить, мало новых имён и старых привычек. Самое главное — посадить перед собой конкретного человека Того, с кем можно «иметь дело». И уже потом всё остальное. И нет такого драгоценного ресурса в запасниках как время, поэтому действовать будем по одиночке. Нас трое, мишень известна, зайдём с разных точек. У меня нет сомнений в исходе, этот человек хочет власти, и не в его условиях диктовать какие-либо условия таким, как мы. Людям с особенными возможностями. Какое у него будущее? Явно неясное и неслетное. Власть на его глазах делят уже сегодня, рвут зубами, словно акулы, которые чувствуют: пожрать им больше не дадут. И в этом море акул — он один против этой толпы. Ленин? Ленин ему не поможет, да и вообще неизвестно, что с ним...

станется: либо он сам в скором времени уйдет из жизни, либо ему помогут. И в этом рваном море растерзанной именем революции и «старой-новой идеологией» СПРАВЕДЛИВОГО МИРА он совсем один и помочь ему некому. Рано или поздно на него устроят покушение. Устранят как препятствие и будут грабить остатки великой Империи дальше, привычно же. А, впрочем, и это ненадолго. Все эти умники царя горохового просто сожрут себя сами, а Ленин — он невечен. Умрёт так или иначе. Ему Брестский мир не простят и уж тем паче не забудут покушение на Мирбаха, ихь вайсс дас. По сути, эта опрокинутая набок волнами революций и гражданских междоусобиц подорванная Империя — не просто страна разрозненных умов и потерявшихся душ. Это страна непуганых идиотов, и что ещё более страшно — страна инициативных идиотов. С трудом представляю, как мы здесь будем работать, вернее, даже не так. С КЕМ ТУТ РАБОТАТЬ? Это же остолопы совершенно неподготовленные, неуправляемые, не знающие ни меры, ни чести. Их переделывать или как-то перекраивать — да просто бесполезная затея. Не вылепишь из испражнений коровьих трюфель королевский, как ни крути.

Яков Блюмкин... Майн Готт, я как вспомню его «рекомендателей и рекомендации!» Это ж кем надо быть, чтоб так работать! Не сумеешь втроём убить одного посла! Бахвалиться своими «talантами вербовать нужных людей, которые сами ему всё рассказывают», а потом — всё так бездарно завалить. И как бы он, будучи больным, ни божился, что преданный и Дзержинского боготворит, когда пьяный — вообще не ту пластинку крутит. Блюмкин не стесняется кичиться тем, что он особенный, и что цену себе знает, а верен он лишь инстинктам, взрощенным Одессой-мамой. Я просто поражаюсь, как вообще на таких людей кто-то может полагаться или рассчитывать. Стрелять в упор — и не попасть? Взорвать бомбу, прихватить ещё пару запасных взрывных устройств — и всё это насмарку? Я сильно сомневаюсь, что Мирбах — этот неудачливый граф, германский посол, да двое его «друзей по несчастью» — отмечен печатью фортуны или как это говорят... Мало того, что задачу не выполнили, так ещё и уйти нормально не сумели! Как можно было ногу сломать и пулю словить — я не понимаю, но Яков Блюмкин сумел... А потом его по госпиталям решили спрятать, лысого, безбородого, чтоб послы-недострелыши не опознали. Это даже комедией назвать нельзя: самая настоящая трагикомедия в трёх актах. И с кем прикажете воевать? Вот с такими как Блюмкин и его пособники? С любимцами Троцкого и его дураками с наганами? Да впереди война, шайссэ, и враг не станет валять такого дурака. Это не ВЧК, в который стащили всех без разбору. Эти люди ни на что не годятся. Такое понятие, как «последствия» им вообще незнакомо. Ну, организовали они этот недоделанный налёт, воду взбаламутили, и что? Уверен, ретивые деятели ВЧК об этом даже не задумываются сейчас. Ни Блюмкин, ни Дзержинский, ни Менжинский. Пострадают все, без исключения. Расстреляют их не сразу, это совершенно необязательно, но и чаша терпения у тех, кто сидит на пороховой бочке с зажжённой спичкой, может переполниться в любой момент.

И на всех этих людей ставить нельзя. Всё, что они умеют — делить власть и грызть глотки, страной управлять они не смогут, да ещё и война впереди, а она никого не жалует. А тот, кто потенциально сможет страну сделать державой, а её людей — героями, конечно, не без пары дополнительных зорких глаз и умелых рук, по сути, только один. И других вариантов нет... просто не из кого выбирать, откровенно говоря. И задача первичная проста: посадить его перед собой и дать понять, как на самом деле обстоят дела.

Так что, герр «Сталин», будет у вас достойное будущее. Будущее, которое не ждёт. А потому задачу разделим на троих. У Мотыгина своя специфика, он гешэфт знает, ему никто не нужен, только карты спутает. Это айнс. Яковлев скорее всего сыграет на противоречиях какого-то высокопоставленного лица из окружения Сталина. Это цвай. Унд драй. Как посадить перед собой Сталина я уже знаю. Осталось дело за малым...

Эльза была прекрасна. Хорошенькая, благовоспитанная шатенка, с идеальными манерами и задорно вздёрнутым носиком. «Наверняка изрядно любопытным», — решил Грег. Наблюдая со стороны, Эльзу так и тянуло назвать прекрасным ангелом, или, как любят воспевать поэты, порождением самих небес. Но небрежно скрываемый хищный блеск зелёных глаз говорил сам за себя. Эльза не могла не заметить рослого молодого человека, одетого дорого и со вкусом, да ещё и порядочно поглядывающего в её сторону. «Какой интересный юнгерман, — подумала она, — раньше его в наших краях не было». Как и любая германская аристократка, находящаяся по воле судьбы вдали от дома, Эльза любила приключения. И Грег это знал, как никто другой.

И как же ваш многоуважаемый Фатер, герр Дармштатт, позволяет Вам разгуливать одной в столь беспокойное время? — глядя Эльзе в глаза, спросил Грег. — Неужели он не дорожит своим сокровищем? Эльза только рассмеялась. Она и ждать не ждала, что рутину их затянувшейся торговой миссии развеет своим появлением такой высокопоставленный молодой сын швейцарского банкира, единственный сын, да ещё и холостой. Она с радостью перешла на родной немецкий язык и рассказывала буквально обо всех новостях; казалось, её собеседник был прекрасным слушателем, тонким эрудитом и вообще таким ... прекрасным ухажёром! Он словно догадался, что она давно хотела в этот ресторан и была искренне рада сменить обстановку.

— Вы скучаете по дому?

— Немного. Знаете ли, мы должны были вернуться в Регенсбург уже как полтора года назад, но... — Эльза замешкалась.

— В связи с последними минувшими неоднозначными событиями Ваш отец испытывает некоторые затруднения, — завершил за неё фразу Грег.

Эльза бросила на него мимолетный взгляд.

— Знаете ли, милая Леди, пожалуй, я мог бы посодействовать делам Вашего отца и Вашей дражайшей семьи. К тому же, я в слободе по делу, уверен, мне наверняка и так предстоит познакомиться с Вашим отцом, как только я получу рекомендации...

Что там ещё было сказано, Эльза прослушала. В её сознании за каких-то пару минут Грег уже выглядел настоящим рыцарем. Этого было достаточно.

— Позвольте, зачем же ждать так долго! Я с радостью познакомлю Вас с отцом! Нет во всём Петербурге более гостеприимного господина, нежели Генрих Дармштатт...

Грег тепло улыбнулся, несколько преклонил голову и ответил:

— Премного благодарен, милая Эльза, но я боюсь выглядеть... как внезапно появившийся, неожиданный гость, это было бы неучтиво...

Эльза и вовсе его не слушала. Она уже всё решила и нарисовала.

— Биттэ, не придумывайте! — она мгновенно переключилась на Грега. — Мы будем Вам очень рады! Уверена, Вас не затруднит заглянуть к нам, к тому же... - Эльза продолжала говорить горячо и убедительно.

А «холостой единственный сын банкира» искренне улыбался в ответ.

Генрих Дармштатт, 52 лет от роду, статный седой немец, грозно глядел на молодого человека, который почему-то никак не хотел выглядеть напряжённым. Напротив, свободно выдерживая сверлящий взгляд хозяина, он был предельно спокоен, словно сидел в этом кресле не первый год. Молодой человек был ладен, говорил по делу, был предельно вежлив. Все регалии и манеры говорили о том, что в доме Дармштатт гостит аристократ древних кровей, который впервые в России по поручению отца и его партнёров.

— Как же мы рады, что Вы решили присоединиться к нашему субботнему семейному ужину! — восклицала фрау Дармштатт.

Вскоре после трапезы отец Эльзы пригласил молодого юношу к себе в кабинет. От былой угрюмости и недоверия и тени не осталось: парень был, что надо, достойный избранник: выходец из прекрасной семьи, человек с выдающимися организаторскими способностями и определённо недюжинного ума.

— Я благодарен Вам за приём, герр Дармштатт. Разрешите и мне пригласить вас — да, лично вас — на обед в ресторан?

И вот спустя несколько дней, сидя напротив Грега, Генрих Дармштатт понимал, что за свои 52 года он не встречал ещё настолько прямого и уверенного молодого человека. Грег в его глазах предстал уже не просто как юноша, потенциальный избранник дочери, но как надёжный человек с большими возможностями и необычными способностями.

— Да, я, конечно, думал, что ты неординарный. Но что настолько — я даже не мог представить себе. Чего же ты от меня хочешь?

Немного подумав, Грег ответил:

— За столько лет работы в России все эти известные пройдохи, уверовавшие в собственную власть и вседозволенность, тащат, что плохо лежит, воруют, продают и всё за рубеж. Наверняка в этой среде у вас существует огромное количество контактов?

Герр Дармштатт не стал темнить:

— Контакты есть все, до единого. Чьи хочешь, вплоть до Ленина и Сталина, — а Грег тем временем продолжил:

— За последние пару лет подпольные аукционы идут один за другим. Наследие бывшей великой Империи раскупают все, кому не лень. Оружие, манускрипты, короны, алмазы-брильянты и прочие драгоценности — всё это одни просто крадут и продают за границу. Сегодня в России уже бездна людей пришлых, и они здесь ненадолго: видимо, пока не скупят национальное достояние царской России. Это же только для «простого люда» НЭП и диктатура пролетариата; а для людей с деньгами — полный капитализм.

— Я так понимаю, эти подпольные аукционы можно было бы посетить лично?

— Безусловно. Но ведь тебя не сами аукционы интересуют?

— Герр Дармштатт, мне важно встретиться тет-а-тет с очень важной персоной. И вопрос этот безотлагательный, цена ему — жизни многих. И почему так, с Вашего позволения, я Вам сейчас объясню.

Грег не стал скрывать ничего: ни своего происхождения, ни род деятельности отца, ни его положения в Европе, ни то, что сам Грег — один из лучших выпускников Гейдельбергского университета, а главное, пояснил, зачем он прибыл в Россию.

Герр Дармштатт думал недолго.

— Знаешь, я всё тебе сделаю, со всем помогу. Во-первых, ты мой соотечественник, во-вторых, сын влиятельной семьи в Германии, в-третьих, мне по духу всё то, что ты рассказал. Я мог бы продолжать и далее. Впрочем, есть одно «НО», прежде, чем я дам утвердительный ответ и помогу тебе. Эльза должна знать, кто такой избранник её сердца и что её ждёт. Да, мне нужно посоветоваться с дочерью.

— Конечно, герр Дармштатт, как скажете.

На следующий день состоялся разговор отца с Эльзой, однако, он не был длительным или витиеватым.

— Такая ситуация. Знаешь ли, дочка, этот молодой человек, который тебе искренне нравится, с которым ты уже нарисовала своё будущее и лелеешь мечты — он действительно немецкий аристократ, человек надёжный и достойный. И не хмурься, дорогая, в этом ключе всё в полном порядке. Я о другом. Как выяснилось, есть нюансы, и все эти нюансы, вплоть до того, ЗАЧЕМ Грег прибыл в Россию, мне стали известны из нашего частного разговора. И я должен, просто обязан тебе эти нюансы объяснить.

Вы думаете, Эльза особо слушала? Да ей, как и любой влюблённой женщине, было, собственно, всё равно, какой негласной деятельностью занимался или планировал заниматься избранник её сердца. В глазах Эльзы Грег был самым настоящим Принцем, и отец только что всё это подтвердил. И хотя Эльза смекнула, что будущее с этим избранником связано с длительным делом и пребыванием в России и что будущее это нескоро будет связано с родными краями, её ничто не могло остановить. Эльза выпалила отцу всё, что думала по этому поводу и со всей дамской горячностью в словах своих нехватки не испытывала.

— Ничто тебя не переубедит, так? Что ж, дочка, тогда я сдаюсь...сдаюсь.

А тут ещё и жена его, фрау Дармштатт, тихо но верно продолжала нашёптывать отцу, что лучшего будущего для своей дочери и семьи и пожелать не могла бы, приводя множество аргументов «за» такой исход.

«Голос разума затмевают голоса женщин», — вздохнул герр Дармштатт. Что ж, от судьбы не уйдёшь.

Прошло пару дней. Молодой человек прибыл в их особняк в назначенное время. Прогулявшись в саду, обсудив последние новости о рынках Европы, они переместились в кабинет.

— Я рад Вашему решению, герр Дарштатт, — начал Грег.

— Да, недолго мне пришлось оборону держать, — рассмеялся хозяин. — Эти две женщины с ума сведут кого угодно, если захотят, не то, чтоб убедят кого-то.

В общем, послушай меня внимательно. Есть три условия. Да, я всё сделаю. Я посажу тебя перед Сталиным за стол. Как ты и просил, тет-а-тет. Вообще, существует немалое число людей, которые вхожи к Сталину... от Менжинского и заканчивая всеми остальными. По сути, все, кто сегодня продаёт Россию. Тебя просто за руку заведут и посадят перед ним. И я гарантирую полную безопасность. Но прежде — Три условия. Условие № 1 — Жениться на дочери. Условие № 2 — пообещать мне, что когда-нибудь вы вернётесь в Германию. Не сегодня, не завтра, но когда-нибудь — всё равно вернётесь. И третье условие. Коротко говоря, есть у меня несколько проектов интересных в Германии. Но чтобы их развитию дать полный ход, эти проекты требуется помочь профинансировать.

Грег примерно такой ответ и ожидал, он был весьма в немецко-еврейском стиле.

— Господин Дармштатт, я на всё согласен. Касательно Ваших условий — они абсолютно выполнимы. Жениться на Эльзе — моё естественное побуждение. Уехать из России когда-нибудь я и сам собирался... Просто не получилось уже. Хотя бывал в Германии многократно: и под разными предложениями, в том числе, и в статусе Попов, а не в статусе немецкой фамилии. И по сути своей, профинансировать... Это меньшая задача из всех, поверьте мне. Позвольте, я с неё и начну наше сотрудничество. На том и порешили.

В тот же день Грег телеграфировал отцу в Швейцарию. Ответ отца был лаконичен: «Пусть господин едет ко мне в Швейцарию. Мы всё сделаем. Буду рад иметь дело с тестем». Так, вскоре, сын банкира женился на Эльзе Дармштатт, выполнив ко всевеликой радости условия отца и воплотив чаяния фрау Дармштатт, которая плакала от радости несколько дней кряду. А после Грег уже провожал отца и мать Эльзы в неблизкий вояж, конечный пункт назначения которого была Швейцария. Да, именно Швейцария, поскольку здесь пребывали родители Грега, заблаговременно покинувшие Германию, где зрели новые мотивы иных людей, пришедших к власти.

В свою очередь, отец Эльзы выполнил данное обещание.

— Разрешите представить, Григорий Попов!

— Спасибо, можете, идти. А вы присаживайтесь, молодой человек.

Григорий Попов сидел напротив Сталина в его рабочем кабинете, в котором кроме пару стульев, да стола, заваленного бумажным хламом, ничего и не было. «То, что надо, — подумал Грег. — Пора наконец-то приступить к делу». Так у них состоялся очень корректный и одновременно напряженный разговор. Молодой человек не стал подбирать красивых слов и сказал напрямую:

— Господин Сталин, пройдёт пару дней, может, и неделя — и вам наступит конец. Вас не станет. Если не предпринять конкретных действий.

Такой наглости Сталин не ожидал. Он смотрел на собеседника и не мог понять, ЧТО позволяет ему, этому незнакомцу, так с ним разговаривать. Однако Сталин не был бы собой, если бы он отреагировал на Попова неправильно. Он к таким как Попов инстинктивно прислушивался обоими ушами. Да, Сталин быстро смекнул, что это не простой незнакомец. Он специально приехал из Германии, его по делу посадили перед ним — значит, он носитель заведомо важной информации. Мало того, он в обмен за эту информацию ничего не просит.

Просто продолжает говорить, весьма убедительно.

— Вас просто убьют, и Вы это прекрасно понимаете.

Кто это будет? Вопрос неверный. Кто успеет первым, я бы спросил так. Троцкий — Псих, это известный факт. Но и помимо него хватает заинтересованных товарищей. А мы не хотим, чтобы товарища Сталина убили. Вы должны это чётко понимать. Мало того, мы заинтересованы в развитии СССР. Многократном и триумфальном развитии. И у меня для этого всё есть.

Сталин немигающим тяжёлым взглядом молча смотрел на собеседника. Неужели он прав?

— Товарищ Попов должен понимать, что я таких вопросов один не решаю.

Попов немедля парировал:

— И оттого всё так, как я говорю. Как раз и нужно, чтобы товарищ Сталин решать начал один, самостоятельно! Если станете с товарищами советоваться по каждому поводу, то это ничем хорошим не закончится, и Вам это известно!

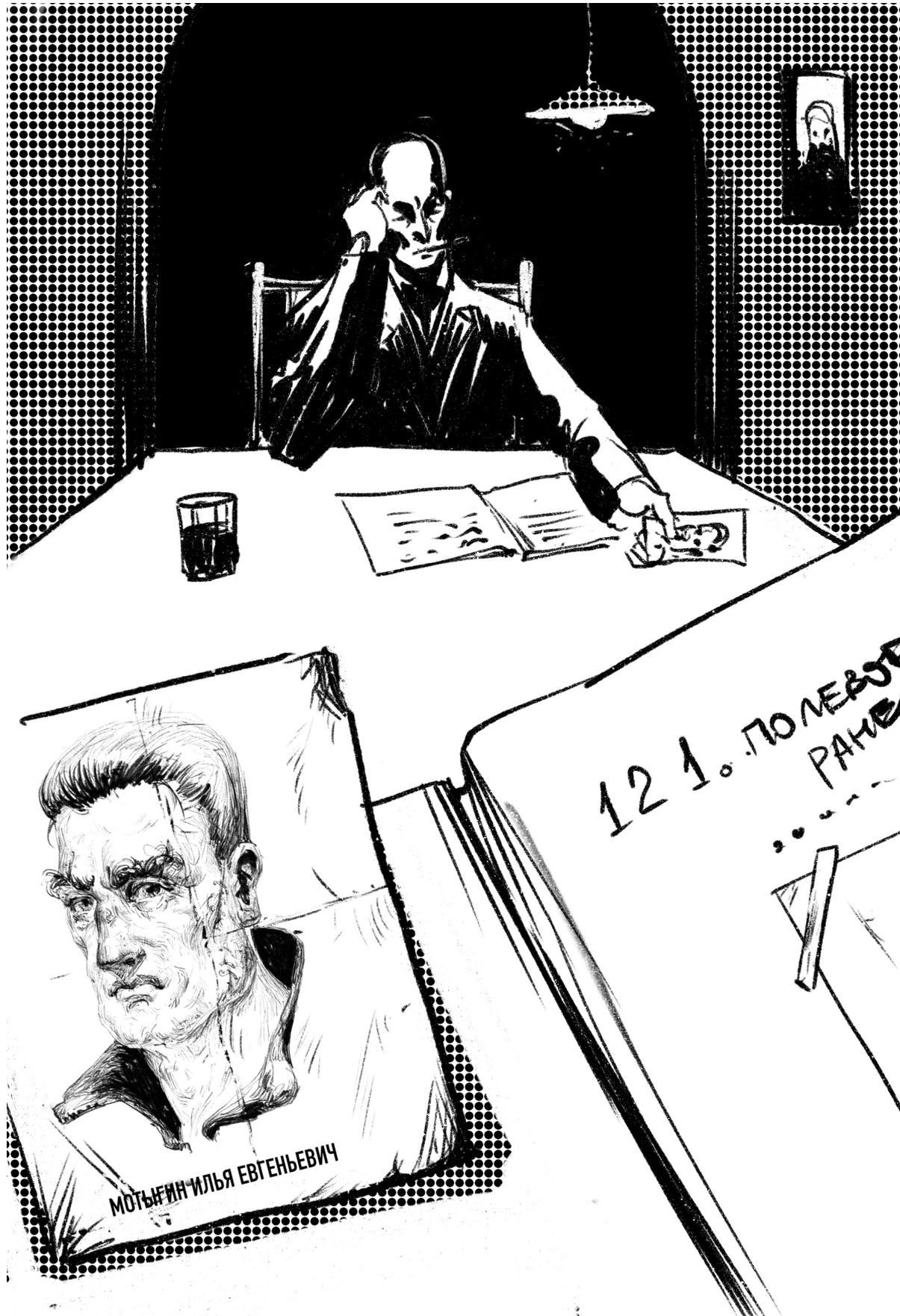
Сталин на это всё никак не отреагировал. Короче поговорили. Впрочем, он услышал достаточно. Вслух же Сталин продолжил:

— Давайте возьмём короткую паузу, да после встретимся, скажем, на даче, для того чтобы разговор продолжить, если он будет актуальным для обеих сторон.

Попов ответил:

— Моё дело — сделать предложение, а Ваше — подумать над этим предложением; к тому же, кто я такой, скрывать не собираюсь. Дальше — воля Ваша. Найти меня будет несложно, товарищ Сталин. До скорой встречи!

Попов сидел, понурился взгляд и рассматривая маленькую фотокарточку его по-настоящему близкого друга. Которого не было рядом и больше никогда не будет. Он вскрыл конверт. Это было заключение, пришедшее из центрального морга. Совершенно секретное грифованное заключение, которое противоречило всем законам биологии и медицины. «В теле И. Мотыгина обнаружено 120 пулевых ранений». Элиас был его другом. И хоть здесь, в России, они были «Мотыгиным и Поповым», всё началось давно, ещё на первом курсе Гейдельбергского университета. Элиас был другом семьи, часто бывал у Грега дома. Они и выросли вместе. У Элиаса не было семьи как таковой, родители погибли рано, осталась только тётя. Отцу его друг полюбился своим упорством и дисциплиной. И он преподавал обоим юношам очень важный урок. Одному он показал, что всё возможно, а другому — как это делается. Да, отец Грега был удивительным человеком, и одной из его особенностей было умение делать выдающихся людей. Сверхлюдей — таких, что единожды всходят на небосклон и более неповторимы. Элиас стал таким на глазах друга. Бесчисленные тренировки отца выковали из него не просто бесстрашного воина, но самого настоящего сверхчеловека. И Грег зарубил себе на носу одну простую истину на всю жизнь: такими людьми становятся, а не рождаются. Людьми с нечеловеческими способностями. Такими, как у Элиаса. Да, отец показал Грегу, тогда ещё студенту, что и из обыкновенного человека можно выковать кого угодно, что не нужно обязательно рождаться в некоей особой семье. Он продемонстрировал сыну, как из обыкновенного человека сделать сверхчеловека.

И Элиас позже сделал своё дело. Virtuозно и неповторимо Выстоял! Один против шестидесяти. Прошло 5 лет. В Академии Генерального штаба Григорий Попов сидел в собственном кабинете за столом, погружившись в воспоминания, перебирая в руках старую фотокарточку. Сегодня была годовщина смерти его друга, Ильи Мотыгина.

Это было начало осени. Илья точно высчитал время и место. Сомнений быть не могло. Он шёл по пешеходному пролёту моста и глазами анализировал всё вокруг, словно улавливая окружение на 360 градусов. Илья поглядел на карманные часы. «Без пяти два. Времени почти не осталось. Скоро по мосту начнёт своё движение кортеж». Впереди маячил заезд на мост. Мотыгин уже практически дошёл до середины моста, как отчётливо уловил впереди опасность. Было два часа дня. Служебный автомобиль Сталина с открытым верхом вот-вот выполнил разворот и заехал на мост. Две машины вразвалку показались впереди. Водитель дал по тормозам и одна машина перегородила дорогу, вторая — резко остановилась чуть дальше и перегородила перекресток по ту сторону моста, да так, чтоб никто не мог заехать. Из дальней машины на перекрёстке живо спешила группа людей, человек 30, не меньше. Они стремительно и безобразно, словно стая нетренированных обезьян, неслись по этому пешеходному мостовому пролёту. И куда они бежали — было известно. Убивать Сталина. Машина, стопорившая движение на самом мосту, тоже не стояла, как бутфорское ограждение. Группа лиц № 2 вразной спешивалась прямо на дорогу и шла во фронт, сокращая дистанцию к служебному автомобилю Сталина, который почему-то оставался без движения. Мотыгин привычным движением проверил оружие. Два маузера на перекрестье, по 10 патронов в каждом, два нагана по 7 патронов — лево-право под руки, кинжал норманнский — один за спиной — его доставал левой рукой, второй кинжал — в поясе за маузером. Порядок. Со стороны же он выглядел, как одиноко забредшая фигура в черном плаще и в шляпе, который попал в не то время и не в то место. Однако, то было совсем неправдой. Мотыгин до точки высчитал место, мевремя, да даже секунды, когда эти машины остановятся так, чтобы оказаться посередине моста. Быстро подсчитал число врагов. Из первой машины мчалось стадо, где-то 30 человек — да, целый взвод. И столько же было в группе на мосту. 60 человек, не меньше.

Мотыгин всё понял за какие-то доли мгновений. Так, в маузерах 20 патронов, в наганах — 14, всего 34 патрона. Значит... Патронов хватает только на 1 взвод, а их впереди — два. «Ну да это их не спасёт», — подумал для и двинулся наперерез толпе, прокладывая себе путь-дорогу по пешеходному пролёту. Никто так ничего и не понял, что произошло. Какая фигура в тёмном плаще... Череду выстрелов — сначала упали первые, потом — те, кто за ними... С воплями и криками немногие оставшиеся в живых ринулись обратную, за спасительную машину, ожидавшую их на перекрёстке. «Минус Взвод, — анализировал Мотыгин. — Маузеры пусты». Ещё человек 7 он положил двумя ножами, а затем, не дожидаясь, пока остатки нападавших добегут куда-либо, прыжком перемахнул на мост и пошёл наперерез второму взводу. Так Мотыгин сначала положил бегущих по пешеходному мосту. Пока те спешивались и сокращали дистанцию до заклиненной машины, а разминуться с ней было невозможно, Мотыгин пошёл им наперерез. 20 зарядов он всадил в нападавших, и лишь немногие, оставшиеся в живых развернулись и побежали обратно к машине, чтобы за ней укрыться. ...и они оттуда в одного человека в плаще нещадно палили из винтовок, заняв оборонительную позицию за машиной. Мотыгин, продолжая двигаться наперерез машине посередине самого моста, приготовился встречать второй взвод. Казалось, из взвода, никто не успел отреагировать ни на шум, ни выстрелы. Мотыгину это было только на руку. Стреляя с двух наганов, он положил ещё 14 человек. Больше патронов не было. Оставшиеся в живых наконец-то, подстёгиваемые страхом и инстинктом самосохранения,

забежали за машину и начали из-за неё стрелять, пытаюсь попасть по Мотыгину. Выстрелы доносились и с перекрёстка. Остатки обоих взводов, укрывшись, пытались прикончить одного человека в чёрном плаще. Так Илья Мотыгин попал под перекрёстный огонь. Но остановить его было невозможно. Рывком Мотыгин залез на машину, перелетел через кузов и перепрыгнул за борт и... перебил там всех, положив двумя норманнскими клинками. Резвые на расстоянии, в ближнем бою вооружённые винтовками сопротивляться никак не могли. Винтовка и рукопашный — просто несовместимо... Стрелять невозможно, нет дистанции, а бросать оружие — тоже не выход, и развернуться — тоже нет пространства. Мотыгин не дал никому одуматься: двумя ножами он перебил их всех.

Тем временем машина на перекрёстке уже дала задний ход, видимо, немногие из живых пытались сбежать — но не тут — то было — её встретили 2 наряда ЧК. Там и здесь — все трупы. Бездыханные тела. И один Мотыгин, тяжело дыша, остался полусидя, оперившись на колесо, понимал, что всё кончено. Задча выполнена. Вскоре к нему кто-то подбежал, раздались крики, вызвали карету скорой помощи... Она не смогла заехать сразу, пришлось отгонять машины... и только Мотыгина погрузили, как он умер в карете скорой помощи спустя несколько минут. По заключению судебно-медицинской экспертизы в центральном морге Санкт-Петербурга в теле Мотыгина было обнаружено 120 пулевых ранений ...

Так оборвался путь сверхчеловека, Ильи Евгеньевича Мотыгина. Человека, который предотвратил покушение на Сталина. Друга. Человека, который смог Невозможное. *Requiescat in pacem*

Сталин верил в происходящее только потому, что сам был там. Он понимал, что покушение возможно, но не ожидал его вот так, среди бела дня, чуть ли не в центральном мосту. Просто его кто-то спас и всё. Сталин пребывал в шоке; приехав-таки к себе в кабинет, мгновенно отдал распоряжение: «Давайте этого человека... Попова Григория сюда. Опять посадите его передо мной и надо поговорить». Попов прибыл к Сталину и молча выслушал его рассказ.

Сталин спросил: «Понять не могу ничего... тот, кто меня спас, кто бы это мог быть?»

- Всё очень просто. Это наш коллега.
- Что с ним? — продолжал Сталин
- Он погиб. Скончался в карете скорой помощи. Прошу Вас после всех формальностей передать тело. Я его похороню.
- Да, конечно... - взгляд Сталина был рассеянным.
- Но что же будет дальше?
- Известно, что. Ещё одно покушение. Пока Вас не убьют. Или пока вы ко мне не прислушаетесь.

Сталин, не сводя глаз с Попова, спросил:

- Что требуется сделать?
- Вам, в первую очередь, остаться в живых. А чтобы успех этой задачи состоялся, Вам просто жизненно важно встретиться с одним человеком. Он, как и я, прибыл издалека и также ратует за дело страны. Более того, он хороший друг одного из ваших преданных людей, господина Дзержинского.

— Не слышал, чтобы у Дзержинского были бы друзья...
— Спросите у него сами. Про друга Алексея Самуиловича Яковлева.
— Как же вы Дзержинского вокруг пальца обвели?
— Это не так сложно, как вам кажется, товарищ Сталин. Дзержинский — прекрасный специалист, прекрасный человек. Он просто непрофессионал. Вы же должны эти вещи понимать. И он нуждается, в постоянных советах. Грамотных, толковых.

Попов продолжил:

— И вот если вы сообразовите поставить Яковлева к Дзержинскому уже официально — «советником» (назовём это условно так) на какую-то должность в партии. Яковлев может проконсультировать по деятельности чрезвычайной комиссии. Это было бы очень удобно. Для вас, определённо.

К слову да, мы все с радостью и готовностью станем членами коммунистической партии.

— Я в общем-то не против. Ждём Вашего друга.

Удивлению Дзержинского не было предела. Сказано было доставить друга к Сталину лично, а друг... казалось, только этого и ждал. Да, как вы поняли, Яковлев времени даром не терял. Войти в расположение к Дзержинскому оказалось не так сложно, как могло поначалу казаться. Яковлев представился как выходец из Европы, страшно разочаровавшийся в капиталистических ценностях. И вот, в обновлённой, умытой революциями России, он искал новый смысл жизни. Искал... и в это же время внимательно слушал Дзержинского, поддерживая и потакая его духовным и смертным идеям, катая по ресторанам и кабакам и ничего не прося взамен. Богатый, образованный, ищущий — прекрасный друг и отличный собеседник. И вот теперь он зандобился Сталину. Что-то здесь неладно. Впрочем, приказ есть приказ. Получилось в итоге нехорошая такая ситуация. Сидит Сталин, сидит Попов. Заходит в Дзержинский с Яковлевым. И все вчетвером садятся за стол.

«Финита ля комедия». Комедия закончена, — пронеслось в сознании Дзержинского.

Сталин говорит: «Гляди-ка, Феликс. Теперь ты понимаешь, что я не шучу, когда говорю, что я всё знаю. И о людях твоих — тоже. И о знакомцах, в том числе. Твой новый друг — Это очень надёжный человек. Ты можешь ему доверять. Эти люди мне жизнь спасли, хотя должны были вы спасти, Феликс, именно Вы! А спасли они. Поэтому давай Феликс думать да выводы делать...»

Вот мы и встретились на даче. Я, Алекс и Сталин. Он уже оправился после несостоявшегося покушения и перечитывал медицинский отчёт из морга.

— Разве это возможно?
— Для нас — да.
— И сколько таких людей вы можете подготовить?
— Столько, сколько потребуется.

Сталин был доволен таким ответом, что и говорить.

— Иосиф Виссарионович, я хочу, чтобы вы поняли — мы на вашей стороне.

Не на стороне кого-то другого. У нас нет человека в России более близкого, чем вы. Сталину было очень приятно это слышать.

Я продолжал:

— Поэтому, мы на вашей стороне и изменение этого отношения исключено.

Сталин кивнул:

— Это прекрасно.

«Сталин же человек восточный, кавказский,— подумалось мне,— Друзья — Это прекрасно. всегда хорошо, когда есть друзья, настоящие, проверенные».

Затем Сталин спросил: «Что взамен?»

— Во-первых, нам надо всем сделать другие документы, не немецкие. Это раз.

— Ха! Предположим, это 2 минуты. Сейчас вызову людей и будут мандаты.

Я был готов продолжать:

— Нас требуется поставить как-то ближе к вам. Это два.

— И это возможно. Господа, нам пора перейти на «ты». Не чужие люди, так сказать.

— Как скажете, товарищ Сталин,— подал голос Яковлев.— Самое важное, прежде всего жизнь тебе сохранить. Для начала первый шаг — это просто, чтоб ты остался в живых.

— Следующий момент. Нужно людей будет расставить, которых я назову, на определенные должности. Все они говорят по-русски. Все они люди с высочайшим уровнем образования. И не смотри, что они дворянского происхождения какого-то там. У тебя пол этого дворянского штата, в том числе. Не смотри на это на всё. Те люди глубоко заинтересованы в определённых вещах, и они будут работать не за страх, а за совесть!»

Сталин говорит:

— И это годится. Людей не хватает, кадров нет. С удовольствием. Если будут такие люди, то вообще праздник.

— И самый важный вопрос: когда мы ликвидируем в отношении тебя какую-либо угрозу, то надобно будет вернуться к этому разговору и помозговать о стратегии. О стратегическом развитии государства. Очень скоро начнётся война с Германией. И тому есть суровые есть предпосылки.

Сталин напрягся. Его внимание стало острым, как скальпель.

— Да, я могу рассказать подробно тебе о том, что будет. Придет к власти некий человек. Не знаю — кто, но он уже поднимается в Германии незримо. Ни фамилии, ни имени я ещё не знаю, но кто-то появится! Цена такой операции — Россия вся. И некие люди, кому это выгодно, руками немецкой системы как бы постараются завоевать Россию, для того, чтобы тут установить диктатуру Афонского патриархата. По сути, это вопрос миллиардов рублей. И ключ интереса — Паства. Вся паства, что проживает в бывшей Российской империи. Ради этого они готовы на всё, и войне не миновать. Этого уже не изменить. Знаешь, товарищ Сталин, вы всем жителям Руси бескрайней мозги не переделаете в коммунизм. Они как ходили в церкви, так и ходить дальше будут. К сожалению, пока ещё времени немного прошло с момента становления новой власти. И нашим врагам это на руку. Что в России дела плохо и бедно — им весьма на руку. По причине того, что людям когда плохо, они отдушину ищут в церкви где-то... И ежели вы со своими социалистическими мероприятиями не остановитесь и не перестроитесь на грамотный стратегический план развития страны — вы сами загоните страну обратно в лапы Афонского патриархата...

...я так полагаю, об этом мысли уже были. Сталин кивнул.

Так беседа продолжалась ещё несколько часов. Яковлев подвёл итог. Итак, Задача номер один. Твоя безопасность. Задача номер 2. Стратегия на будущее. Сталин согласился на всё. Это было разумно. Впервые в его окружении появились такие люди. Сталин понял: именно с ними ему по пути.

Макс всё больше и больше времени по вечерам проводил в гостях Семёна Павловича. Историк просто захватил всё его внимание и напрочь выбил из колеи физики. Семён Павлович рассказывал об очередных оказиях и коллизиях истории становления СССР:

— И получается, что по сути в Кадровый аппарат ЦК партии вливается 200 с чем-то человек... да не просто каких-то там, нет! — выпускников Гейдельбергского университета вот с таким уровнем образования — Семён Павлович широко развёл руками. И знаешь, что после этого? Резко всё меняется да кардинально. И как мы видим эти изменения с ходом истории? Да просто всё: страна начинает идти вверх, как корабль по течению. Потому что приходят эти люди, словно призраки из ниоткуда, а их умело расставляют на должности. По сути, произошло вливание живой силы, которая вытягивает страну. и это уже тот аппарат, который смог привести Сталина к абсолютной власти. А Сталин, что? У него такого аппарата не было. Одно дело — сторонники и просто верные люди, НО такого аппарата, который бы его мог привести к абсолютизму, к власти — его нет. И по сути своей эти люди-призраки, ил кто там стоял за его спиной, достаточно грамотно выводят Троцкого, Блюмкина и всех остальных из аппарата ЧК.

Налив свежего чая, историк продолжил:

— Вот Блюмкин, например. Вот ничего одесситов жизнь не учит. Хоть и прошёл спец подготовку, да и не одну — всё равно спутался в итоге с Троцким, из-за чего и приголубили его в Стамбуле.

— А Троцкого Меркадер приложил ледорубом...- вставил свои пять копеек Макс.

— Именно! И мы же с тобой прекрасно понимаем, что это не было затеей или смыслом жизни Меркадера. Кто-то это грамотно организовал. И вот эти организаторы — некие X — люди умелые, ох, настолько умелые, и уникальные, что сегодня таких ещё не родят. Да на самом деле, есть столько имён и столько примеров... Вот, к слову, Пал Михалыч Фитин. Знаешь, кто такой?

Макс дал понять, что весь во внимании.

— Руководитель разведки ИНО НКВД! По сути, тот, кто одним из первых доложил Сталину о нападении Германии. Кто руководил разведкой в военные годы и на чьём счету бесчисленное количество операций по всему миру. Как он молодым и зелёным стал генерал-лейтенантом — никто и заметить не успел! Как под его крылом появились такие, как Старинов, Коротков, Эйтингон, а потом и Светлов, Дроздов? Тоже никто не понял — ни откуда у него люди, ни откуда он сам взялся. Более того, как война закончилась, ты думаешь, он решил продолжать идти по пути военного разведчика? НЕТ! Стал работать фотографом. ФОТОГРАФОМ, ты представляешь?

— Боюсь, никто не представляет,— протянул Макс,— разве что сам Сталин. Но честно говоря, в его записках и рассказах о Сталине такого я не встречал.

— Пфффф, Макс, какие мемуары...Какие биографии...Ты же прекрасно понимаешь — глава такой великой и мощной державы, как СССР, мог позволить себе положить в архив ТАКУЮ биографию, какую ему было удобно. Это же очевидно. Так что, ни о Сталине мы толком ничего не знаем, ни о тех, людях, которые его к власти привели.

— Привели?

— Именно так, мой юный неверующий друг, именно и только так. Как Ленин умер — никто не знает, пишут, что отравили неизвестным веществом. Куда подевалось его, ленинское, завещание — тоже пиши пропало. Кто академию генерального штаба строил и её научную часть организовывал — мы этих лиц сегодня не помним, да и вопросами не задаёмся. Кто задумал и поставил на ноги ОГПУ, а позже НКВД из ее недр — следующая загадка.

— Сталин изначально, до прихода к рулю, был одним из первых лиц в партии, но абсолютной власти не имел. А Ленин был легендой революции. Отцом пролетариата. И вот, Ленин скоропостижно умирает, Сталина выбирают — и начинаются перемены. Стратегически очень точные, выверенные, как у провизора в аптеке! Во-первых, в стране появилась наука и повальная волна образования. Люди-то даже читать раньше не умели! И в итоге были созданы условия, чтобы их можно было готовить. КАДРЫ решают всё, помнишь?

Макс послушно кивнул.

— Что до войны, что во время, что после — наука работала бесперебойно. И заводы работали, и конструкторские бюро работали, и лаборатории экспериментальные да подпольные — все работали. Всё работало у Сталина. И в этом заслуга совершенно конкретных людей — тех, кто Сталина сделал таким прекрасным менеджером. Эти люди обеспечили такую бесперебойную работу науки, Бесперебойную подготовку кадров. И уже к 1929 году на месте разбитой Российской империи выросла новая, стройная система. Отдельная история о том, вводили ОГПУ, НКВД и прочие прекрасные организации наведения и поддержания порядка:

1) Сначала у руля поставили товарища Егода. Ему были развязаны руки, чем Егода не преминул воспользоваться. Он убил всех противников, всех неудобных и лишних — кого надо. Убил и был таков? неееет

2) Теперь надо убивать кровопийц и душегубов — тех, кто вот недавно нещадно убивал, убрать тех, кто выполнил первый приказ, чтобы о том забыли да не помнили ничего Так устранили Егodu и его сподвижников.

3) Следующая фигура на шахматной доске — Ежов. Только Ежов закончил убивать тех, кто «из группировки Егоды» ка его самого сажают в тюрьму и арестовывают — и начинается показательный процесс. Выясняется, что Ежов гомосексуалист. Он там на протяжении следствие сдает всех своих половых партнеров. Всё это смакуется... Затем Ежова убивают. Расстреливают.

4) Товарищ Берия становится на должность Ежова. И это уже совсем другой человек, подготовленный. Человек высочайшего уровня подготовки. Профессионал до мозга костей! Иные вспоминают, что его и сверхчеловеком называли!

Надо сказать, что, когда Берия пришел на должность наркома НКВД, все люди, которые там работали в иностранных отделах и так далее, вот они все до одного говорят о том, что это лучший руководитель спецслужбы за всю историю. Но и на этом наше рассуждение не прерывается! Есть ещё одно прекраснейшее явление!

Чего стоит создание одного из масштабнейших мировых НИИ — я имею в виду КОМИНТЕРН! НИИ мировой революции, надо же было придумать. Нужна была организация, которая могла бы объединить людей со всего мира, и всем сегодня понятно, что КОМИНТЕРН — Ширма, она в Европе сама по себе функционировала прекрасно... Люди Сталина определённо понимали, что глупо терять пол-Европы, людей. Пол-Европы людей, готовых разделять их идеи и плодотворно сотрудничать на поле коммунизма, но прежде чем что-то делать, они должны были стать членами какой-то организации. И КОМИНТЕРН великолепно правился с отведённой ему задачей. Но КТО задумал этот институт мировой революции — тоже неведомо.

— Слишком много их, этих загадок истории.

— А ты, Макс, не загадки считай, а выводы делай. На людей надо обращать внимание, на людей...на то, как они всего добились и таковыми стали, какой путь прошли.

— Да как же его разберёшь, этот путь! Не в обиду сказано, но история — слишком витиеватая наука. Сплошь лабиринт!

— Для вас наука — это лабиринт. Тупики, темные закоулки, внезапные повороты. Вы ничего не видите, кроме стен. И вы ничего не знаете о конечной цели. Вы заявили, что ваша цель — дойти до конца бесконечности, то есть вы попросту заявили, что цели нет. Мера вашего успеха не путь до финиша, а путь от старта.

— Звучит так, как будто Вы процитировали какую-то книгу,— заметил Макс.

— Так и есть. Это монолог Камилла из «Далёкой радуги»

— ...никогда не слышал о такой книге.

— Стоооооп, Макс, ты что...а кто такие Стругацкие — что тоже никогда не слышал?

— Судя по Вашему выражению лица, это великие писатели.

— Так и есть! Их жанр — научная фантастика. Хотя я бы назвал жизненная наука, ну да не суть. Ты что, никогда не читал Стругацких? «Пикник на обочине», «Град обречённый», «Трудно быть Богом», в конце концов?

Макс отрицательно замотал головой.

Семён Павлович всплеснул руками.

— Бегом дуй к отцу и чтоб духу твоего здесь не было, пока не прочтёшь «Пикник на обочине», хотя бы...

Макс только улыбнулся:

— Есть, шеф!

Семён Павлович только потряс вслед кулаком. Ну и молодёжь! Ох, нелёгкая это работа, из болота тащить бегемота...

ГЛАВА 3 «ПЕРВАЯ КРОВЬ»

Макс так и не мог взять в толк, почему его так зацепила эта отцовская книжица. Подумаешь, научная фантастика прошлого века... Но этот «сталкер», его походы в «зону», странные артефакты, аномалии, Золотой Шар, в конце концов... Макс поймал себя на мысли, что он давно не читал ничего подобного, настолько поглощающего, интересно-щекотливого и необычного. «Прямо эффект настоящего полного погружения», — думал он. «И как я только мог такое пропустить?»

«Любопытно, а что бы я делал, если бы попал в зону? Трещал бы и ныл, как Тендер? Или искал полные пустышки, как Кирилл Панов? Или всё-таки погнался бы за Золотым шаром?» — размышлял Макс.

«А если бы и добрался до Золотого шара, что бы пожелал? Ведь это чудо Зоны исполняет лишь одно, вроде как самое заветное желание?»

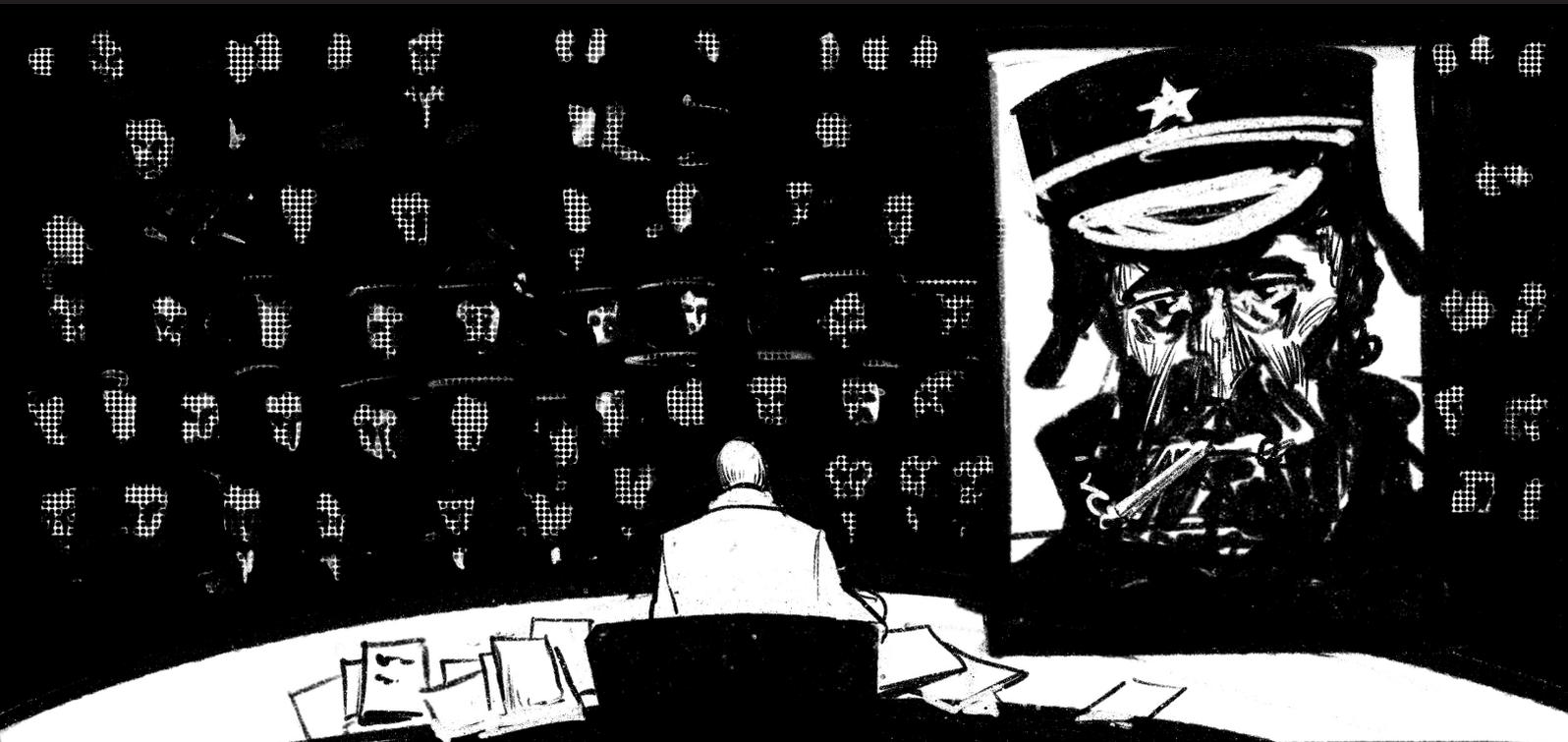
«Счастья для всех, даром, и пусть никто не уйдёт обиженным?!»

— М-да... — обычно спокойный и уверенный, Григорий Попов рассеянно постукивал карандашом по огромной синей папке.

Ещё тогда, в Германии, он многое обдумал. Как будет действовать на той стороне. Как сработает со своими людьми. Как предложит ключевую стартовую концепцию подготовки аппарата к войне. Но такого... даже он себе представить не мог. А началось всё с назначения Григория Семёновича Попова, прежде аттестованного специально подобранной группой из радетельного профессорского состава по всей жестокости и строгости, на определённую должность, заместителя по научной части в Академии Генерального штаба. Товарищ Попов — как к нему обращались не без опаски, не понимая, откуда он такой смыслёный взялся, — обладал некоторыми, смутно-рассеянными представлениями о том, какие люди ему повстречаются в этой самой Академии. По идее, этот должен был быть цвет офицерства, неглупые люди, отдающие себе отчёт, где они находятся и зачем поставлены. Попов вообще считал, что подготовка такого высшего офицерского состава будет выглядеть сродни «повышению квалификации». Какое же разочарование его постигло, стоило ему повстречаться с этим самым, цветом, *Um Himmels willen*. Представьте себе крупнокалиберных, амбалоподобных, ухмыляющихся на животный манер мужиковатых страшилищ, чьи лица не обезобразила длань интеллекта. Короче говоря, имбецилы в форме.

«Лиха беда — начало... — подумал Попов, рассматривая тех, кто оказался перед ним в первый же день. — С такими людьми ничего не выйдет».

Сидевшие в зале, видимо, так не думали. Они с плохо скрываемым неудовольствием, приправленным то ли безразличием, то ли презрением, рассматривали молодого «профессора», который что-то там им собирался рассказать, раз уж они почтили Академию Генерального штаба своим присутствием.

Спустя каких-то полчаса Попов уже понимал, что имбецилами он их не зря мысленно назвал. Как говорили древние, «клубок нон фацит философум», так и здесь: мундир мозгов не прибавлял. Некоторые из сидевших вразвалку в аудитории даже не умели читать и писать. Познания их в истории были наискуднейшие, откровенно говоря. «А зачем нам какая-то история там или география? Всё, шо нам надо — то и с собою, в торбе за спиною, — умничал один усатый дядька. Может, я и не найду Рейн там, ну, или Лену на карте...но ведь, и ты навряд ли Задунайские заводи как я знаешь или речку Малу Громку. А ведь величественная бойня там была недавно, ей-Богу! Сколько ж там белых мы положили, потопили этих тварей достаточно, ух...! Вот вам и ишторическое знатное место!»

Вот и сидел товарищ Григорий Попов за столом в кабинете и рассеянно постукивал карандашом по толстой синей папке. Хотите знать, что было в той папке? Личные дела тех самых «умников», которые недавно демонстрировали ему компетентность, граничащую с откровенной глупостью.

«С такими не то, что в сражение не пойти, они и в муху шмалять будут из наганов...»

Яковлев пристально наблюдал за другом.

— Что и говорить: «прекрасная аудитория» с «прекрасной интеллектуальной подготовкой». И ничего удивительного в этом нет, я понимаю,— с какой-то отрешённостью констатировал Попов.— Революционеры — это люди, больные на голову. Все эти «товарищи», они просто куклы шнурованные, на манер марионеток. Они не своей живут головой, нет. Да их руками просто провели некие «мероприятия», а дальше что — они даже не задумываются. Уровень интеллекта — очень низкий. А из этих болванов нужно «сотворить» что-то многообещающее? Ну уж нет, увольте...

— И что делать собираешься? — спросил Яковлев.

— Для начала — не тешить собственное самолюбие. Отдаю себе отчёт в том, что каким бы способным и знающим я ни был, научить этих людей не представляется возможным! Они, знаешь ли, необучаемые. Каждый из сидевших в аудитории — необучаем, потому что у него в голове идеи революции, и учиться — ему это совершенно не нужно. У них у всех и так всё хорошо. И знаешь, как они собираются побеждать «врага всякого?» На кураже да с песней! «Смело мы в бой пойдём за власть Советов, и как один умрем в борьбе за это».

Неужели непонятно, что подобного рода «песня» просто рушит на корню всё... Конечно, таким песнярам ни наука военная не нужна, ни подготовка, ни тактика, ни стратегия! А зачем?

— Как-то даже нелогично звучит, Грег,— отозвался Яковлев.— Вот, скажи на милость, кому нужна власть Советов, если все как один, это неистовые бойцы, умрут за власть Советов? «Мы, как один, умрём в борьбе за это»... Мне такое даже в голову не приходило. Да и вообще, умереть-то каждый дурак может. Нет ничего героического или особенного в том, чтоб помереть. А вот как можно дольше оставаться в живых, ещё при этом и задачи боевые выполнять — это уже совсем другое дело.

— Так вот и я о том же! — завёлся Попов,— не надо умирать в борьбе за лозунги. Пусть враги умирают. Жизни свои мы щадить будем, а врагов — щадить не будем. Но пока они кричат, что готовы помирить за некие Советы и при этом, не обладают никакими военными навыками, наши руки связаны. С такой армией не повоюешь, даже против племени низкоразвитого. Не говоря уже о предстоящем противнике. Там щадить никто никого не станет.

Яковлев прищурился:

— Мы слишком долго знакомы друг с другом. Так что я вижу: решение ты уже принял.

— Именно, брат, принял. Не будет никакого обучения. Я с этими людьми дел иметь не буду: перспективы нулевые. Привлеку совершенно других, и ты мне в этом поможешь.

— Как будто было когда-то иначе,— улыбаясь, ответил Яковлев.

На лекции доктора Экхарта Шульца в Гейдельбергском университете студенты приходили с удовольствием: знаменитый профессор обладал удивительным даром говорить о неочевидном, скрытом, таинственном; особенным коньком или даже страстью профессора были «тёмные пятна истории» и их странные связи с властью

Европы. Экхарт Шульц был не просто преподавателем Гейдельбергского университета, но и желанным гостем на многих плацдармах науки Европы 19 века; состоял в Венском Королевском научном обществе, изучал мистицизм и тайнознание. Говорил медленно и обстоятельно, никогда не повышал голоса. Женатым замечен не был, по поводу чего сам неоднократно шутил: «Вот если бы госпожа «история» превратилась в женщину, я бы на ней женился, не раздумывая».

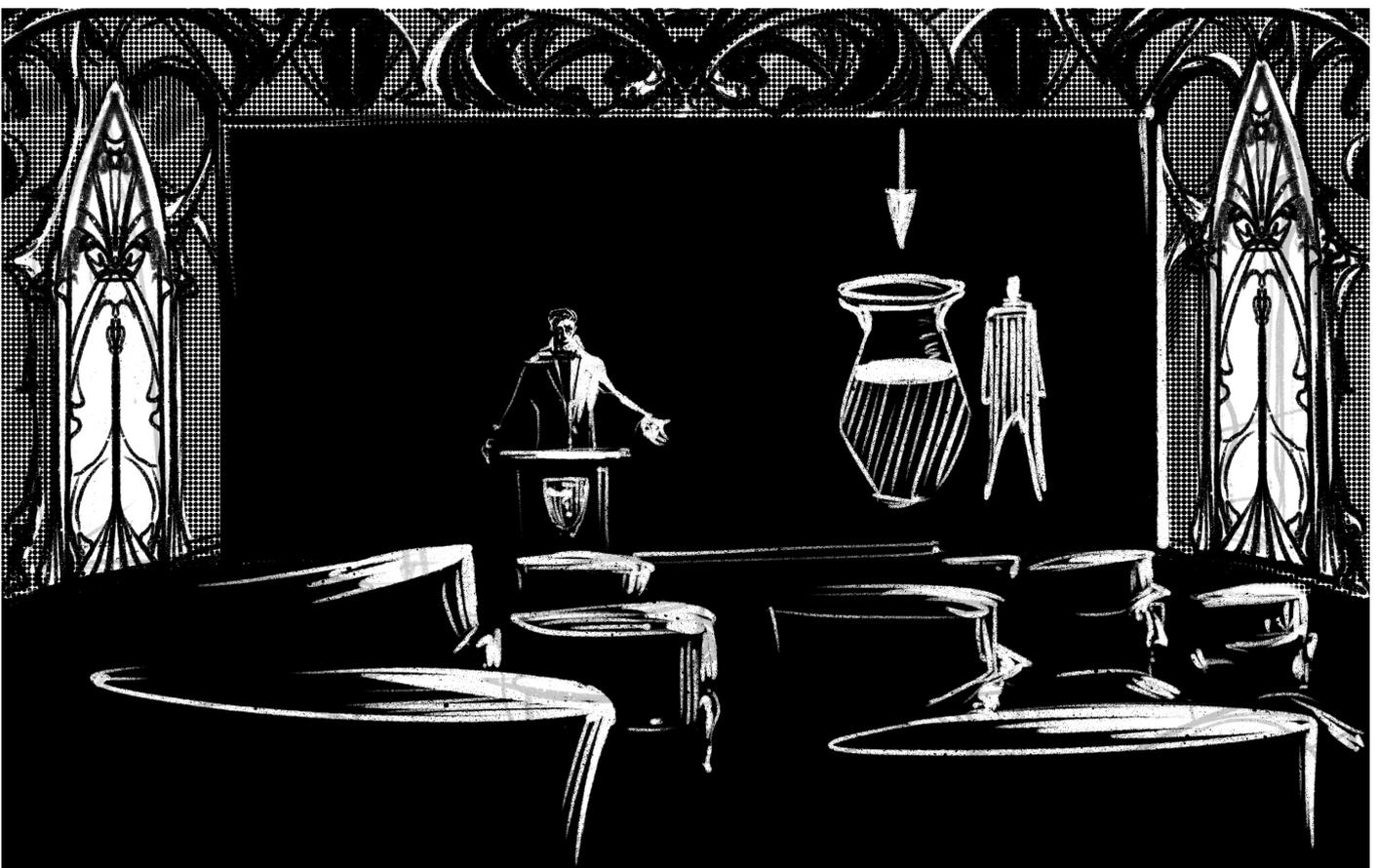
Стоило на пороге зала аудитории появиться этому сухонькому, невысокого роста смешливому доктору Шульцу — как воцарилась неземная тишина. Студенты уважали своего профессора и знали: он дело говорит. Хоть иногда и загадками, далеко не всегда понятными.

Грег и Алекс по-разному относились к лекциям профессора. Одного более интересовала философия и мистицизм, другого — механизмы власти и прогнозы. Но оба друга слушали всё, что рассказывал профессор хоть на лекциях, хоть за их пределами, на грани острейшего внимания.

— Итак, тема заявленной лекции — «Синтез парности», — начал профессор. — Как известно, издавна люди придавали числам некий мистический аспект. Далеко не все таковые способы и формы восприятия чисел имеют место быть или обладают некой практической стороной вопроса. Однако мы начнём с фундаментальных основ.

— Сейчас же, — продолжал герр Шульц, — поговорим о числе 2. Вас ист цвай? Двойка — это магическое европейское число. Его таковым считают небезосновательно, потому как числу ДВА и соответствует категория «синтез парности», отвечая, с точки зрения философии, человеческой природной потребности.

Понимая ваше недоумение, поясню данную посылку. Итак, зададимся вопросом: в чём кроется суть человеческих потребностей? Начнём с того, что человек рождается, растёт, а затем всю жизнь свою, став на сознательный путь, развивается и совершенствует собственные умения, возможности, навыки. Однако же, человек убеждён, что сколь сильно бы он ни преуспел в том или ином поле, сколь ни заполнил свой сосуд человеческий, укрепив его знаниями и умениями, всё же некая часть сосуда так и остаётся незаполненной.

— Да, человеку постоянно чего-то не хватает. Такова наша натура. И человек понимает или хотя бы догадывается, что он бы мог восполнить недостающее, добрав то, чего у него нет, но на это потребует значительная часть его времени при условии должного старания. Но что же делать в том случае, ежели времени нет, а внешняя среда диктует обстоятельства, которым нет интереса до вашей пустоты или наполненности? В таком случае возникает синтез парности как метод управления временем.

В аудитории раздался неясный гул.

— Пожалуй, одним из таких примеров мы могли бы рассмотреть прекрасных знатоков слова своего времени — братьев Вильгельма и Якоба Гримм. И хотя семейство Гримм породило девятерых братьев и сестер, именно эта пара — Вильгельм и Якоб — стали всемирно известными.

Вильгельм был прекрасным организатором, он мог находить общий язык с кем угодно, словно умело подбирал ключи ко всякому живому существу. Якоб же более тяготел к письменному порядку, и, если бы не его дисциплина и любовь к родной истории, не знали бы мы нынешней германистики, вероятно, законы словесной науки вывел бы кто-то другой много позже, да и сказки братьев Гримм вам бы ваши няньки не прочли. Я привожу вам этот знакомый из детства пример, чтобы вы поняли кое-что важное. По отдельности братья и сёстры Гримм обладали каждый недюжинным талантом и прекрасным образованием. Каждый из них мог добиться многого. Вильгельм, не сотрудничая с братом, наверняка бы сделал многое, как и Якоб. Но ни один, ни второй, не смогли бы добиться того, что им удалось достичь сообща, именно в паре. На этом простейшем примере и демонстрируется сила соединения двух сил, двух личностей — непосредственно, синтез парности. Один брат лучше умел делать то, что недоставало его родственнику, и наоборот. И они не тратили времени на то, чтоб по одиночке восполнить некую пустоту собственного сосуда; напротив, они синтезировали собственные умения в одном деле и потому преуспели многократно.

Запомните вывод, господа: синтез парности — это мощнейший метод управления временем. Норманнская двойка или норманнская пара — в основе своей является древней традицией и примеров тому немало...

«Пламенные нам не нужны. Все эту умники — люди Троцкого, и их — как собак. Что десять лет назад, что сейчас — ничего не поменялось», думал Попов, перебирая материалы папки. Умереть за власть советов ... что ж, орать он их научил, ну а дальше что? Вообще, смутно я, конечно, догадываюсь, где он таких «преданных делу советов нарыл и как». Это пусть далёким рассказывают, что, дескать, Троцкий создал Красную Армию. И она победила белую. На деле, ничем не отличались те от других. Никакая белая армия не побеждала красную армию. Никакая красная армия не побеждала белую. Дрались свои между собой. И даже по самым скромным подсчётам половина белой армии дралась на стороне красной армии против тех же белых. По сути, в истории ничего не меняется. И нет ничего сверх-великого, что обеспечило Троцкого его «ударную армейскую силу». Ведь можно было по-разному заставить бывшего офицера белой армии воевать на стороне красной армии, и в разнообразии идей и их воплощения Троцкий преуспел!

Ну, например, семью в заложники взять. Почему бы и нет? То есть, представьте себе: семья остаётся на замкнутой территории, из которой выхода нет, сбежать уже невозможно — ни ресурсов, ни возможностей. Все твои родственники известны. Архивы — у людей Троцкого, то и есть и в бумажках шито-крыто, кому надо, все всё знают. На таких условиях можно выдёрнуть любое число людей, которые не успели сбежать на иную территорию, и поставить их в позицию безвыходности. Да, многие соглашались по причине того, что уезжать им было особо некуда, этим никому не нужным людям. Знаете, конечно, тот, кто смог сбежать — сбежал. У кого деньги были, те сбежали. У кого особо не было сбережений, — никуда не сбежали. И теперь снова представьте: что бы ни произошло, жить как-то надо продолжать, у тебя ведь семья, дети... Простите, кормить их надо как-то. А ведь это не богатые урожайные годы были, нет. Голодные годы, чего уж скрывать. На тот момент времени в бывшей имперской России хлеба особо нет. продуктов особо нет. И Троцкий, не мудрствуя лукаво, отлично это использовал.

Да, разные причины заставляли людей идти в красную армию. И Троцкий, надо сказать, с его интриганский характером был очень популярен в этом вопросе. Он умел «всё представить так» так, чтобы заставить других людей плясать под свою идеологическую дудку. И при том он очень быстро оправдывал людей, как и себя самого, впрочем. Как он быстро себя оправдывал, так же быстро он и их оправдывал. Болото это было, самое натуральное, закрытое болото в котором люди либо тонули безвестно, либо хромали по жизни на обе ноги...

На этот раз перед Поповым сидели совершенно другие люди. Он их сам отобрал и сам пригласил. Но от этого факта благодуснее они не стали. Холодные острые цепкие взгляды рассматривали Григория Попова. Находиться в Академии Генерального штаба им точно не нравилось, но выхода не было. У Каждого из них. «Как хорошо Яковлеву, отчего-то подумал Грег. Алексу не нужно вот над этими «товарищами» потеть, у него, по сути другие вопросы, больше организаторского толка. Хотя и тут он мне подсобил немало: вытащить, как барсуков из нор, вот господ-евреев и господ-эсеров, половина из которых ожидали исполнения расстрельного приговора, оказалось не так просто.

Попову «имбецилы в аудитории» были ни к чему. И принял он категорическое — хоть непростое и новаторское — но категорическое решение. Нечего облагораживать сорняки. Только «штучная работа». С каждым человеком — отдельно. И он подобрал нескольких таких людей. 23 человека, которые реально понимали: им нужно что-то делать, чтобы остаться на плаву, хоть как-то выжить. И пока заражённые революционным духом товарищи считали, что им и так уже всё Бог дал, и они теперь хозяева Вселенной, а значит, им нечего напрягаться, Попов решил сделать ставку на других людей. Но его выбор подразумевал иную, новую проблема. 23 человека пока что не имели, как они считали, к нему особого отношения. Другими словами, Попов авторитетом у этих людей не пользовался. У них были свои кумиры, свои идеи и так далее. Да, они были многократно интеллектуально выше, эти люди, даже сравнивать с предыдущими идейными дураками язык не поворачивался... но некто Григорий Попов для них не был каким-то кумиром, чтобы они его прямо воспринимали как данность, и разделяли всё, что он говорит, как беспрецедентную

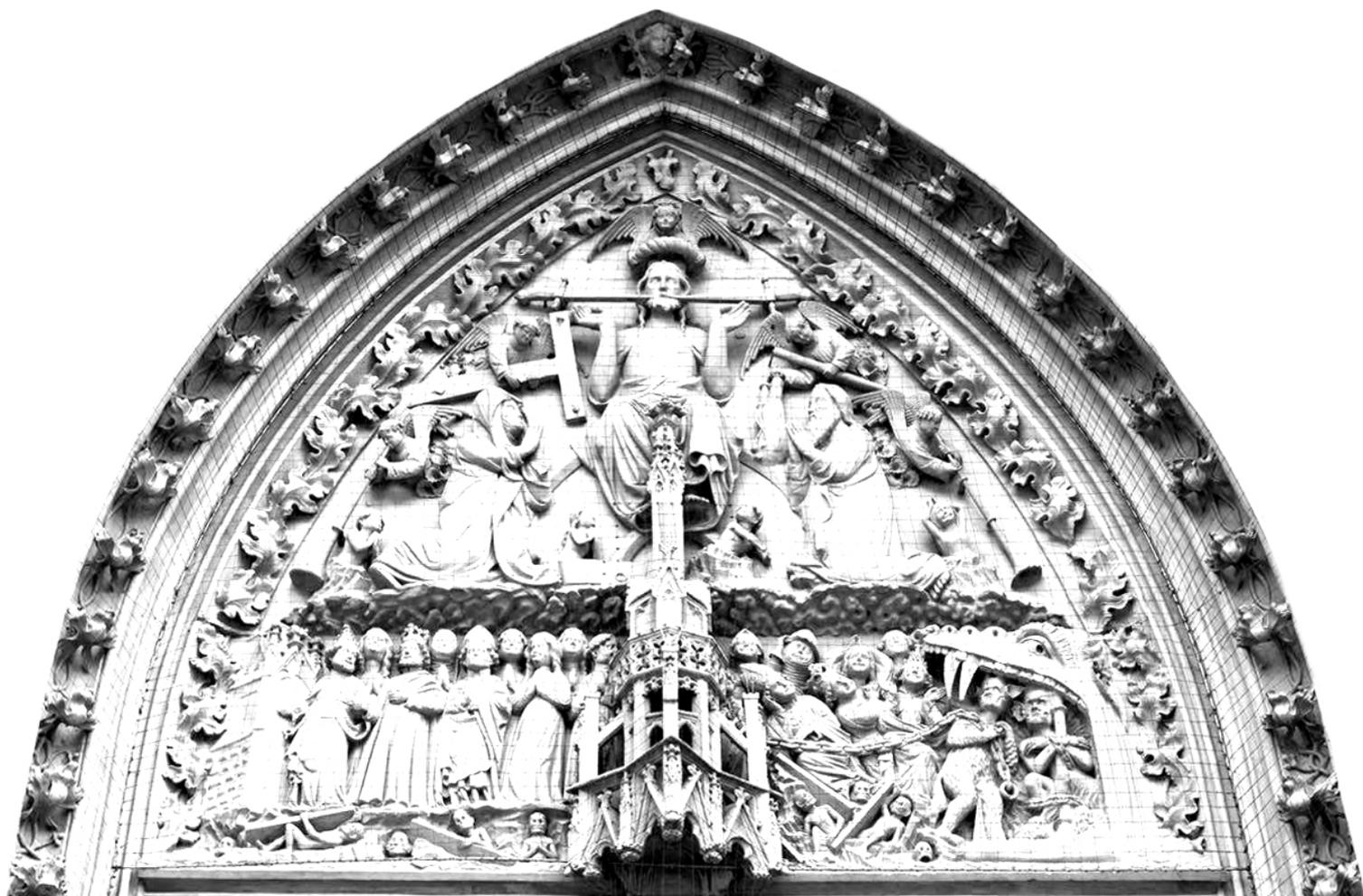
эффективность и объективность. Так закончилась их первая официальная встреча в Академии Генерального штаба.

«Что тут думать! Я на своего учителя Вельзевула примерно также смотрел в детстве,— размышлял Попов,— Мне придётся доказывать каждому, доказывать один на один, что я действительно имею право их учить, а затем и командовать. И надо сказать, у меня есть на то права были все основания: от физического превосходства — до колоссального интеллектуального превосходства. Но — всему своё время. Пока что даже из этих людей ничего вылепить дельного не получится. Какими бы качественными заготовками они бы ни выступали. Пока что это даже не люди, а каменные истуканы, до которых достучаться крайне сложно. Они просто зашоренным своим восприятием ничего не слышат из того, что я говорю...

Попов устало потер лоб и налил чаю. В кабинете было по-ноябрьски мрачно.

— Если бы меня спросили, как выглядит первая формула обучения любого человека, я бы сказал так: из гранита строить нельзя. Не получится ничего. Лепить гранит нельзя! Как ни крути, он не лепится. Не пластилин же.

И прежде, гранит нужно превратить в кашу! В говнистую такую кашу... Вот пока в «говно» человека не превратишь, его учить невозможно. Ни сокращать непонимание, ни тренировать. Не получится ничего. А потому... пора прекратить, знаете ли, этот немецкий либерализм. Попов вспомнил почему-то, как вёл себя мушкетёр Портос. А он просто говорил: «...эти бароны, они мне так надоели. Вот я и убил двоих. «Вот и этих, если с первого раз не поймут, Отпоют как безымянных».

Наглости в своей Адрес Грег никогда не допускал. Вот и сейчас на одну из открытых провокаций некоего господина Овербаха ответил без излишних реверансов и представлений.

Каждый из них взял нож в руки. Разошлись на некоторое расстояние. Задира так нахально улыбался... точно не понимал, что это последняя сцена его жизни.

Попову хватило 7 секунд, чтобы ударом в сердце отправить умника на тот свет.

— Может, кто-то ещё хочет продемонстрировать характер? — безэмоционально Попов обратился к остальным.

— За брата порежу тебя, сука! — ещё один самоуверенный безумец ринулся на Попова. Тот и ухом не повел и теперь уже ударом под ребро отправил нападавшего догонять «брата» на тот свет...

Думаете, после этого с Поповым что-то сделали? Что на него донесли? Подписали расстрельную? Задали вообще хоть один вопрос? Нет. В жизни Попова, как он сам подвёл итог, произошло лишь одно небольшое изменение. Двумя придурками меньше. Остался 21 человек. Вот теперь можно начинать им что-то втолковывать.

И так, мало-помалу его подопечные включили голову; они начали понимать, с кем имеют дело. Так, они уразумели, что Попов их продолжит убивать дальше. И ничего страшного в ответ не произойдёт. Их убьют — то бывает... назовут отбоем да и наберут новых. Как говорится, в России люди никогда не заканчиваются.

У Попова была альтернатива, определённно, поэтому он взял и убил двоих просто для начала. А дальше что?

А дальше просто. Вскоре его подопечные поняли, что Попов был ДОКой. В Европе, в Америке, в их культуре и образе жизни разобрался он досконально. Как выяснилось, Попов был не только «кладезем науки», но и «кладезем информации», которой не обладал никто. И что вообще, странный он Попов или архи-странный, но с людьми у него получалось всё, что угодно. Они поняли, что собрали их не просто так, и причины на то были. Сам же Попов, определяя первую плеяду, как он назвал, «штучную работу», сделал ставку на две категории: на крайнюю необходимость,

которая объединяла всех этих людей (с одной стороны), а с другой стороны — на их шаткое положение в нынешней ситуации. Его подопечные знали: в любой момент времени их могли обвинить в контрреволюционной деятельности, и расстрелять.

А быть расстрелянным ну никто не хотел. А потому — выбор был очевиден.

Экхарт Шульц был доволен. Студенты уже сами наперебой называли ему примеры норманнских двоек и демонстрировали, что принцип парности им понятен.

— А теперь... давайте я вам ещё кое-что покажу на примере, продолжил профессор. Принцип синтеза парности может применяться и в иных целях — как основа методологии подготовки человека совершенно иного класса и категории — так называемого гибрида, который в итоговом виде своём качественно превосходит обе породившие его системы.

Итак, вернёмся с вами в эпоху величия Испанской империи — той самой Империи, солнце в которой никогда не садилось, как любил говаривать Карл Пятый. Представьте себе, что вы с корабля высадились на берег не самых дружелюбных Канарских островах и отправились за женой в ближайшее племя. Да-да, молодой человек, вы не ослышались. Именно в племени вас поджидает ваша жена. Вы при том сами — не выходец из лесов баварских, а самый натуральный Испанский дворянин и рыцарь. Итак, племя, в которое вы направилось — это племя Канарских островов, воинственное по природе своей. И вот, вы выбрали жену, забрали её с собой в родной испанский замок. И вскоре, как в сказках, у вас рождается сын. Вы его воспитываете, как подобает испанскому дворянину. По всем канонам воспитываете несколько первых лет. А потом отправляете с матерью на родные Канарские острова, чтобы он там пожил, с соплеменниками познакомился, пожил в той среде. А потом снова вернулся к вам, продолжить обучение. А затем, вы ему снова позволяете погостить на Канарах... и так далее. То есть, сын женщины канарского племени и испанского дворянина живёт попеременно в двух средах, которые возвращают его, как некий новый, невиданный гибрид. И уже в этом одном человеке синтезируются качества, воспитанные обеими культурами в обеих средах.

Профессор Шульц перевёл дыхание.

— Так появились непобедимые гаучо — люди с нечеловеческой, даже неземной силой, воспитанные в лучших испанских традициях, такие воины, которым равным не было!

Из 21 остались 16. Остальных пятерых не списали и не потеряли, нет — для них нашлась подходящая работёнка, кстати, не самая простая, но в загранку они годились. Яковлев забрал их к себе. Попов вернулся с доклада товарищу Сталину. Надо заметить, что последнему, казалось, вообще не было дела до того, как там всё у Попова вертелось. Сталин просто ставил задачи и всё. Но Попов об этом даже не думал. Главное, его люди эти задачи выполняли, а значит, штучная работа сделала своё дело. Вот и сейчас Попову было что доложить. Генерал Кутепов устранён. Краткая формулировка, полностью удовлетворила товарища Сталина.

Тем временем Попов ждал друга. С Алексом Сталин решил переговорить лично. Но Попов знал, Яковлев всё равно после разговора придёт к нему. И действительно, через час друг постучал к нему.

— Надо сказать, товарищ Сталин — интереснейший человек. Как выяснилось, он очень падок до экспериментов.

Попов ждал продолжения.

— Товарищу Попову интересно поглядеть со стороны, как бы не участвуя в эксперименте лично, чем закончится авантюра Бокия.

— Это кто такой, напомни.

— Ну кааак же, протянул Алекс, — это же видный революционер, герой своего времени, при мне ещё заступил Начальником отдела ВЧК — оттуда перешёл в ОГПУ. Лев Бокий, хотя..может, ты его не встречал еще. Он знаешь ли, не сильно любит в родной России сидеть. Лев путешествовать любит сам и других агитирует.

— Что ты имеешь в виду, — несколько удивился Попов.

— Что ж, такие как Троцкий или Лев Бокий, по сути своей, одержимые идеями определенными, — в некий момент начинают создавать идеологию и свойственную ей тенденцию, которая крайнее вредна государству. Именно вредна всем вокруг. Что сейчас и происходит.

— Бокий сделал так, чтобы до товарища Сталина донесли особую, тайную и покрытую вуалью мистики идею. Бокий считает, что нам срочно нужно напролом мчаться на восток — за небывалой мудростью и особой силой, способной превращать простых смертных в сверхлюдей, — пояснил Яковлев.

— Восток? Серьёзно?

— Ещё как. Представь себе. Я, конечно, свою позицию товарищу Сталину изложил, но... любая попытка движения на Восток — это регресс, а не прогресс. Я долго объяснял, что никакие шаманы, никакие Будды, никакие каменные остолопы... не помогут в той ситуации, в которой мы находимся. Война — это не шутки, тут молитвы, медитации чтение святых книг не поможет! Но такие как Лев Бокий и прочие товарищи, они, напротив, глубоко убеждены, что надо какие-то шамбалы посещать, и вообще надо развлекаться. И знаешь что? Товарищ Сталин молча слушал мой спич и в конце сказала так: надо отдать должное — это очень «интересная идея».

Яковлев продолжил:

— а я тебе скажу так. Она не без изъяна эта идея, потому что требует огромного количества денег, средств. И это позволяет не находиться в той самой «зоне», той самой России, в которой все находятся. Это удобненько, знаете ли, покинуть территорию этой «зоны», ехать в Тибет и там 10 лет заниматься разработками, исследованиями, веселиться от души, пока там этажи складываются на Родине. Это очень удобно — сместить себя из этой зоны.

И я причины все понимаю... это же революционеры, они люди определенного «слоя», определенного «уровня развития личности»... Да ни один здравомыслящий человек никогда не станет заниматься никакими революциями. Это не какая-то специальная система, нет. Те же красноармейцы, то босота, то братва. Да разные, конечно, есть, вплоть до анархистов. Но важно другое — то, что их всех объединяет. Революционеры — это люди, которые ничего не хотят делать. Они «сами с усами», самые умные. Им не надо, как нам с тобой, заморачиваться организаторством, отбором, подготовкой... Они уже родились великими, а мы с тобой чего-то не понимаем...

И не говори, Макс! — Семён Павлович, пребывал в самом прекрасном расположении духа.

— это была самая настоящая зона, в которой одна война сменяла другую.

— ... гражданская война — самая страшная. — продолжил историк. — Ибо это братоубийственная война, ничего хорошего от неё не жди. Да и неважно, кто там белый, кто там красный — все перекрашивались по нескольку раз... кто-то бежал, а кто-то не смог. И стоило войне одной закончиться, как выдохнуть никто не дал. Да и люди не поменялись. Хотя время и требовало чего-то иного. Вот ты просто уяснить себе, макс, не можешь, что такое идеологически вспаренные товарищем Троцким революционеры. Они ничего не хотели, кроме как отбирать блага, а строить что-то мозгов не хватало. И со временем, они ничуть не поменялись эти люди. А государству нужны были «новые» люди. Старые не подходят, а новых нет. Что делать? Вопрос на миллион. Одно ясно: прежних надо менять. А то ещё бед натворят. Именем Революции. Хотя бы даже и потому, что скучно им. Поменять их нельзя. Почему, спросишь ты? Да оттого, что у них главный идеологический рупор, главный их идеолог — это товарищ Троцкий. И поэтому первое, с чем новой власти предстояло справиться, это с товарищем Троцким.

— И думаешь, Троцкий — единственная зараза? Вот возьми к примеру такую персону, как Лев Бокий, который не к месту увлёкся, да и оказался последствием утопических этих идей и мечтаний Троцкого. Если почитать, окажется, что Троцкий мечтал о многих вещах: но о том, чтобы превратить человека в робота он мечтал больше всего на свете. В том товарищу Троцкому виделась такое «приятное будущее». По сути, Троцкий предлагал двигаться в определенное состояние общества. Идеальный вдохновитель, к примеру, считал, что бабы должны быть общими... И надо сказать, что это идея, она в революционные времена вот как-то, знаешь ли, процветала. Считалось, что «комсомолка товарищу отказать не могла» и прочие вещи. И это, конечно, будоражило мозги али сердца многих людей. Ну да, они говорили, что это за цирк? что Троцкий вытворяет? Ну вот у Троцкого эти идеи были интересными. Но потом с Троцким что-то случилось. Хотя я так полагаю, у него появился конкурент.

А товарищ Сталин тому был только рад. И товарища Троцкого начали изводить спокойно и грамотно. Тихо вывезли его за границу. Без рывков. А потом уничтожили — и Блюмкина, и прочих его товарищей. И в конце концов товарищ Меркадер поставил точку и положил конец над бранным существованием Троцкого ударом ледоруба. Надо сказать, что товарищ Троцкий успел написать к тому времени биографию Сталина, которая является единственной опубликованной биографией Сталина, где он всячески прошелся по товарищу Сталину. Так тщательно, по-разному периоду, по этапам развития его личности. Самая мерзопакостная книга, которая вообще существовала.

На самом деле убийство Троцкого, оно в общем-то было спровоцировано не деятельностью Троцкого. Нет. Сталин мог к стенке поставить его ещё в Петрограде, но он этого делать не стал, а выслал его за территорию СССР. Стартом к проведению спецоперации в отношении Троцкого всё-таки явилось начало сотрудничества Троцкого с Абвером, с немецкой разведкой. И как только Троцкий начал сотрудничать с Абвером, встал вопрос, что Абвер конечно будет использовать Троцкого для

того, чтобы расколоть коммунистическое движение по всему миру. Они умеют это делать, и по сути, никто не сомневался в том, что Троцкого используют как накопчик копья. Макс в этот миг была самым преданным и внимательным существом на всей планете. Семён Павлович не останавливался.

— А Троцкий очень хотел отомстить Сталину и всем, потому он рад стараться в этом направлении. И по сути своей, как говорил мне Светлов, в своё время на кону стояла Западная Европа. То есть, можно было потерять коммунистическое движение в Западной Европе полностью. А что это значит? А это значит, что в будущей войне у вас не будет ни подполья, не людей, на которых опереться. По сути своей, у вас будет голая Европа, чего допустить ни при каких обстоятельствах нельзя. Поэтому Меркадер спокойно поставил точку в деле Троцкого, а коммунистическое движение, которое существовало, оно надо сказать по сути осталась в том же виде, в каком оно было в Европе, что позволило впоследствии это коммунистическое движение активно использовать в борьбе с фашизмом. Вот тебе и уроки истории.ю парень! Мотай н ус!

Григорий Попов возвращался из своей первую командировку в глубь России — в далёкую, как ему казалось, и суровую Сибирь. «Никому нельзя было доверить это дело, размышлял Попов. — Важно объективно понимать, что мы имеем за спиной, за Москвой — Сибирь, Урал, Север и так далее. Ждать удара в спину или же нет. Да вообще — чем там живут люди? Что ними движет? Командировка, как он сам объяснил товарищу Сталину, подразумевала разрешение минимум двух задач:

- посмотреть на качество людей за Уралом, с чем мы имеем дело, что в резерве.
- и второе, его очень интересовала тема, связанная с волшебством северных народов, особенно многочисленные легенды про шаманов и прочих избранников Бога, а может, и Дьявола...

И надо сказать, что поездка не удалась. Все шаманы и прочие маги — кудесники — колдуны оказались шарлатанами — ни больше, ни меньше. «Никаких чудес они творить не умеют, это всё фокусы, подвёл итоги Попов».

Но с другой стороны, эта поездка тронула его невероятно. Там, на Севере, Попов впервые увидел людей, живущих на грани невозможного и невероятного. вне человеческих условий. Попов пожил там всего-то какую-то неделю и уже терялся в догадках: как эти люди, вдали от благ цивилизации, как-то, выживали, существовали, да ещё и работали. И на Попова эта картина произвело неизгладимое впечатление. Именно впечатление — тот оттиск, который глубоко западает в память. Ты ещё сам не знаешь, зачем тебе этот оттиск, а он словно, мина, ждёт своего часа.

Григорий Попов битые пятые сутки мерял шагами свой небольшой кабинет и искал решение. Он искал модель. Ту самую модель, которая впоследствии помогла бы ему предоставить товарищу Сталину план пристраивания страны, и в первую очередь, её армии. А что происходило в армии... описать было невозможно без слёз. Они все там были идейные идиоты. «Таких пошлешь за линию фронта — они либо не добегут и сами себя подорвут, либо вообще разбегутся. Они не смогут воевать — ием более ЗА линией фронта. Одно дело — махать оружием и силой меряться, так сказать, родину защищая, а другое — воевать За фронтовой линией. К последнему нынешняя армия не готова. А такие «товарищи», как Блюхер или Тухачесввский и вовсе подоивали масло в огонь. Красноармейцы, ... смешно это всё выглядит с военной точки зрения, вздохнул Попов.— эти люди университетов не заканчивали. Им военные рассуждения непонятны. И о тактике наступательного и оборонительного боя они тоже ничего не слышали. « и финал ожидаемого известен, продолжал размышлять Попов,— когда вот такие люди составляют основу красной армии, элиту красной армии, такие «пламенные», то как только речь пойдет о пулеметных гнездах, о расчётах и так далее и тому подобное — просто начнётся кровавый «сенокос».

— И что ещё хуже, у государства не существует никакого представления о том, как поменять ситуацию. Нашим советам товарищ Сталин внял, его «кадровая деятельность» идёт всё на смягчение, а не на усиление репрессий. Кто бы ещё пять лет назад мог подумать, что кто-кто, а сам товарищ Сталин даст Конституцию Союза Советских Социалистических Республик. Он её лично собственноручно написал.

А отмена смертной казни? В партии, мягко скажем, это решение не все поддерживали. Но авторитет у Сталина посильнее будет. Но и этих нововведений всё же не было достаточно. В стране незримо присутствует высокое напряжение. А что с ним делать, куда или как перенаправлять — Попов пока ещё не знал. И это его раздражало невероятно. Попов присел на край стола и...его накатил волна то ли грусти, то ли скуки. Вспомнил он стены родной альма-матер, Гейдельбергского университета. Вспомнил, как ещё на первом курсе встретил какого-то флорентийского юношу, который вскоре, очутившись вместе с ним в какой-то глупой передрыге, стал его лучшим другом. Вспомнил, как они с Алексом посмеивались над шуточками герра Шульца... И тут Попова словно окатило ледящей водой из здорового ушата.

Синтез парности, господа, применяли все великие правители — по факту те, кто стремился собственную власть укрепить, а не расшатать. В качестве примера, вспомним и статного Петра Первого, который недаром ссылал в Сибирь некоторых своих повинившихся дворян. Представьте себе, что будет, когда дворянин попадёт в тюрьму, к уголовникам из простого люда, да с непростыми умениями? Именно так, запустится необратимый процесс. Две системы будут взаимно дополнять друг друга, сочетаясь самым причудливым способом, стоит лишь человеку, уоторый ооочень хочет жить, попасть в соответствующую среду...

У Попова ясно перед глазами замелькали картины его самой первой командировки в Сибирь. И надо сказать, что идея человека, который находится в тяжелейших условиях, и при этом ещё работает, и как-то живёт — она сильно запала в душу Григорию. И он на это на всё смотрел со стороны, анализировал, размышлял... Так родилась модель, которую, к слову, Яковлев оценил на самом высочайшем уровне, даже аплодировав. Модель, которую теперь ещё предстояло внедрить.

— Надо сказать, Макс, что вот эта идея перестройки армии и вообще всего, что есть, она была крайне важной в тот момент времени.

Семён Павлович продолжал поучать Макса, который в принципе зашёл на три минуты, сказать спасибо за книжку — уж по душе ему пришлись Стругацкие...но каким-то образом, уже час слушал рассказ историка.

— Попробуй воспринять то, что я описываю, как тренировочную задачу. Знаешь, большинство учёных не придерживается моего мнения и причины мне ясны. Они не понимают, что у армии может существовать такой этап подготовки, как «репетиция». Проверка как на самом деле обстоят дела. И такая репетиция успешно состоялась! Речь идёт о Белой финской войне. То есть, финская война принесла Красной Армии жуткие потери. Но, обрати внимание на очень важный момент. Красная армия задачу выполнила! Несмотря ни на что! Даже ценой огромных потерь красная армия смогла это сделать прямо перед войной с Гитлером. То есть, красная армия показала, что обезглавленная, как все говорят, лишённая всех репрессировали полководцев, «без ничего и никого» она справилась со сверхзадачей. С тяжелейшей задачей, которая только была поставлена! То есть, тестовые задачи показали, что армия обороны способна воевать. Но, это, впрочем, не создает перевес в войне.

— Идём дальше. Шаг два. Если для армии была тестовой задачей была Финляндия, то для авиации тестовой задачей стали бои на Халхин-Голе, где Сталин проверял как отработали конструктора да учёные. А касательно диверсионных кадров — их проверяли на зарубежных задачах, особенно на войне в Испании.

И надо сказать, что Сталину этот вопрос удался, потому что на тестовых задачах в Финляндии красная армия показала великолепную боеспособность.

На халхин-горе авиация показала великолепную боеспособность. А в Испании спецподразделение продемонстрировали прекрасную выучку и умение работать в условиях боевых действий.

— Итак, Макс, то, что видим, это хорошая армия. Это хорошие люди. Но, по сути, гитлеровской Германии был припасён и особый «подарок», знаешь, как десерт... причём такой, что ни разжевать, ни проглотить фашистская братия не смогла...

— Если атаковать в лоб — силы приблизительно равные... Может, неравны за небольшим перевесом в нашу пользу, но это не подавляющее преимущество. А требуется подавляющее. Нужно было сделать как-то так, чтобы гитлеровская Германия застонала, чтобы ей стало дурно от того, что происходит.

— А что...если атаковать первыми? — закрыв глаза, анализировал Попов.

— Да, можно фашистскую верхушку серьёзно расстроить, и даже захватить Европу достаточно быстро. Впрочем, это не выход... Слишком зыбкая тактическая позиция. Да и Гитлер может первым объявить войну. Тут уж как карта ляжет. Нет, мне нужно другое! Как же найти ту самую точку входа, которая подорвёт и расстроит все планы врага, невзирая на его технологии и идеологию? Задача не для слабаков. Но этот козырь нам нужен, чёрт его дери. Эх, оказаться бы сейчас за Уралом... возле печки... Незаметно, Попов провалился в сон.

На следующее утро их с Яковлевым пригласили в кабинет к товарищу Сталину. Там уже дождался некий Семён Бородько — сибирский, крепкий такой мужик, который, наверное, мог бы в одиночку и медведя завалить. Но валить медведя никто не собирался. Товарищ Сталин обратился к товарищу Семёну:

— Попробуй предположить, какой нож нужен для Красной армии. Универсальный и чтоб в любой ситуации на него можно было положиться.

— Товарищ Сталин, одним ножом никак обойтись нельзя, для Красной армии-то!

— Хорошо, товарищ конструктор, мы вас поняли. А скажите, для наших специальных служб, чтобы вы могли предложить?

— Скорее, я готов назвать нож, который точно не подойдёт. Финские всякие ножи... Они годятся разве что палки точить. Южные ножи — да лёгкие и удобные, прятать хорошо, но для зимней погоды или нашего северного человека совершенно не подойдут.

Неловкую тишину нарушил Яковлев:

— Определённо решение есть! И наш глубокоуважаемый конструктор прав! Вся техника и культура обращения с холодным оружием делятся на северную и южную. И если южанам достаточно резать друг другу глотки и делать выпады, то северянам все эти па — сродни примитивной шутке. Южным ножом тулуп или овчину не порезать. Тут такие нужны ножи, чтоб и рубили, проникали и пробивали. В частности, самым лучшим ножом именно для спец служб — был бы несколько переработанный прототип фалкона, это такой тип испанского ножа — он себя зарекомендовал веками. Если сделать его уменьшенную копию из хорошей скальпельной медицинской стали, чтоб он и резал, и пробивал, и колол, это было бы идеально. Так перед главным оружейным конструктором возникла новая задача. Товарищ Сталин был доволен, Яковлев некоторое время ещё консультировал Семёна, а Попов отправился в кабинет, снова перебирая воспоминания о Сибири и её людях.

Раздался телефонный звонок посреди ночи. Это был тот самый служебный. Спросонья, Алекс что-то буркнул в трубку, но в ответ услышал взбудораженный голос друга.

— Меня осенило! — это был Попов. — Мне нужно с тобой срочно увидеться. Яковлев не стал спрашивать: «Приезжай ко мне».

Приехал Григорий Семёнович, а его уже и уже чай на столе ждёт, и Яковлев замер, словно в ожидании откровения.

Попов присел:

— Я знаю, как это сделать.

— Излагай!

Попов продолжил: «Гляди-ка. Вот мы бьёмся, ропщем, а воз и ныне там. За линией фронта люди не способны воевать, словно это их образ мышления и жизни.

— Не без этого. Давай дальше, — Яковлев был нетерпелив.

— Так вот, меня осенило. Есть только одни люди во всём огромном и необъятном Советском Союзе, которые могут выполнить все необходимые задачи. И для них война — не диковинка и не чуждая среда. Для них — это естественное состояние.

Яковлев спросил в лоб: «Кто?»

— Уголовники. На немое удивление друга, он продолжил:

— Всё очень просто! Помнишь, я тебе про свою первую командировку на Север рассказывал? — Да, 1000 раз

Нет, ты подумай ещё разок!! То есть, эти люди сидят в лагерях, недоедают, недосыпают, живут в ужасных условиях и ещё ПРИ ТОМ работают. Это идеальная модель войны. Самая настоящая альтернативная модель, словно сосуществующая параллельно. И, по сути, эти люди, за Уралом и дальше — они привыкли жить, как на войне. О чём идёт в общем-то речь? Дело в том, что много людей не понимают первые самые важные вещи в этом вопросе. Вот сколько я ни разговаривал с военными, сколько я не разговаривал с этими одержимыми победами коммунизма.

у них это понимание напрочь отсутствует. И ты сейчас поймёшь, о чём я говорю. Очень быстро. Гляди. Все эти, знаете ли, спецподразделения, все великие товарищи — они импульсного характера. Что это значит? На боевой модели это выглядело бы примерно так. Вот дом, в котором бандиты захватили заложников. По команде приезжают специальные люди, надевают на себя снаряжение, выстраиваются в боевой порядок, ждут команды «штурм». Они штурмуют, решают вопрос. Задача выполнена. Можно ехать к жене в тёплый дом, в теплую постель... Ну да, адреналин, налил водки, выпил и всё нормально... Война — это же несколько другое. Это бесконечные лишения. Это нудные тупые действия, которые совершаются сутками напролёт, упорно и долго. Бои происходят в любое время суток и так далее. Что же мы вынуждены констатировать? Психика наших людей не способна воевать. Они способны выполнять импульсные задачи. Вот такие как штурм. Но когда дойдет до длинной монотонной работы, они не выдержат. Их психика не выдержит этой длительной работы. И эти люди будут стремиться к импульсности... постоянному выполнению какой-то задачи. Уголовники же сидят в тюрьмах по 10, 15, 20, а то и 25 лет. Помнишь, Сталин ещё шутил: «Десять (10). 10 — это школа. 10 — это для тех, у кого усы пробиваются. А для солидных людей — 25. 10 — это не университет, это школа. Это те, кому 18 лет, у кого усы пробиваются, это им 10».

— Заглотив залпом стакан чая, Григорий продолжил:

— Видишь разницу? То военные. А уголовники? Да они сидят там годами, в этих своих лагерях, и там сидит, извини за выражение, элита. То есть, враги народа и прочая дрянь, которые не исповедуют идеи товарища Сталина, идеи Советского Союза. Там вперемежку томится огромное количество людей. Весьма умелых. И вот такие нам и нужны.

Немного передохнув, Попов сказал.

— Я понимаю этот метод как метод альтернативной отрасли или альтернативной среды. Уголовники — вот решение. Для них война — аки мать родна. Их учить не надо. Более того, и это не всё. Их действительно не требуется учить. Всеми необходимыми навыками они обладают. То есть, нам удастся перенести их навыки из лагерной среды — в среду параллельную — на войну. Это произойдёт естественно! И там, и там — навык требуется один и тот же.

Яковлев задумался.

— Да, Двигательные реакции человека — это основа реализационных моделей психики. Но почему ты считаешь, что параллельный навык уголовника, заточенного в сибирском лагере, настолько сработает на войне?

— да всё несложно! Гляди-ка! Какая разница: грабить сберкассу или отнимать чемодан с секретными документами у офицера?»

— В принципе — никакой. Двигательные — одни и те же.

— Правильно. Какая разница: воровать вещи в доме или выкладывать секретные документы?»

Яковлев улыбнулся: «Тоже никакой».

— И я про то же толкую! У них, у этих уголовников, уже двигательные все стоят. Их нужно просто довести до совершенства. Другими словами, требуется соединить, синтезировать нашу прикладную науку выполнения задач с тем, что они умеют, вместе. Как два провода замкнуть. То есть, по сути, нужно просто повысить их квалификацию. И получится такой спецназ, которому никто противостоять не в силах будет. И что особенно радует — времени на это уйдёт самую малость!

Справимся быстро.

— Я с тобой согласен полностью,— кивал Яковлев.

— В таком случае, Алекс... Понимаешь, лучше тебя Сталину это никто не объяснит.

— Яковлев рассмеялся от души.

— Утро вечера мудренее, давай по койкам, а утром я наведаюсь на аудиенцию к «хозяину».

Прошло каких-то две недели, а в Подмосковье уже ударными силами строился некий «экспериментальный лагерь», где Григорию Попову было разрешено ставить любые эксперименты и проводить все необходимые исследования. Но пока что Григорий Семёнович Попов пребывал в своём кабинете и записывал что-то в толстую тетрадь

— идея использования криминала как альтернативой отрасли.

— применение параллельного навыка, который позволяет очень быстро обучить человека.

«Всегда существуют люди, которые лучше вас нечто делают, но они этим вопросом не занимаются».

— Вот я ни разу не удивлён, Макс, что «Улитка на склоне» тебе не пошла. Говоришь, мир абсурда? А может, твой котелок недостаточно варит, а? Кашку просроченную?

Макс почти привык не реагировать на такие выпады Семёна Павловича.

— Во-первых, что такое ЛЕС? Это тоже некоего рода Зона, как в пикнике. А откуда лес взялся? Какой у «леса Стругацких прототип»?

— ну, давай вместе думать. Смотри, летел вертолёт, упал, разбился и человек попал в заколдованный лес. Для человека тюрьма, зона — это заколдованный лес, Макс. Заечм я тебе про лагеря советские рассказывал? Там страшная правда была, Макс. Чтобы выжить, люди научились всему. Они там землю едят. Сосновые иголки, чтобы цинга не приключилась... И бежать из такой тюрьмы не получится. Куда бежать-то? Куда спастись? Вот эти бескрайние просторы Севера, а куда ни плюнь — улепётывать некуда. Всюду Тайга. Самолётов и вертолётов в те годы не было, про боевики с захватом техники Голливуд тогда фильмы не показывал... Другое время царило, Макс. Но и люди в этой среде были другими. Не такими хлюпиками, что сейчас по улицам бродят. И по сути, вся эта система лагерей, вынесенных в Сибири, на Север и так далее — она и есть этот заколдованный лес. Там, к слову, спасителем и помощником выживания, краеугольным камнем заколдованного леса является скальпель — нож, которым убивают этих мертвяков.

И уголовники советские, они прекрасно умели обращаться с ножом ещё до войны, и много-много веков ДО того. Да по факту никто, кроме уголовников, ножом работать не умел в СССР. Причина банальна. Нож никому не был нужен до Великой Отечественной. Но в будущей войне нож нужен очень. И кто говорит сегодня, что нож утратил свою эффективность... Посмотрите пожалуйста на то, что творится в новостях. Сколько раз в неделю людей бьют ножом? Нож — это самый доступный вид оружия, который существует, потому что оружие огнестрельное — оно

поставлено под контроль, а оружие холодное... Простите, вы же не можете запретить, извините за выражение, топоры? Вы же не можете запретить ножи кухонные и так далее? И вот потому во всех странах мира нож как оружие используется чаще, чем другой вид оружия. То есть, если ты посчитаешь количество преступлений, совершаемых ножом, то прикинешь, что это тысяча (1000) на десять (10)... То есть пистолеты и огнестрельное оружие пускают в ход гангстеры или кто-то намного реже, чем используют нож.

Семён Павлович перевёл дух.

— Но самая главная тайна, кто до этого додумался. Кто дошёл мозгой до того, чтобы именно уголовников вытащить и заставить их воевать. Это либо гений, либо сам господь Бог был. И я уверенно могу заявить, что эти придумщики — не из России. Они пришли, как сталкеры в зону, да и остались в ней.

— но почему? — удивлённо спросил макс.

— Не смогли уже больше уйти... просто не смогли. Слишком долго пробыли в зоне. Слишком многое сделали для неё и создали. Слишком многих людей подняли и воспитали. И уйти без них уже не смогли.

Знаешь, как в «Улитке» — эти мне родные, а те — нет» ...

Яковлев и Попов как будто вспоминали прошлую жизнь.

Верится с трудом... 15 лет как минуло.

— Да 15 лет, как не стало Элиаса... Ильи Мотыгина.

— Знаешь, может, скоро и нас не станет. И помрём здесь с тобою, на советской-то земле.

— Das Leben ist kein Kinderspiel. Жизнь прожить — не поле перейти. Ну и что? Хоть завтра и помрём. Главное — наши люди и наша школа сделают своё дело.

IOANNES
CASIMIRVS.
MDXCII.

ГЛАВА 4. ИНТУИЦИЯ

«Интуиция? Да если бы человек действительно знал, сколько неприятностей происходит из этой самой интуиции, он бы так халатно к ней не относился». Григорий Семенович Попов свою активную научную деятельность начал в 1929 г., именно научную, а не преподавательскую. До этого «камня преткновения» он людей готовил, преподавал. И, вот, первая задача научного характера — нож. Это было определённо толковое решение воспользоваться спецлагерем со спецконтингентом. Свезти туда всех воров в законе, так сказать, авторитетных людей в преступном мире, и методом прямого интервью начать с ними работать. А всё почему? Потому что о ноже и всем, что с ним связано, никто более не знал.

И вот уже около года Работа длится, и почему-то, откуда ни возьмись, начинают приходить странные идеи. Ненаучного характера, в большинстве своём. Во-первых, кого надо — всех уже расстреляли. Кого не надо — договорились о сотрудничестве. Как ни крути, начиналось с отказа от сотрудничества. Не все «авторитеты» оказались достаточно прозорливыми — Ну и понятно, тех, кто отказывался говорить о ноже и показывать свои умения, к стенке поставили и с пулемета расстрелял. Буквально несколько показательных выступлений — пару демонстраций расстрела — и настроение изменилось. Остальные резко согласились сотрудничать.

— И толку от этого всего? Нож — это вам не просто кусок металла, так от балды не помашешь. — С досадой размышлял Попов. К тому времени, будучи состоявшимся ученым, он уже понимал, что столкнулся с субстанцией, которую он никогда в жизни не видел. Её назвать можно было научным упором, загадкой, бетонным препятствием — да как угодно... «Да даже толком не с кем обсудить то, что я вижу. У Яковлева дел выше крыши, да и не трёх минут это дело. По сути своей, мне нужен такой человек, который, как и я, о 24 часа в сутках, тут бы находился и мог со мной работать им с этим уголовным контингентом. С кем можно было бы вести научный критический диалог: а то сейчас ни побеседовать, ни поспорить, ... глаз замылен, такое чувство, что я вообще хожу по кругу. А вагон времени меня счастливо не ожидает».

— Да, Попову был жизненно нужен визави, — назовём его пока так — знаете, как посторонний независимый человек, который бы критически смотрел на его работу как ученого со стороны — и корректировал, останавливал, вносил свою лепту. А такого человека всё нет и нет, да ещё и кого попало не напротив себя не посадишь — ни ранг, ни дело ее позволяют; тут требуются такие глаза и уши, которым он мог бы доверять всецело. Что делает Попов? Да подолгу слоняется по городу, заходит в лавки, чайные, во всякие гастрономы. Зачем он это делает? Хороший вопрос...

Виктор Павлович так рассказывал: «Зачем он это делает, он даже не знает». За коньяком у нас с Палычем бывали такие разговоры. Не просто «Душевные», но вот какие-то особенные. Что в душу западают навсегда остаются с тобой. Так вот, Палыч рассказывал «Григорий Семёнович просто ходил по городу, шатался туда-сюда и думал, думал, думал, где же ему взять этого человека». И тут его озарило. Словно Вспышка в сознании. Он внезапно вспомнил, что в стране Советов объявлена борьба, озаглавленная как «Религия — опиум для народа».

И его так это загло, ты даже себе представить не можешь, как его поразила эта Очевидная с первого взгляда мысль.

— И что произошло дальше,— спросил я.

— Птичка напела, куда путь держать. Попов едет прямо к раввину. Приезжает в простую питерскую квартирку с мансардой и видом на Неву, а там... как в кино, как будто его всё это время терпеливо ждали, как желанного гостя. Раввин настоящий сидит. Попов, недолго думая, сел перед ним, представился ему по всей форме Академии Генерального штаба, раввин аж чуть не крякнул от удовольствия, узнав, откуда Попов на деле родом, и говорит:

— Вот уж не думал, что такие люди когда-то зайдут к нам в синагогу.

Попов решил на реверансы и мансы не размениваться. С предельной прямо-той, нежели вежливостью, он начал говорить.

— Что ж, вот послушай меня внимательно, буду краток. Я еще не знаю тебя, многоуважаемый товарищ Раввин, но, поверь, к вечеру изучу досконально. Уже мои люди занимаются вопросом по тебе.

Раввин побледнел и позеленел за какие-то доли секунд. Он знал, что означало и главное, чем заканчивались такие «занятия».

Попов таить не стал. И продолжил:

— Тебе хана. Именно крышка. И Ты должен это отчётливо понимать. Собственно, Я к тебе пришел, чтобы сообщить эту досадную новость.

Виктор Павлович отставил стакан.

— По сути своей, Григорий Семёнович на тот момент не знал, насколько попал в точку. Тогда за столом он действовал сходу, блефовал, что и говорить, но не осознавал ещё, насколько глубоко его слова поразили раввина, словно пуля разрывная опала в десятку. И действительно, Попов попал прямо в самое яблочко, в сердцевину. Там ситуация была такая. У раввина был тесть, дочь, и маленький внук. Тестя репрессировали и осталась дочка и маленький ребенок у неё на руках. И он как представил, как его доска останется одна на растерзании всех этих шакалов... так и позеленел в миг.

Попов, внимательно наблюдая, выждал пару минут и дружеским таким тоном продолжил:

— Товарищ Ребе. Поделитесь, расскажите о своих бедах, несчастьях, что вас так встревожило.

— А что рассказывать? — с горечью ответил раввин. — Тесть репрессирован, дочка с внуком на руках. Такая как бы ситуация. Не знаю, что вам ещё от меня надо.

— Иди работать ко мне, — Григорий Семёнович отлично знал, как раввин отнесётся к его предложению.

— Ты что, шутишь, что ли? — удивлению того пределов не было.

— Нет, отчего же, не шучу. Иди ко мне работать.

— Но как же я всё брошу, — было запротестовал раввин, — тут же ко мне приходят люди, я помогаю им в спорных вопросах, да и если я исчезну, кто-то же должен всем заниматься вместо меня, а таких людей нет...

— Ты понимаешь, что произойдёт, если ты будешь, как говоришь, продолжать заниматься всякой ерундой религиозной, а про неё рано или поздно те, кому не надо прознают и доложат, куда надо... дальше ничего хорошо не жди. Я же тебе предлагаю дело. Будешь у меня в подчинении, будешь работать на совесть, из-за чего тебя, собственно, уважают, и значит, со временем все остальные проблемы решатся сами собой.

А раввин, к слову, этот был уже в возрасте. Палыч продолжал рассказ. — Ему лет 60 с чем-то было. Он и говорит:

— Да я уже старый, куда мне с тобой молодым во все дразги впутываться.

— Товарищ Раввин, не так на дело ты смотришь. Во-первых, особо-то делать ничего не придется. Мне помощник толковый нужен, потому что те люди, которые там у меня, они, в общем-то, мои люди, они образованные, но вот такого, как ты, мне очень не хватает. Тем более ценен такой мудрый оппонент, с которым можно поспорить откровенно. А во-вторых, требуется, чтоб ты послушал со стороны, слушал всё, что я говорю.

Как и ожидалось, раввину думал недолго.

— Товарищ Попов, говоришь? Что ж, я не против, предложение действительно звучит достойно, впрочем, это не вопрос выбора в моём случае. единственное, у меня просьба. Если со мной что-то случится, то дочь с ребенком не оставь.

— Слово даю. Все с ними будет хорошо.

Виктор Павлович несколько прищурился, словно что-то вспоминая.

— И что дальше произошло с раввином? Какая у него судьба? И как он помог Григорию Семёновичу? — вопросов у меня было, как всегда, немало.

— Короче говоря, для начала, привели ребе в порядок, подстригли его нормально, как положено, в человека превратили, затем оформили в закрытый экспериментальный НИИ, где Попов руководил, помогли перевезти его библиотеку. И вот они вдвоем с этим раввином начали такую, знаешь ли, интенсивную научную деятельность. Работал Попов со своей научной группой, а раввин оппонировал им. Причём с умом оппонировал, очень прозорливый он был. Останавливал полёты их научные, указывая, где, что не так и т.д. и т.п. Раввин делал то, ради чего каша вся эта затевалась. Он именно критиковал — по сути и всегда обоснованно. А надо сказать, Попов очень не любил работать без критики, по причине того, что исследователь — это такая особая роль: он, как начинает неистово работать, может где-то заблуждаться, ему начинает казаться, например, что он уже на пороге мирового открытия, сродни земному перевороту...и вот в этот момент без критики — просто никуда. Вот почему ребе очень был нужен Попову. И он как раз этого раввина делает не каким-то рядовым подчиненным, но таким значительным человеком в рабочей группе — и, надо сказать, это решение мгновенно дало свои плоды: дело наладилось.

Я смотрел на Палыча, словно замерев в бессловесной просьбе продолжать рассказ.

— Раввин ему еще нужен был для того, чтобы не заиграться в игру под названием «наука». Если помнишь, раньше у королей были такие специальные люди, как шуты, которые имели право правду им говорить в лицо в любой момент времени. Это я тебе как модель для понимания излагаю. «Шут» — это прототип такой, но главное, для чего он нужен.

— А Яковлев знал об этом человеке?

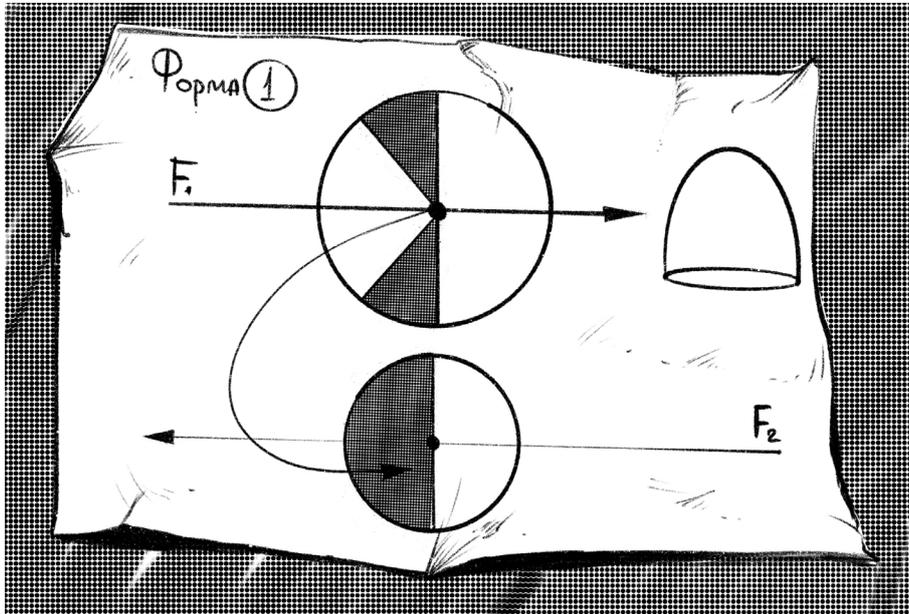
— Да, конечно знал, и знал хорошо и близко. И он, как никто другой понимал, что такие люди, как этот раввин, помогут сдвинуть дело с точки. Но и ты, Олег, пойми, что подход был простой: стояло задача, значит, она должна была быть решена, а для результата не хватало такого элемента во всей конструкции. Как без предохранителей машину не работают, так и здесь.

— А тем временем Попов столкнулся... ну, как тебе это доходчивее пояснить: с одной стороны, с определенной субстанцией, а с другой, перед ним стоял очень важный вопрос. Вот тот самый первый вопрос, который так его сильно гложет. Вопрос преимущества, так сказать, сюрприза для ожидаемого врага. Попов ловил себя на мысли, никак не мог создать им сюрприз, такой, как надо. Нож-то фактически они сделали, он действительно, нож этот, был универсальным и страшным оружием, но ведь это же не всё, что уголовники рассказали Попову. В итоге, получалось так, что в ходе прямого опроса или интервью, скопилось столько материала: и о том, как можно нож этот в ход пускать, и какие нюансы, и как его в истории деда и прадеды применяли, какие вариации существовали, как учились обращению — да столько всего... городская библиотека не вместит всё то, что попов узнал в своём экспериментальном НИИ. Если коротко, то представь себе такую картину. Вот ты исследовал больше года некую древнюю традицию и её нож — это лишь определенная часть обсуждаемого, как верхушка айсберга, ну, а все остальное куда девать? Все эти пласты информации? Вот и сели они анализировать эти тонны информационные, куда же деваться, не попадать же добру. Постепенно возникает некая система. Попов с научной точки зрения находит ее очень любопытной, и в определенный момент времени он сталкивается с вопросом интуиции. Это тот первый вопрос, с которого, в общем-то, началась вот такая масштабная исследовательская работа. Как Попов описывает интуицию? Он пишет так: «Толчок в направлении размышления, что призван преобразовать в форму данные, которых в настоящий момент не существует в памяти как единой формы, но для существования которой имеются все предпосылки в информационных блоках памяти конкретного человека».

Я вздохнул. Звучало это, прямо скажем, круто, но очень сложно. Палыч славился своей способностью объяснять всё обстоятельно и доходчиво. И потому, выдержав некоторую паузу, он продолжил.

— По сути своей, что здесь подразумевается. Данные в памяти существуют как таковые, лежат, как яблоки в коробках. Далее следует толчок в направлении размышления, и вот человек пытается преобразовать уже существующие у него в памяти данные в новую форму. Какую именно форму — пока неизвестно, новую, НО для её образования все предпосылки в информационных блоках памяти конкретного человека уже существуют. По сути своей, Попов выводит, что есть определенные данные «А», и они могут быть преобразованы в некие другие данные «Б», и таким образом он выводит первый механизм работы интуиции. И вот как

ты ещё с детства привык этот механизм воспринимать? Если мы сегодня на него посмотрим, то это будет ребус, т.е., кубик-рубика, механизм ребуса, загадки, что хочешь. Дальше Палыч взял карандаш и открыл блокнот.— И эта первая форма характеризуется вот таким рисунком, когда есть пустые клетки незаполненные, которые заполняются на фоне двух сил.

Когда речь идет о втором рисунке,— Палыч на ходу чертил в блокноте уже новые элементы,— то форма 2 говорит о том, что существуют не только мои данные, но и внешние данные, и вот именно они, данные извне, и необходимы для того, чтобы заполнились пустые блоки в памяти. Другими словами, гляди на рисунок: вот у меня есть часть данных, а вот эту часть требуется где-то взять, то есть, почерпнуть извне. И это тоже элемент кубик-рубика. Что и говорить. В 18 лет мне это всё с ходу понять было непросто.

Палыч же тем временем продолжал рассказ:

— По сути, разница в этих двух кубиках только в том, что здесь, в первом случае, все данные в наличии, а во втором определенная часть данных отсутствует. И, по сути своей, так непосредственно работает интуиция архетипологического блока памяти. То есть, когда мы говорим о реализации поединка, или о реализации конфликта, то здесь существуют и функционируют целых 2 формы интуиции. Одна форма — это когда данные все есть, и они просто принимают иную форму. А вторая форма — это когда какие-то данные есть, а какие-то нужно почерпнуть извне, для того, чтобы появилась новая форма.

— И это касается архетипологического блока памяти, потому что, когда мы рассматриваем нож, мы же поединок рассматриваем, а не простую прогулку с ножом. Именно нож как инструмент разрешения боевой задачи или любого другого конфликта.

— И тот уровень, который выводит Попов, когда мы говорим о СКНХ или о создании элементов в процессе самого движения, то есть, это как раз две эти разные формы. Вот эта СКНХ, а эта — создание элементов в ходе исполнения движения. Палыч всё чертил и расписывал.

Две разные формы. Это уровень конфликта. Из него же происходит лифт Попова. Смотри, у меня есть то, чем я пользуюсь, а это извне привнесенная вторая система, которая станет уже существующему в пику. И я заставляю лифтом Попова эти 2 вида интуиции работать бесперебойно и постоянно, т.е., кубики-рубика собираются без проволочек и сбоев, они постоянно в работе, в движении.

— Для чего все вот это? — я осмелился задать вопрос.

— А ты в конце всё поймёшь. Речь пойдет о такой задаче, как подбор людей, как их отбирать. Вот представь себе: в твоём лагере масса уголовников, вот что с ними делать? как их формировать, на какие подразделения разбивать? и для чего они пригодны? Вот такими вопросами задавался Попов и его люди, в том числе работали сутками напролёт. Понимаешь, да?

Я кивал, рассматривая спасительные рисунки. В душе я ликовал. Палыч редко, вот так, напрямую всё объяснял и показывал. Это был особенный вечер. И я его запомнил на всю жизнь.

Был уже поздний сентябрьский вечер. Попов уже отпустил научную группу, но сам продолжал сидеть в кабинете и рассматривать чертежи и схемы, представленные раввином. А тот, казалось, не спешил пояснять происходящего.

Первым молчание нарушил раввин.

— Как известно, существует и другая форма интуиции — интуиция прототипологического блока. И эта интуиция — интуиция прототипологии — работает совершенно иначе.

И товарищ Попов, представить себе, как она работает, крайне незатруднительно. Допустим, вот у нас в 3-литровая банка, а здесь в руках знания, соответственно, вся эта система работает как 3 л банка и банка со знаниями. И знания в банку просто наливается, словно кефир выливается в раковину. Попов перерисовал чертёж на свой манер. И вот одна капля такой жидкости извне попала к нам в банку — что мы получили тем самым? это инсайт. Это озарение.

— У меня, в таком случае, вопрос, отреагировал Попов. — каким образом происходит эта штуковина?

И как это обыкновенно бывает, сам того не заметив, Попов делает беспрецедентное открытие. И надо сказать, если бы не этот раввин, он, наверное, бы не вышел на такое открытие. На скорую руку начертив на бумаге пару схем, Попов заметил, что, с одной стороны, есть информационный блок, а есть ПБ памяти, т.е., их же два: там, где механизмы и там, где информация, и ПБ связан с третьим блоком, мировым, трансцендентным или божественным.

— Правильно ли я поминаю, Попов усердно спрашивал раввина, — что вот с этого мирового блока перетекает субстанция вот в этот, человеческий блок?

— Да, как будто вода наливается, — был ответ.

— И мгновенно, в таком случае, возникает справедливый вопрос: а чего она, эта вода или субстанция, всё время не льется? Или хотя бы тогда, когда надо?

— А это самое интересное, раввин как-то хитро глядел на учёного. — Дело в том, что там стоят шлюзы и открываются они только тому, кто купил заклинание.

Хи-хи-хи! Это шутка, но, если вы заклинание не купили, то ничего не откроется.

И схема эта выглядит вот так. Вот блок трансцендентный, вот блок прототипологический информационный, а вот сама прототипологическая пирамида. И вот каким образом происходит попадание субстанции или жидкости в банку. Раввин дополнил схематичные рисунки Попова.

Попов ловил на лету.

— Другими словами, в блоке памяти существует несколько систем подачи данных?

— Именно так,— заключил раввин,— вертикальная и горизонтальная подача данных. Это форма 1. Теперь следуем дальше. Представим себе некое мировое хранилище, вот это мир весь, а мировое хранилище, конечно, не видно глазу человеческому. Если мир мы видим, то хранилище этой жидкости мы не видим, и оно наливается только тогда, когда открываются шлюзы. Притом шлюзы имеют такой себе кодовый замок, сродни системе допуска этой информации вовне. И вот как это работает: допустим, человек, купил за 100 рублей заклинание — проделывается один оборот, капелька «бам» и упала — из мирового блока — да в банку памяти человека. Купил за 200 рублей заклинание — раз, два,— две капли упало. Купил за 1 млн. заклинание — шлюзы открываются и оттуда как хлынет и полную банку налил. Мы назвали бы такую банку наполненной Абсолютным знанием. Т.е., по сути своей, когда я ранее говорил в свое время, что интуиция — это моментальное знание, то это касается только ПБ памяти. Касается тех случаев, когда шлюзы открыты. Мне нужно что-то, я не знаю что, но вот, вдруг, мне понадобилось и я уже знаю про это всё. Эффект вот такой. Анализ русской криминальной традиции на этом не закончился. Попов продолжил:

— а как бы выглядела Форма 2, горизонтальная. Раввин ответил: — ... горизонтальную форму я только что описал. Совокупно, пожалуй, это звучало бы так: «Эта форма хранения данных, в архетипологическом блоке системы которой хранится информация». Стоит случиться задаче, как блоки памяти начинают действовать строго по правилам. И они между собой взаимодействуют. То есть, вот, механизм кубика-рубика описан, как он работает, теперь тебе известно досконально, причём уже больше, чем мне самому. Нельзя сказать, что Попову это как-то польстило. Он вообще не задумывался над такими вещами и не придавал им значения. Но он понимал, что и это не всё

— Да этого, Макс, даже в самых тайных книжках, грифованных писать боялись. Ты говоришь, интуиция? Вот молодёжь, привыкли разбрасываться словами, что семечками.

Макс втянул голову в плечи, словно хотел повалиться на месте. Его уже изрядно подкосили эти разговоры с доктором исторических наук, который бил его на всех научных фронтах, как профильных, так и за пределами физики и математики. Это же надо было, перед человеком, закалённым пятилетками, советским менеджментом и вообще многим неведомым для человека 21 века. Лучше бы они не начинали эту тему про ТРИЗ, ведь стоило Максиму что-то сказать про интуицию — как всё, Семён Павлович вооружился страшным мечом карающим и было его не остановить. Он уже часа два ему что-то рисовал и объяснял, однако на старую добрую интуицию из рассказов школы это никак не было похоже.

— Самое интересное,— продолжал просветительское дело Семён Павлович,— что есть третья форма интуиции, и она касается родовой концепции — твоего родового наследия. Я надеюсь, ты в курсе, что в памяти у тебя и такое есть — ро до во е — по слогам нарочито медленно произнёс историк. Итак,— понизив тон, он продолжил,— Смотри, что у нас получается. Два кубика-рубика, а вот тут банка вверху стоит, а вот тут еще какая-то родовая концепция в виде купола рода, и вот зачем эта родовая концепция?

Макс пожал плечами. Он давно потерял нить разговора, хотя и старался вникнуть в суть.

Семён Павлович продолжал: «А открытие моих учителей звучало так: Здесь, в блоке памяти родового наследия, лежит информация в рефлекторно-инстинктивной форме». Если в других блоках информация лежит в аналитической форме, уже обработанная, да? Ты же помнишь, ее там вообще никто не обрабатывает, информация туда попадает либо из опыта, либо открываются шлюзы и напрямую субстанция льётся. Но в родовом блоке всё по-другому: здесь она лежит в рефлекторно-инстинктивной форме. «О чем речь идет?», вы меня спросите, молодой человек. А я вам отвечу. О стиле движений. Вот эта рефлекторно-инстинктивная форма определяет манеру движений человека и манеру речи. Мы видим, как человек разговаривает, каждый человек кстати разговаривает по-своему. Вот эта рефлекторно-инстинктивная форма — это клише, по сути, первый элемент во всей системе. В ней хранятся клише определенного рода, которые определяют манеру разговаривать и манеру двигаться, манеру движений, стиль. Обратим внимание, вторым блоком, после клише, идет сердечник, там, где лежит набор элементов, которые реализуются в потоке клише, дальше следующий блок — это заместители. «Форма простых реакций, как промежуточная форма, обеспечивающая существование до возникновения необходимого аппарата сердечника». т.е., даже если у человека сердечника нет, например, потому что он ещё не вырос, маленький он, не научился ничему, это не беда. Нет сердечника — все равно в наличии заместители, которые обеспечивают жизнедеятельность человека до возникновения сердечника. Эти 3 штуки порождают четвертый блок, он пустой. То есть, клише, сердечник и заместители порождают четвертый пустой блок, который называется **«лучшая двигательная лингвистическая форма»**. По сути, когда работает заместитель сердечника, то образуются лучшие двигательные заместители.

И вот как они образуются? — подал голос Макс. Семёну Павловичу словно это было нужно:

— Есть 4 формы создания этого четвертого блока. Гляди-ка:

Первая форма — это копирование (это очень просто: вот человек что-то увидел, да и попытался за кем-то повторить). Но это не всё, есть и другая форма. Блок может возникнуть спонтанно в результате частной продолжительной какой-то реакции. Что это значит? Он в одном деле, скажем, постоянно варится и у него уже куча шишек набито, и он знает какую крышку можно трогать, какую нельзя. Какая горячая, какая нет. У него уже на уровне интуиции существует: белая крышка — ну его к чёрту. Красная — давайте потрогаем. Что-то в этом роде.

По сути, частотность положительных реакций, как мне мои учителя объясняли, определяет второй способ возникновения лучших двигательных-лингвистических форм, т.е., то, что получается у человека — у него в этом блоке скапливается в память.

Найденное решение путем спонтанного поиска. Вы это называете методом научного тыка, это как будто ты собрался нажимать на все кнопки и смотреть, что получится. Найденное решение же отправляется в четвертый блок, где и хранятся лучшие формы.

Макс уже устало хлопал глазами.

— Да ты не хлопай, парень,— посмеивался Семён Павлович. Вс же просто. Ты даже не обращаешь на это внимания. Это же просто инстинктивное обучение путем подражания, т.е., путем прямой передачи опыта, например, когда мама говорит: «вот, надо ходить в школу, надо делать так, надо вот так и т.д.» То есть, когда родители прямо передают свой опыт ребенку или подростку и т.д. и т.п.

Пожалуй, это было последнее, что Максу влезло в «в черепушку», как он сам неумело выразился. А Семён Павлович лишь недовольно покачивал головой.

— Как же долго я провозился с интуицией. Мучительно долго. Зато наконец-то теперь могу по праву выходить на иерархию. Лучше расчертить всё начисто

Было около пяти утра. Попов неудержимо сидел в кабинете, словно его к стулу собственному примагнитило, и вообще не замечал хода времени.

— Итак, что у нас в наличии. Вот родовая концепция, АБ, ПБ, их блоки памяти хранения». Как они устроены я знаю теперь. Пойдём по порядку.

«Когда касается родовой концепции — это человек-зверь.» То есть, если у человека все происходит на уровне родовой концепции — делаем соответствующий вывод: перед нами животное, это зверь. Именно зверь. «Животное всё-таки не подходит» Очень интересная форма — зверь. Стоит мне выйти из кабинета — как я попадаю мгновенно в зверинец самый натуральный. Криминальный контингент — вот как на ладони, сидит весь. Да, большинство этих людей, этих уголовников в котором по счёту поколению — настоящие звери. И тут Попова осенило. Без удара молнией, без сверхъестественного откровения, без божественных скрижалей. Попов здесь должен был получить Нобелевскую премию железобетонно с таким открытием. Однако же этого не произошло, в начале 30-х то... Попов открыл очередной рабочий блокнот и записал: **каждый человек от рождения преступник.**

Каждый рожден преступником.

Поутру Яковлев, просмотрев ряд записей, не преминул задать вопрос:

— Товарищ Попов, дружище, а почему каждый рожден преступником?

— Потому что у него кроме родовой концепции в этот момент времени ничего не существует при рождении. А раз у него ничего не существует в памяти при рождении, значит, он зверь. А зверь, как он себя ведёт? вот выпусти тигра сейчас, что будет? он преступник по натуре своей: кого-то подкараулит, укусит или сожрёт — затем его обязательно отловят и посадят в клетку.

— Знаешь, протянул Яковлев.— Звучит предельно просто. Ты прав, как никогда. Как же ты к этому дошёл?

— Попов сонными красными глазами глядел на друга.— Как...как... путем титанических рассуждений, постановок экспериментов, да представь себе, чего я только за год тут не насмотрелся в этом научно-экспериментальном лагере уголовников. Кого-то расстрелять пришлось, кого-то сломать психологически и т.д. и т.д.

И сегодня ночью всё сложилось в единую картину. все эти картины года ра-

боты с уголовниками — все перед глазами в этот момент времени стояли, каждая ситуация, каждый случай. Где-то приходилось доказывать свою силу и правоту, брать нож в руки и показывать им, что они, может, и компетентны в каком-то одном вопросе, но есть люди более компетентные, чем они. Приходилось вступать в прямые поединки с уголовниками, убивать их в даже, потому что иначе авторитет среди них завоевать невозможно. Да я больше года специально не носил форму, ходил в костюме, специально делал кучу вещей, которые давали возможность этим уголовникам каким-то образом меня как-то по-другому воспринять, иначе, не так, как тех вертухаев, которые на постах. Надо сказать, я всегда ходил в костюме и никогда форму не одевал, принципиально. И впредь не намерен изменять привычке. Даже пусть генерала дадут, пусть умоляют я могу представить, что китель надену, если фотографироваться скажут. Но не более того.

Яковлев рассмеялся. А Попов тем временем немного остыл. Алекс задал следующий назревший вопрос:

— раз человек зверь, раз он преступник от рождения, то зачем же тогда существуют другие формы, для чего они нужны?»

— А вот здесь, все не так просто. Попов вздохнул. У меня просто масса вопросов ещё: Вот например: «Для чего же тогда существует у нас архетипологический блок». Не могу ещё ответить на вопрос. «Блок прототипологический?» Та же история. Видимо, не одна бессонная ночь у меня впереди.

— А теперь представь, что в твоей памяти, как и во всякой машине, есть особый двигатель. Знаешь, эдакое ядро.

Попов внимательно слушал раввина.

— Мои предки называли его Ядром памяти. Давай поглядим, что это ядро вообще из себя представляет. Стоит ли говорить, насколько досконально Попов исследовал ядро памяти, стоило ему коснуться этого клада. Дальше два блока для него стали абсолютно быстро и точно. ПОПОВ Наспех записал в тетради следующее: АБ определяет принадлежность К чему? К полу, к касте, к иерархии, к профессии. Кто ты? А вот ПБ создает как раз сверхчеловека!

Ядро памяти зверя генерирует звериные знания.

Если человек находится в другом состоянии, он генерирует, к примеру, знания принадлежности, профессию и т.д., Это работа архетипологического блока. а если он находится вот в сверх состоянии, то он генерирует сверхзнания. На то прототипологический блок нужен. По сути своей, положение в этой иерархии памяти и ядро определяют, какой доступ к знаниям человеку открыть. Если человек — зверь, ему нужны звериные знания, и ядро, этот вечный двигатель, шарашит ему интуицию, вы используете ее как доступ к звериным знаниям, поэтому 4 вида интуиции. Как только эта штука переключается, он начинает шарашить вот эти знания, т.е., два кубика-рубика заработали сразу же. И вот тут возник очень интересный вопрос: а что происходит с предыдущим блоком? И Попов совершенно четко отвечает: «Еще хуже становится предыдущему блоку. Ядро памяти доводит его до совершенства». То есть, все предыдущие блоки, которые пройдены, ядро доводит до совершенства на основании следующих блоков, продолжал рассуждать Попов, — Допустим, у человека «А» были звериные знания, они станут самыми высоко-пилотажными

звериными знаниями. И по-другому: пусть у человека «Б», помимо звериных знаний, имеются также знания о принадлежности к профессии — при переходе на этот блок, оба блока доведутся до максимального совершенства.

«Возможно, это моё самое мощное открытие на данном этапе,— думал Григорий Попов,— но, впрочем, что от него толку? вот все, что я сейчас написал — доложить нельзя. Это очень крутая теоретизация, которая по сути своей не имеет главного — механизма реализации и управления. Всё ясно, что и как строится, но как этим вручную управлять? Как это внедрить?»

Раввин, конечно, дело своё знал исправно, Критик из него был прекрасный, порой даже жёсткий. Оборвав рассуждения Попова об уме и разуме, он подсказал тому «Ключ к использованию этой системы».

Он взял блокнот Григория Семёновича и просто, молча, написал: «Ядро памяти является генератором знания». Дальше Попова нужно было просто не останавливать. Уже через пару часов, записей прибавилось: « Ядро памяти является генератором знания той формы знания, на уровне личности котором находится человек», И раввин подтвердил его размышления:

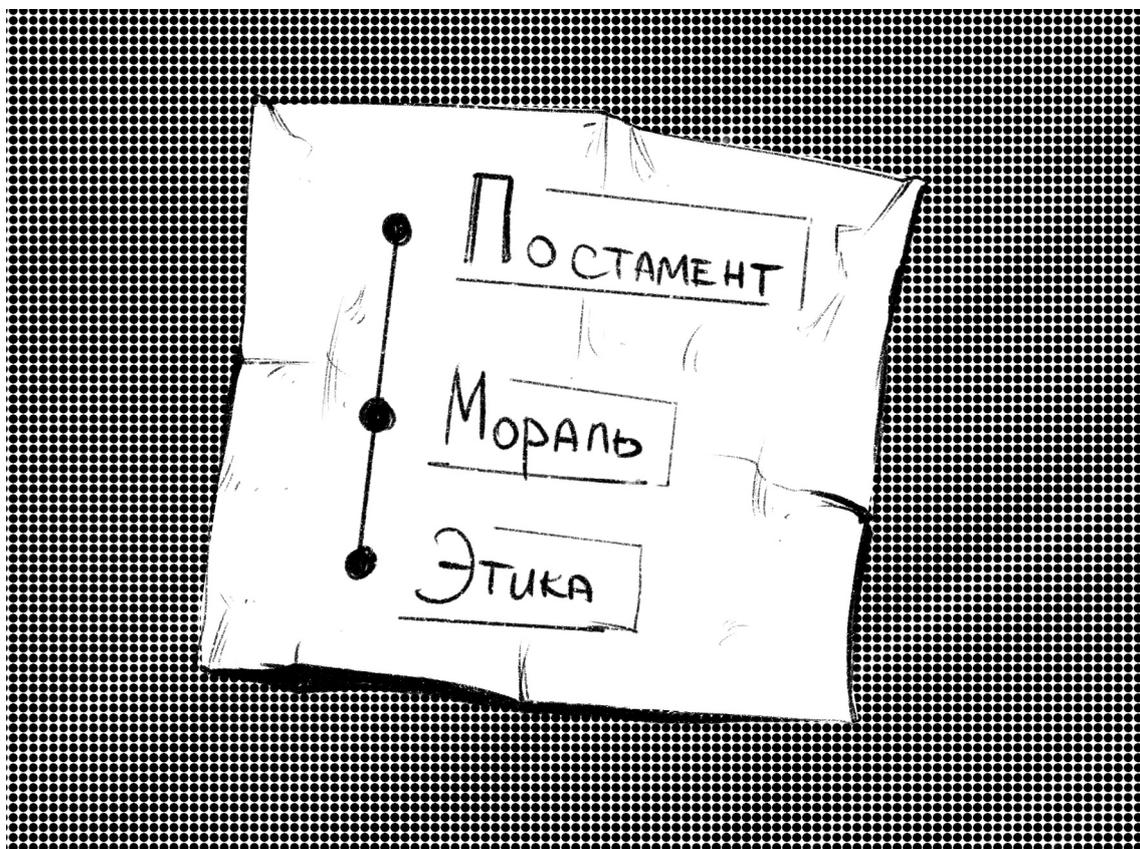
— Конечно, что и говорить, если ты зверь, тебе звериные знания, и работает, в таком случае, та интуитивная система, которая генерирует знания звериного порядка. Если ты становишься кем-то, приобретаешь какую-то профессию, входишь в касту и т.д.и.т.п., соответственно, поднимаешься в этой иерархии, и она начинает генерировать другого уровня знания, а блок предыдущий (звериный) доводит до совершенства. Если человек еще поднимается выше в становлении своём, льется всё, шлюзы открываются в каком-то трансцендентном режиме, субстанция свободно льется как в банку, происходит озарение за озарением. А два предыдущих блока опять-таки доводятся до совершенства.— Попов продолжил: А значит, мы делаем вывод: «Подъем на более высокую ступень развития не исключает предыдущую систему генерации знания, которую оно корректирует, приумножает, превращает в систему и доводит ее до совершенства». И вот осталось самое тяжелое — найти ключ, словно ключ зажигания. Что же заводит эту систему. Попов себе долго задает вопрос, а что же является ключом? И вот они с раввином сидели всю ночь, сидели, молчали, пока Попов он говорит: «Ребе, скажи мне, что может быть ключом? Тот отвечает: «М-м-м, у евреев закон.» И тут Попова взорвало изнутри. Он пишет одно слово, выводит ручкой — дисциплина. Дисциплина как раз и является фактором, который определяет уровень развития личности». Дальше: «т.е., чем выше уровень дисциплины, тем выше уровень генерируемого знания.» То есть, чем выше ваш уровень дисциплины, тем выше уровень для вас генерируемого знания вашим ядром памяти. Понимаете, как все устроено? То есть, вы не дисциплинированы? На уровне зверя? Вам дают только звериные знания. Вы поднимаетесь на другой уровень — вам дают эти знания, а те доводят до совершенства. Вы еще выше поднимаетесь — уже шлюзы открываются, льется поток, а здесь ядро всё превращает в совершенство.

Ядро памяти является генератором знания.

Виктор Павлович рассказывал всё так, что я прямо видел, как передо мной сидел великий учёный и, не замечая никого вокруг, старательно записывал все открытия в свою рабочую тетрадь.

Ядро памяти является генератором знания. Попов на этом не останавливается. Он пишет так: «Однако, уровень дисциплины будет плавать у человека. Он то дисциплинированный, то не дисциплинированный. Что в этом случае произойдет? Тогда ядро будет переключать генерацию уровня знания с одного генератора на другой». Т.е., вот человек условно занял крайнее верхнее положение, все в порядке. Дисциплина упала до второго блока, шлюзы стоп, остановка и перезапуск ядра... а затем — генерация знаний более низкого порядка. Допустим, — шлюзы закрываются, упали до зверя, шлюзы уже закрыты. Теперь останавливаются два кубика-рубика, мозги не работают. Интуиция в виде двух первых кубиков-рубика уже не срабатывает, остаются только звериные навыки.

Григорий Семёнович выводит: «Генерация происходит при устойчивом положении, а оно определяется неизвестным временным интервалом. Соответственно, чем дольше статус дисциплины, тем выше амплитуда генерации знания ядром памяти.» Попов, не довольствуясь полученным, продолжал задаваться вопросами: Возникает вопрос, а что определяет уровень дисциплины? Как нам понять? Все очень просто. То есть, с какого момента начинается генерация знаний нового уровня?

Палыч Продолжал:

— На уровне этики дисциплинарный контроль устанавливает сам человек. Это все его запреты. Человек сам себе вводит запреты. Как только возникает система запретов, да здравствуют, звериные знания. Ветхий Завет 10 заповедей дал — с этого момента все люди — звери, ибо они начали получать вот такого уровня знания. Кто начал эти 10 заповедей соблюдать, сразу звериные знания потекли в их лапы. А теперь возникает вопрос: а какие знания он будет получать? О чем знания? Вот как машине понять, о чем давать знания? Исходя из запретов. Вот какие запреты ты наложил, такие знания и будешь получать. Сказал «нельзя кофе», соответственно вот о том, что вместо кофе, что можно, как нужно — вот эти знания и будешь получать, т.е. сказал «не убий», вот будешь получать знания о том, как вместо того, чтобы убивать, человека нейтрализовывать. То есть, ты ограничиваешь себя — получаешь знания, чем это заместить. Вот ты написал себе свои собственные 10 заповедей, вот исходя из них знания человек и получает.

Я решил поддержать беседу:

— Виктор Павлович, но вот у нас же регламент, а не запреты.

— Конечно, Вот исходя из регламента, все наши люди и получают знания, но только те, кто его соблюдает. Кто не соблюдает — амплитуда знаний уменьшается, уменьшается, уменьшается, уменьшается.

Она не сразу увеличивается. Система смотрит — соблюдаешь то, что сказал? Вот ты сам принял на себя обязательства, сказал: «вот, 10 заповедей, которые соблюдаю в жизни, мой кодекс, то, что не делаю никогда», взамен — знания.

Когда человек поднимается на второй уровень — это мораль, т.е., это допуски. Что можно и до какого предела. Здесь речь о пределе идет, т.е., показал человек, что он может дисциплину соблюдать, 10 заповедей, никогда их не нарушает, — то может переходить на второй уровень, моральный, определять уже следующий блок до какого предела можно. И в соответствии с этим и будет ему счастье.

И третье, постамент. То, что исключает всё предыдущее. Живёшь так, и шлюзы открываются, и всё вниз становится совершенным. Если ты живешь постаментом, тебе всё остальное не нужно. Помни, Олег, да эта машина мало того, что делает сверхчеловеком, но она и всё вниз доводит до абсолютного совершенства. И как ты понимаешь, обмануть эту систему невозможно. Она точно знает, притворяется человек или нет. И вы знаете по амплитуде знания. Вот насколько вы притворяетесь — по капельке периодически озарение. Капелька падает — инсайт. А шлюзы не открываются. Пин-код не верный. Да, вот 1 цифру угадали, капли капают, но пин-код не верный.

— Но ведь есть же люди талантливые, умелые от рождения — они словно и так всё знают. Это как-то связано с интуицией — меня буквально разрывало от любопытства.

Палыч улыбнулся.

— А вот это, Олег, тема отдельного разговора, впрочем, кратко я тебе расскажу.

Это было следующее третье мировое открытие академика Попова. Он говорил так: «Талант не является божественным проявлением, а лишь стечением вариативных комбинаций родовой концепции». То есть, талантливость человека определяется не Богом, не дьяволом, а случайностью, работой интуитивного блока родовой концепции. Из-за чего это происходит? Есть триада: «Условия. Воспитание. Примеры». То есть, талантливость человека определяется теми условиями, в которых

он жил и родился, воспитанием, которое он получил и примерами, на которых его учили. Вот тебе и талант весь. Впрочем, важно другое: талант без дисциплины даже развиваться не может. Почему говорят, что талант — это зерно, а дальше — титаническая работа с дисциплиной, которая и сделает тебя героем. И как только Попов завершил исследования в экспериментальном научном лагере, он сформулировал ключевые выводы из своей работы.

Прототип — это транспортное средство судьбы человека.

Архетип — это тормоз, противодействие и переключатель судьбы человека.

Родовая концепция — это предохранитель судьбы человека.

Дальше, как Попов сказал, дело плевое. Он разделил уголовников на 3 части.

1. звери
2. будущие офицеры спец. служб
3. реванш, сверхлюди

Вот этот реванш — это и есть штучная работа, Это сверхлюди. Судоплатов, Эйтингон, Серебрянский и т.д.

Офицеры спецслужб — это те люди, которых не нужно заставлять судьбу изменить. Они САМИ хотят другую судьбу, им нужно только создать условия для этого, и Попов так и действовал. Он говорил так: «Я тебе даю возможность сейчас вернуть свое доброе имя. Верну погоны, верну все награды, всё верну. Вот Документы, подписывай, становись в строй, верно служи родине, а вот научить тебя, довести тебя до совершенства — моя задача и мы это сделаем». А со зверями вообще просто. Попов собрал всех зверей, затем отправил тех, кто помладше — в норы сибирские, тех, кто постарше — перед собой вперед и сказал: «Смотрите, идет война, могу отправить в лагерь обратно, сдохните просто с голоду, будет война, кормить вас будет нечем. Есть второй вариант, начинаете сотрудничать со мной».

— А чем заниматься, начальник, надо?

— А тем, чем вы занимались до этого.

Это всё? Тогда мы согласны. Если ничего не нужно делать, только грабить, воровать, убивать — тогда мы согласны. Какая разница кого грабить, фрицев или своих. Разницы никакой. Если будет паек, будет всё, еда, одежда, теплая постель и т.д. и еще нужно грабить кого-то — тогда мы вообще согласны. То есть, Попов их быстро раздробил на 3 части. Из этих трех частей получились руководители, это реванш, офицеры армейской разведки и СМЕРШа и войсковая разведка. По сути, он их поделил на 3 части. На начальников, на армейскую систему (здесь СМЕРШ и спецназ ГРУ) и на войсковую разведку. А тех, кто не попал в эти когорты (кто отказались, не хотели) просто поставил к стенке и ликвидировали при всех, чтобы они видели, что будет с ними, если они заднюю передачу включают.

И вот были люди, которые не прошли по здоровью. Григорий Семёнович отправил работать в ОВД, в милицию. И так в милиции оказалось немалое количество воров в законе, преступников, оперуполномоченных, которые отлично справлялись с борьбой с преступностью и всю ее ликвидировали в полном объеме, потому что знали всех по фамилиям и в лицо. Надо сказать, что к началу войны преступности в государстве не было, она была вся ретрансформирована в боевую систему, а тех, кто не согласился — всех расстреляли. И то, что говорят, что воры

в законе какие-то существовали в лагерях во время войны — это ложь. Всех, кто не согласился сотрудничать с Поповым, всех к стенке поставили. Или на фронт или к стенке. Варианта два. Те, кто отказались — расстреляли. Зачем? А кто ими будет заниматься? Война, времени воспитывать некогда. Поэтому либо в штрафбат и искупать вину, тех, кто не попали в эту когорту авторитетных людей, или воевать на фронт, или крест на тебе. Длилось это почти 10 лет, да, Олег, что я описал — это почти 10-летний период. С 1929 года — это начало исследования — до 1939 года. В 1939 году всё было готово к войне, т.е., они полностью уложились до войны, успели. И в 1939 году умер помощник Попова, тот самый раввин, ожидаемо это было, ибо возраста, потому что ему уже тогда было 70 с чем-то лет, а сейчас уже седьмой десяток.

— А как же его семья? Спросил я.— Что с ними стало?

Виктор Павлович почему-то помедлил.

— Да, как помнишь, осталась дочка. Что стало? Известно, что. Попов сдержал данное раввину слово. Он нашёл дочь и сказал ей примерно следующее: «Вот квартира, ключи от квартиры, твоя задача жить и растить сына. Будешь баловаться, сына заберем. Твоя задача жить и растить сына». И надо сказать, что маман прекрасно справилась с воспитанием сына. Вырос, говорят, очень достойный человек. Палыч встал и достал из серванта небольшой матерчатый свёрток. Немного погодя, он извлёк из него пару фотографий. Одна была совсем старая и потёртая, но на ней угадывался портрет волевого молодого человека.

— Это Илья Евгеньевич Мотыгин. Тот самый друг, которого потеряли Яковлев и Попов. А вот это?

— А это я в молодости, ответил Палыч.

Вскоре на служебной машине я уже ехал на Ленинский проспект. Я пребывал в невероятном каком-то трепетном впечатлении от состоявшейся беседы. Как будто прикоснулся к чему-то тайному и великому одновременно. Однако одна мысль не давала покоя. Меня поразило сходство этих двух портретов. Палыча и Мотыгина. По спине внезапно пробежал холодок. Я вспомнил, как Палыч как-то сказал, что Яковлев и Попов всегда хотели «вернуть Мотыгина». Но вернуть не с того света, нет... воспитать нового, выдающегося и неповторимого сверхчеловека. И такого я знал лично. Это и был мой Наставник, Виктор Павлович Светлов. Некогда тот самый внук раввина.

ГЛАВА 5. «УНИКАЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ»

— Макс, вот ты, конечно, молодец. Вопросы мне тут потравишь, да с хмурым видом уходишь. Мозгуешь вроде, обдумываешь, но понимать, похоже, не спешишь. Одно дело — махать заточкой перед носом, другое — страну строить. Это, понимаешь ли, несравнимые категории.

Семён Павлович изобразил даже некую тень разочарования. Но они оба знали, что получилось это недостаточно убедительно. Макс уже не мог не ходить к Семёну Павловичу. Его туда тянуло как анод к катоду. Мама Вера даже немного начинала ревновать сына, то она его пару лет не видела, пока он в Москве за свою степень сражался, а она ему, к слову, не по благу досталась, то тут теперь начал пропадать у соседа да ужин прогуливать. Молодой физик смотрел на тот самый нож, который ему подарил Семён Павлович. Надо же — историк и нож. Это сегодня мы как-то не воспринимаем эти две категории одновременно, наверное, не стыкуем их между собой; но вы бы видели, как лихо Палыч с ним обращался. И именно это не срасталось у Макса в картине восприятия. Всё-таки воспоминания детства у Макса были совсем иные: Семён Павлович для него всегда был каким-то добряком, он даже «отмазывал» их с Сашкой, когда они честно прогуливали всякую дребедень типа обществоведения или английского.

Но в последние дни его картины мира, все эти нелепые холсты, они как будто ссыхались, плесневели, а затем и вовсе пропадали, рассыпаясь. Мир Макса всё больше оказался карточным домиком. А он сам — его неумелым ваятелем. Немудрено, что «найти себе место в жизни» — это по-прежнему был вопрос открытый. Что-то вроде нереализованной задачи, замурованной в стене непонимания. Хоть 35 годков и отмахал, а ума набираться только начал. Досадный вывод, что и говорить. Пресный, с какой-то горечью оправдания. Как выяснилось, Макс мало что смыслил даже в том, где он, как ему раньше казалось, вообще плавал словно в родных краях. В науке. Особенно в истории её становления. В людях науки, которые жили всего-то лет 60 назад, тоже не разбирался. В их открытиях плавал откровенно. В том, как эти люди в науку попали, вообще никогда не задавался вопросом. И уж тем более его застал врасплох Семён Павлович со своими дурацкими «требованиями» к учёным и их деятельности.

— Да что я тут перед тобой, как Шехерезада, который раз распинаюсь. Не веришь? Спроси у бати своего, драгоценного, яхонтового математика, где и почему он примерно в твоём возрасте на пару лет застрял в целях перевоспитания, так сказать. Только прежде чем разговоры чинить, убедись, чтоб Веры Марковны рядом не было — она дама впечатлительная, охать и причитать будет так, что толкового разговора у вас может и не выйдет.

Макс уже даже с какой-то опаской поглядывал на Семёна Павловича. Но историк был непреклонен:

— Ступай, хлопче, давай, пора тебе проверить пару-тройку слов моих, поговори с отцом.

Алексу хватило 10 минут, чтобы заключить: Попов снова сделал мировое научное открытие. И не потому, что этому открытию суждено было состояться, утерев нос одним и возведя на пьедестал других, нет — всё потому что задача перед Поповым стояла непосильная. Никому другому в мире таких задач и не ставили. Да ещё в такие сжатые сроки, естественно ощущаемыми и подгоняемыми навязчивым осознанием: война не за горами.

— Как ты его назвал? — спросил Яковлев.

— Что именно? Метод? Да ещё никак. Просто ящики, по сути. Пять ящиков или пять элементов структурирования.

— Ящики, всё же будет проще пояснить на докладе руководству, — отозвался Яковлев. — Будем готовы в воскресенье отобедать с товарищем Сталиным?

Попов кивнул.

— Так уже есть, что доложить. Все подтверждающие материалы и результаты первых экспериментов уже на руках. Криминальная среда — это просто карьер без дна — копай, не хочу. И одно дело — говорить с уголовниками, другое дело — анализировать данные. Однако если б я лично не повидал этого брата в деле, классификация вряд ли состоялась бы. Но это уже неважно. Важно, чтобы товарищ Сталин также проникся терминальной системой структурирования и её прикладным аспектом для отбора и подготовки наших силовых структур.

Шёл третий час. Прекрасный шашлык сменил ароматный запах домашних пирогов и насыщенного чая. Сталин, Яковлев и Попов расположились за круглым столом на небольшой веранде правительственной дачи. Сталин, как радушный хозяин, потчевал друзей и вообще держался спокойно. Давно они втроем не собирались в подобной располагающей обстановке, впрочем, все трое понимали серьёзность встречи и предстоящей беседы, которую по ряду причин определённно не стоило проводить в стенах кабинетов.

— Полевое расследование — вот что породило мой метод и послужило трамплином формирования терминальной системы, которую я предлагаю к рассмотрению и внедрению, товарищ Сталин, — приступил к докладу Попов.

— Всё началось с того, что в вверенном мне научно-исследовательском экспериментальном подмосковном лагере оказались уголовники всех мастей. Это отличная выборка для объективного исследования, к слову. Но вот что меня буквально поразило с самых первых дней: неоднородность уголовного элемента. Другими словами, разношёрстность массы лиц, которые оказались по ту сторону черты общепринятого. Как выяснилось, люди, в тюрьме уже не один десяток лет сидевшие — самые разные: от ненужных военных до сосланных за решётку политических деятелей; от дураков обыкновенных до дураков с инициативой. Слишком неоднородный состав, вот на чём акцент. Понятное дело, причины того обсуждать я не собираюсь. Сейчас нет времени говорить на тему «политических предателей» или «врагов народа», которыми поспешили разбавить тюремный состав последние лет десять. Вопросы в другом: КТО передо мной и КАК с ними работать?

Итак, я начал с того, что во всей этой терминальной системе уголовников существуют разные типы людей. Условно, первую когорту лиц я назвал «идиотами». Это такие, знаете ли, достаточно примитивные люди. Они способны только на что-то примитивное. По первой я вообще думал, брать мне их эксперимент или не брать. Но парочку всё же выбрал. При выборе я придерживался принципа географической территориальности. Собственно, анализируя технику обращения с холодным оружием, мы могли бы разделить эту тему на две части: на юг и север. Южная техника и северная — всегда будут категорически отличаться друг от друга и в истории это показано неоднократно. Вот, например, юг Европы — та же Италия. Там предпочитают бритвы. И не только потому что климат предполагает одежду лёгкого типа, но и потому как запрещено ношение оружия с собой. Вот и возникает бритва, как одна из приспособ. На Канарских островах круглый год — что-то смежное весенне-летнее, там люди в рубашках без рукавов ходят — и нож у них свой есть, канарский. А на севере Сибири этот нож не поможет, он же тулуп никак не пробьёт. Южная техника не требует пробивания, здесь достаточно резать. На севере — требования другие. Более того, люди в криминальной структуре — не дураки, они понимают, что открыто им никто не позволит носить оружие. Попадёшься — отберут и самого запрячут лет на 10, в лучшем случае. Поэтому среда диктует условия для особых умений: как приспособами орудовать? Бритва, мойка, шнайдерлинг — это всё приспособы, но как показывает практика, весьма эффективные, что и требуется учесть.

Попов продолжил:

— Итак, я поделил массу на юг и север. И там, и там взял несколько идиотов. — Причём именно интересных идиотов, с особенностями, — улыбаясь, вставил пару слов Яковлев.

— Да, отбирали действительно любопытных терминалов с чертами, которыми не обладали все остальные люди. Первое: идиоты не мудрствовали лукаво. То есть, когда что-то нужно было сделать, идиоты действовали очень просто: находили лопату и отбивали этой лопатой голову. Они не особенно напрягались относительно уровня сложности решения задачи: у них этот их инстинкт или естественная реакция, была простой и незатейливой. Взяли лопату, дали по голове и убили, что-то в этом роде. Но этих первичных наблюдений было недостаточно, надлежало «погрузиться» глубже. А глубже — только в самой среде, в тюрьме.

— Вот почему последний год ты в тюрьме больше времени проводишь, чем в кабинете Академии генерального штаба, — сказал Сталин.

— Да, необходимо сравнить было двигательные, реализуемые на воле и в среде тюрьмы. Ведь они как живут, идиоты: что-то натворил, два года отсидел — пошёл на волю выживать. Далее, где-то там шатается этот идиот, что-то делает и ждёт, пока его обратно в тюрьму посадят. И как они на воле действуют, эти «товарищи», охарактеризовать коротко можно так: «Дурак он и в Африке дурак». Дурак — тот, кому говорят что-то сделать, и он обязан с этим справиться быстро и просто. Потому что в тюрьме по-другому нельзя. А вот как на воле он себя ведёт? Вот где его место в ремеслу? То есть дурак, он же в ремеслу тоже что-то делает. В итоге я отметил, что вот таким простейшим действиям и решениям обучить любого человека — очень быстро. Более того, эту же «практику» мы наблюдаем и в других криминальных сообществах, на юге Италии, в частности. Один сердечник, три удара — это не отнимает много времени. То есть, вот уголовники, они используют сердечник в три удара.

Три БЕЗОТКАЗНЫХ удара. А им больше и не надо для совершения преступления им больше не нужно. Вот так я наблюдал «идиотов» и анализировал их двигательные, собственно, это была первая группа лиц и первый блок анализа, соответственно. Немного помолчав, Попов продолжил:

— Дальше, вторую группу заключённых я охарактеризовал как «сидельцев». О чем идёт речь? Эти люди долго сидят в тюрьме: по 10,12,15 лет, а значит, у них как минимум два козыря: незанятые глаза и уши, это раз, и много времени — это два. То есть эти люди наблюдают за динамикой уголовной среды, в среднем, по 12 лет и знают потому они тоже немало: как выглядят конфликтные ситуации, какие технические элементы используют уголовники в этих конфликтных ситуациях, как убили того, как убили того. За 12 лет в лагерях много чего может произойти! Эти люди, сидельцы, они больше всех и говорили. Из всех уголовников, с кем мне довелось беседовать, те, кто отсидели приблизительно по 10 лет, им было что рассказать и показать. Это самые качественные интервьюеры, очевидцы. Люди, глядящие со стороны и постоянно готовящиеся к конфликту. А потому, совокупный их арсенал умений — это лучшая техника, лучшее, что им удалось собрать за 10–15 лет. Если первая выборка анализируемых «идиотов» мне дала блок или ящик знаний и навыков, который я назвал «Безотказное», то вторая выборка, из сидельцев, дала нам «Лучшую технику».

— Знаете ли, когда человек сидит, наблюдает и размышляет по 10–15 лет, его склад ума и система восприятия совсем другая. Да, они склоны к анализу эти, сидельцы. И это не имбицилы, тут ни за что не перепутаешь. Эти люди сели в тюрьму на долгий срок, за уголовное преступление, за убийство, как пример. Это Люди решительные, понимаете? Вот, к сравнению, идиот. Ему, в принципе, чтобы убить человека, тоже особо напрягаться не нужно; однако же идиот очень чётко разграничивает силу и чувствует её. Он жертву, что ему не по зубам, грабить не станет. Сидельцы — ребята дерзкие: они любого станут грабить. А так как они склоны к анализу, к обработке операции, их действия более сложные, более масштабные, по природе своей. Если идиоты, например, грабят прохожего на улице то эти сберкассу грабят. Если первые 20 рублей берут, то сидельцы 200 тысяч рублей выносят. За один грабёж или набег на ювелирные магазин, сберкассу, банк — и у государства на то выработана своя система наказания. Когда ограбили человека, ну двушку дадут по первому разу, пятерку по второму. Где-то будут в этих кругах ходит от 3х до 5ти. Потом уже смотреть будут: есть рецидив или нет. А сидельцы нет: им сразу — минимум 10 лет.

— Да что такое «десять»? — отозвался товарищ Сталин, — это же вообще ни о чём. Десять — это так, дети в школу ходят. 15, 20 — вот сроки для солидных особ.

— Товарищ Сталин, как Вы понимаете, специфика сидельцев мне была особенно важна к пониманию. Этот тип людей действительно очень любопытен. Потому как это главные очевидцы. И по факту, именно они говорили больше всех.

— А вот с третьей категорией лиц пришлось изрядно повозиться, да по факту, работа проводится и сейчас. Помимо идиотов и сидельцев в уголовной среде я условно выделил так называемых «авторитетов». А эти характеризовались в своей деятельности здравым рассудком с одной стороны, а с другой стороны — они настоящие фокусники. Именно «авторитеты». Они знают какие-то приёмы или подкоцы, которые неизвестны другим. Жертву так ножом ударят, что она этого и не заметит или не поймёт. Те ещё трюкачи, товарищ Сталин, своими глазами видел неоднократно.

В тюрьме авторитетами как раз становились те, кто подобного рода трюки мог демонстрировать в любой ситуации. А что вообще даёт «трюк»? Сам по себе трюк позволяет побеждать любого противника, неважно какой массы, телосложения и тому подобное. Если в два ножа фокусник станет против кого-то, вы его ни с кем не спутаете: трюкач действует интереснее, быстрее, эффективнее и так далее. Ему, к примеру, не надо разгоняться на дистанции, он может противнику сразу фокус какой-то показать и этого для победного исхода достаточно. Что обычно и происходит. Действия авторитетов неординарны. Все считают, что он сейчас достанет нож и ударит, а он сначала пальцами в глаза ткнёт; противник пока за голову схватится, фокусник уже и нож достал и только после этого ударил, ну что-то в этом роде. Уже в беспомощное тело вонзил клинок. Внимание противника ведь всё время на ноже. А на вторую пустую руку никто не смотрит. Вот потому удар пальцами в глаз настолько эффективен и своевременен: противник за голову хватается, авторитет же спокойно наносит удар ножом. Так, к примеру, действовали некоторые авторитетные уголовники. Но все такие примеры в ходе научного исследования и анализа позволили выделить третий блок или ящик данных, я этот ящик назвал «Неожиданность».

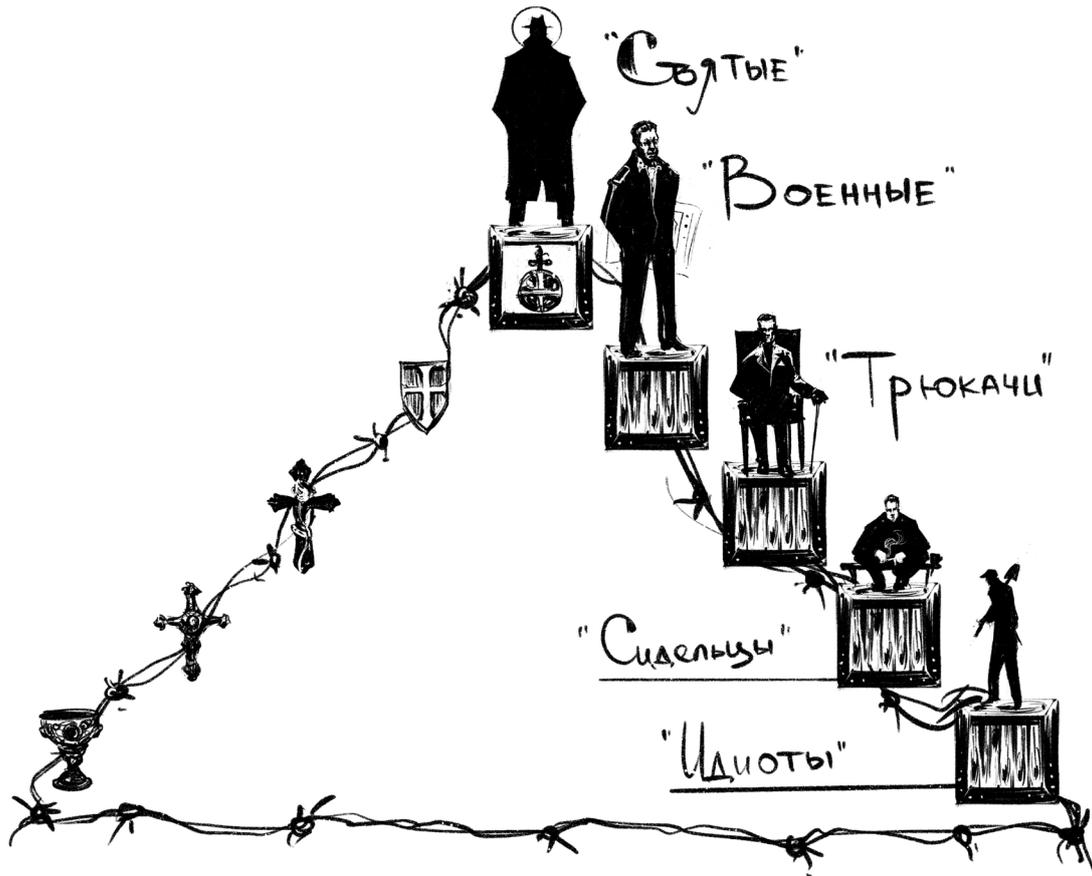
Сталин и Яковлев слушали учёного предельно внимательно. Он и продолжал доклад.

— Пару слов о четвёртом ящике или 4м уровне. Надо сказать, что я определял уровни не так как излагаю в рамках доклада. Прежде я классифицировал «идиотов» и работал с ними, затем определил четвёртую и третью группы лиц, и только потом вторую, тех самых сидельцев, о которых уже шла речь. Но тактически сложнее всего было работать именно с четвёртой выборкой. Я их назвал «одиночками». Одиночки — это военные. Эта категория самая поганая, если уж выражаться предельно откровенно. Почему? Да потому как эти люди уже прошли специальную подготовку. Мало того, военные — дисциплинированы. И эти дисциплинированнее и неглупые черты в тюрьме становились ещё хуже. То есть, они учились в самом прямом смысле этого слова. Люди военные — они же изначально образованные; и попав в криминальную среду задействовали уже существующий навык к самообучению. Они быстро учились глазами и ушами всему происходящему вовне. Мало того, что они прошли специальную подготовку, к примеру, закончили пехотное училище, умели обращаться с оружием, умели убивать, им не чужды была тактика, стратегия, планирование и прочее, так они ещё и умели быстро учиться, ориентируясь на ходу. И если у предыдущих групп криминального элемента никакой тактики не было — идиотам, сидельцам и авторитетам тактика — непрофильное и не ведущее, то на 4м уровне именно тактике отводится особая роль. Более того, военные — люди изначально специфичные психологически. И как мы понимаем, эти люди не склоны к совершению преступлений, их посадили в тюрьму по другим причинам. Но в тюрьме военные могут стать склонными к совершению преступления. Другая среда — другие правила и другие умения и новые, приобретённые в среде навыки. То, что дал анализ деятельности, психологии, уровня подготовки и умений военных, я определил в четвёртый ящик — этот ящик позволяет ориентироваться и конструировать на ходу, вырабатывая новую тактику, всякий раз непохожую ни на что прочее.

Товарищ Сталин понимающе кивнул, учёный продолжал:

— Безусловно, существует и пятый уровень в этой среде, пятая группа лиц,

отличные навыками и знаниями. Я их называю святыми. О чем идет речь? А это люди необыкновенные и по меркам криминального элемента — те, о которых легенды ходили. Говоря научным языком, они были и остаются трансцендентными для всех остальных. Их возможности и умения — за гранью постигаемого и анализируемого. То, на что обычно говорят «так не бывает», но «святые» могут. И этот пятый блок или ящик — это запредельное или «запредельный трансцендент», условно классифицировать можно так.

Далее Яковлев извлёк из портфеля небольшую тетрадь и раскрыл её перед товарищем Сталиным. Попов, обратив внимание на систему из 5 блоков, приступил ко второй части доклада.

— Итак, мы получили некую иерархию людей. То есть, если мы ящики перевернём и расположим ещё и вертикально, то есть подчеркнем и перевернем, таким образом получим некую иерархию и образованную этой иерархией систему координат.

Итак, в основании у нас располагаются идиоты, дальше сидельцы, авторитеты, военные, и на вершине — святые. Видите, да? И по сути своей, если мы рассмотрим более внимательно эту пятитактовую систему применим метод сравнительно-сопоставительного анализа с субстанцией Европейского мистицизма, получим уже известный нам измеритель: так называемую «Большую Ложу».

Соответственно, мы можем сказать, что прототип этой системы нам из истории известен, а потому мы могли бы переобозначить уровни, восстанавливая и описывая систему-предшественницу. Так, уровню «идиотов» соответствуют престолохранители, вот эти сидельцы — ранее в Европе именовались «рыцари небесного свода», авторитеты — это Роза и Крест, уровню военных соответствуют Рыцари Плаща и Кинжала, а святые — это Повелители Сердец. Перед нами, господа, самая настоящая рабочая система — и это предельно чёткая картина называется ОРДЕН.

Попов перевёл дыхание. Яковлев корректно прятал улыбку, а Сталин несколько недоумевающе смотрел на докладчика.

— Товарищ Сталин, перед нами — самая натуральная рабочая система, проверенная веками. И досконально известно всё: и как она организовывается, и как работает, и как регулируется. Это ОРДЕН. И эту систему можно внедрить для решения задач в свете грядущей войны. У нас сегодня всё для этого есть, а главное — есть люди.

Готовые люди, которым не надо азы объяснять, их среда уже научила и организовала, и среда эта — криминальная. То есть по сути, из уголовников, которые переполняют наши тюрьмы, можно организовать ОРДЕН.

— Эдакий «Рыцарский орден» из воров?

— Так точно, товарищ Сталин! Более того, повторюсь, сама рабочая система построена, она существует, а людей в этой системе нужно только организовать.

— И для этого нам потребуется ключ,— к разъяснению подключился Яковлев.— Понимаете, эта система, которую мой друг нарисовал и описал — она существует и для человека, и функционирует вне человека. И чтобы ею управлять, требуется КЛЮЧ, находящийся здесь, в центре — это идея. По сути я говорю об пяти уровнях развития человека, прохождение каждого из которых даёт новый статус власти и соответственно, другие возможности. Статус власти в обществе, статус тайной власти. То есть если человеку не хочется слыть всю жизнь идиотом, и нужно пройти вот этот очерченный путь до святого, то у него в наличии должны быть некие инструменты — те, что позволяют идти вверх. Как в альпинизме, к примеру: человек не сможет совершить восхождение без соответствующих инструментов, обмундирования, карты, знаний, силы, в конце концов.

— Соответственно, при внедрении системы ордена также требуются особые инструменты?

— Безусловно, товарищ Сталин, и вся прикладная наука для того — к нашим услугам,— ответил Попов.— Для решения задачи организации ордена из криминального элемента у нас уже есть рабочая методика и соответствующие инструменты, сейчас по результатам проведённых экспериментов я готов говорить о конкретном эффекте и сроках.

Сталин заинтересованно кивал, приглашая продолжать.

— Итак, исходя из европейского мистицизма, мы этих людей между собой отличаем по выведенной условной классификации, описанной здесь на измерителе справа. правой стороне, по ящикам.— Попов указывал на чертежи в тетради.

— Допустим, мне предстоит классифицировать человека «X». Анализируя его действия, я смотрю на ящик № 1, сравниваю его с идиотом и заключаю: «Да, это идиот». И так далее вверх. Теперь что бы добиться вот этого состояния «святой», требуется, на научной основе, последовательно заполнить ящик за ящиком, что бы положение уровня развития личности нашего «X» сменилось с идиота на святого.

То есть, мы просто заполняем ящик за ящиком.

— И сколько на это требуется времени? — задал вопрос Сталин.

— Экспериментально я вывел, что среднему человеку, чтобы заполнить ящик, нужно 12 дней. — Попов не останавливался:

— Соответственно всего потребуется 60 суток, чтобы человек прошёл весь путь, и из идиота стал святым. Сам он это сделать не сможет никогда, потому что не способен проделать всю ту исследовательскую работу, результаты которой я вам и представляю. Но если исследовательская работа уже завершена и, допустим, лежит на полке, значит, всё готово: мы можем вместо человека структурировать 5 ящиков и передать их ему. И на то 60ти суток вполне достаточно.

— Чтобы идиот превратился в святого — 60 дней по вами разработанной методике? — уточнил Сталин.

— Да, именно так. И самое сложное во всей системе — это подготовительная исследовательская работа; крайне затруднительно структурировать все, не допустить ошибки в нюансах и в деталях и тому подобное. И если такую исследовательскую работу могут проделать ученые, то методическую работу могут проделать инструктора, проблем никаких в том нет. И если написать учебник, например, на тему: «Как из «хорошо сделать плохо» и наоборот», — именно учебник о том, как стать в этой среде «святым», изменив соответствующим образом собственный уровень подготовки, то справиться можно за 2 месяца.

Сказать, что товарищ Сталин был поражён или удивлён — это ничего не сказать. Но когда Яковлев продолжил листать тетрадь и описывать результаты экспериментального применения методики, Сталин понял: то было сродни грому среди ясного неба. Попов кратко описывал эксперименты, в рамках которых они с исследовательской научной группой успели подготовить уже не один десяток людей. Особенно товарища Сталина удивила и убедила одновременно одна ситуация, очень интересная. Условно 1 мая было отобрано 12 человек. Согласно принципиально описанной методике, 2 месяца их учили, а затем обратно 1 июля возвращали в криминальную среду, в тюрьму. И они в кратчайшие сроки становились на глазах изумлённой публики первыми лицами. И Попов пояснял, что результаты, полученные в закрытом сообществе, экспериментальном подмосковном лагере, ничем не будут отличаться от экспериментов в гражданском обществе.

— В обществе тоже самое происходит, — говорил Попов. — То есть через 2 месяца человек начинает вырастать над другими людьми. За счет чего? За счет результатов. А результаты, они же красноречивые слов. Можно ничего не говорить и каждый день миллион рубле приносить и на стол руководства ставить. И шеф так привыкнет к миллиону в день, что вас никуда больше не отпустит.

— Мой друг несколько умалчивает широту и потенциал собственноручных открытий, товарищ Сталин. — это был Яковлев. — Эта система, выведенная из классификации криминальной среды, весьма многофункциональна. Она позволит в будущем ещё очень много чего создать — причём, в любой точке мира. Хотите — лучший НИИ, хотите — особенное религиозное движение, хотите — целую научную дисциплину. Всё, что угодно. Анализировать уже существующие мировые системы и создавать новые, да такие, что будут их многократно превосходить.

У товарища Сталина не было слов. Впрочем, ни Попову, ни Яковлеву слов и не требовалось.

Виктор Иванов читал на балконе газету и не заметил, как к нему подкрался сын.

«Опять чудят эти цифровые банды. Кейптаун, пожалуй, самое опасное место на земле — вот какой резонанс, по всем новостям трубят».

— Что пишут? — внимание отвлёк Макс.

— Да у 28х опять нескольких генералов повесили. А потом ещё гору неопознанных трупов обнаружили.

По недоумевающему выражению лица Макса, Виктор Маркович понял: нужна предыстория.

— Есть такая криминальная структура, я бы даже сказал самобытная среда, в Кейп Тауне, в Южной Африке, в которой орудуют три банды: 28е, 27е и 26е. Они потому так и называются «цифровые банды». Там у них отдельная внутри иерархия и роли, соответственно. Есть и генералы, и лорды — всё в иерархии в наличии. Но если брать механически, то механически это три уровня криминальной среды, три банды, и орудуют они не так, как у нас. У них 26-е это — уголовник, которые работают на улицах, мошенничество и обман — их конёк. 27-е — судьи и убийцы, а у 28х вообще две линии в банде — золотая и серебряная. Одни убивают, другие нет. Главное, все три банды совершают преступления, продают наркотики, грабят, убивают. И вот как раз в газетах пишут, да и утром по новостям передавали, что нашли гору трупов и трёх казнённых генералов из банды 28х.

— Расстреляли?

— Нет, Макс, там дело не в огнестреле. Пушки у них, конечно, тоже есть, но цифровые банды южноафриканские — это не то, что ты из блокбастеров привык видеть. Совершенно. То есть они плохо стреляют и очень хорошо управляют с ножом. Они могут выстрелить 2000 пуль и попасть один раз из 2000. Они безъяны. Стрелять не умеют, с огнестрельным оружием обращаться практически не умеют. В Кейптауне нередко всплывает умопомрачительная статистика: 1000 гильз и ранен один человек. Африканцы из цифровых банд они думают по-иному, у них логика чуждая нашей. Они когда стреляют, думают, что выбрасывают рукою пули из пистолета, они как бы выталкивают ее. Пистолет сам по себе выстрелить не может, по их логике, а потому надо обязательно помогать пуле, и пуля полетит, куда угодно. Зато с ножом они обращаются очень хорошо, стараются использовать нож вместо огнестрельного оружия, так как с ним обращаются плохо. И конечно все имеют огнестрельное оружие, но когда до дела доходит, и надо дело сделать, то лучше ножом. Тише. И вот эта куча трупов — их всех положили ножами.

Макс недоверчиво поглядел на отца, а тот продолжил:

— Нож — это тихая вещь. Вот представь: раздался выстрел — полиция уже на место преступления едет. А нож? ударил — и приплыли: и не видно и не слышно. Труп нашли потом и всё.

— Отец, это всё, конечно, понятно и даже любопытно, но... откуда ты это всё знаешь? И отчего у доктора математических наук такой интерес к ножам?

Виктор Маркович Иванов отшутился, попытавшись сменить тему. Но Макс решил не отступать и достать «туз из рукава».

— Я тут давеча у Семёна Павловича был, он мне всякие штуки рассказывал — и про нож, и про историю. И сказал, что мне полезно будет знать кое-что из твоей личной практики.

Виктор Маркович озадаченно глядел на сына.

— А практика у тебя, как я понял, появилась где-то примерно в мои же годы. Что это за перевоспитание было примерно в 35 лет?

Виктор Маркович рассмеялся, но ничего не сказал. Вот чего у Макса было не отнять — так это терпения. Ему не надоедало порой маяться даже над самой нужной и трудновыполнимой работой — а тут — он заранее знал, то осада крепости какого-то секрета отца — много времени не займёт. Однако вскоре Макс понял, что не все секреты этого мира он хотел бы знать.

Виктор Маркович смотрел сыну в глаза.

— Как это... сидел в тюрьме полтора года? За что? Ты же не уголовник! Учёный, преподаватель, исследователь... тебя-то за что в Советском союзе упрятали за решётку? — Макс прямо неистовствовал.

— За теоретизацию науки, сын. За то, что слишком увлёкся теорией, которая не давали никакого выхлопа, кроме изящных формул на доске. А задача-то у меня как у учёного, стояла другая. «Стране нужны паровозы и вагоны для них», помнишь это стихотворение? Весьма в духе того времени.

— и там в тюрьме... — Макс даже не знал, как сформулировать один вопрос из 1000 бурлящих слов.

— О, да там много чего произошло. Знаешь, я даже рад, что так вышло. Сначала, конечно, обидно было — такой удар по самолюбию. Потом даже и страшно-вато. Знаешь, в тюрьме быть и не знать про швайки, мойки и другие ножи — ну это невозможно. А потом, стоит один раз в эту среду погрузиться, так некоторые привычки — они на всю жизнь остаются.

Старший Иванов помолчал немного.

— Я вообще должен был три года отсидеть. Но спустя полтора года было сделано некое... предложение, я бы так сказал. Пройти некий курс повышения квалификации и по его завершении — экзамен. Курс длился 12 дней, потом я написал одну проектную работу и меня перевели в один НИИ в Томске, он закрылся в начале 90х. Вот там, в Томске, как ты знаешь, мы и познакомились с твоей мамой. Она там гостила у каких-друзей. Собственно, вот и вся история.

Макс явно не удовлетворил любопытство. У него уже зрела очередная череда вопросов.

— Так, а причём здесь твои увлечения ножом? И что за проект? А в НИИ в Томске ты чем занимался? И как вернулся в Киев?

— Слишком много вопросов кряду, — был ему ответ. — Понемногу расскажу, если сильно надо будет. И покажу. Ты тоже молодец, если уж на то пошло: не особо ты интересовался историей нашей семьи и моим прошлым, в том числе. А теперь — на, подавай всё сразу. Всему своё время.

Холодное утро понедельника. Григорий Попов по привычке раскладывал отчёты, только что полученные от научной группы. Механически делал что-то ещё, а сам был начисто погружён в мысли.

«Главное, что всё происходит быстро: за 12 дней подготовить человека к какому-то одному уровню — практика показывает, это работает. Ну, например, пара «идиотов» нужна. Пожалуйста, 12 дней и будет вам пара «идиотов». Если им уделят внимание, покажут 3 технических элемента. Допустим, нужны люди более солидные, серьёзные — им уже придётся систему объяснять, которая сама себя будет раскрывать впоследствии. Если требуется повысить квалификацию отдельно взятому человеку — еще 12 дней. 12 дней, это 2 недели, вообще ничего, даже месяца нет. То есть, выдернул группу 20 человек из подразделения, 12 дней с ними позанимался, отправил обратно в подразделение. По моим подсчётам, таким образом на потоке возможно подготовить бесконечное количество людей, ровно столько, сколько нужно. И качество подготовки будет крайне высокое. И надо отдать должное, мы с научной группой славно потрудились, это несколько лет дались нелегко. Зато субстанция — чему учить и как — досконально известна. Всё готово, апробировано, по десять раз экспериментально проверено. Идеальная система».

«Но есть и ещё кое-что, о чём я на докладе не рассказал, времени не хватит всё это пояснять. Прежде чем систему эту массово внедрять, требуется сделать еще один, очень важный ход. Схемы, измерители, пять ящиков — это конечно, прекрасно. И в плане перспективы, и в плане методического понимания принципов срабатывания системы. Однако же, ключевыми параметрами во всей этой системе являются техника, тактика и психофизиология. И когда мы говорим «тактика и психофизиология», в плане подготовки наших людей к выполнению военно-боевых

задач, требуется поставить тождество между психофизиологией и тактикой. Именно тождество.

Сколько бы мы людей не проверяли какие бы эксперименты ни ставили, всего есть только три конфигурации потенциального противника: высокий и худой, невысокий и худой, и нехудой человек среднего роста.

Одно дело — биться с двухметровым противником, у которого руки и ноги длинные, и совсем другое — с изворотливым противником, который кажется меньше и слабее тебя. А значит, раз типа противника только три, то и психофизиологически эти три типа требуют только три вида тактики. И это всё, что им нужно передавать при подготовке. Все неожиданности, лучшая темника и безотказность — это прекрасно, но тождество психофизиологии и тактики позволяют структурировать систему по-другому. Исходную субстанцию уже разработали учёные. Те, кто проходят подготовку, никаких ящиков не видят, да и вряд ли они их смогут воспринять. Они учатся другому: как сделать что-либо. То есть психофизиологию, определяющую тактику.

Обучаемым не нужны никакие первые или вторые ящики. Потому как эту работу за них уже проделали ученые, классифицировав три типа тела, их разновидности, особенности психофизиологии, и здесь все есть: других людей не надо, других не существует. И в конечном итоге получается, что требуется всего-то создать три блока. Даже не пять. И этот язык, и подход они поймут.»

Надо сказать, что Гейдельберг — это было уникальное место! 32 фехтовальных школы у тебя как на ладони; да это же просто клад для ученого. Простор бери, да и смотри со стороны. Представить сложно, какое количество технических элементов бродит по Гейдельбергу на протяжении 5ти лет, а ты просто сидишь в ресторанчике, в кабачке пиво пьешь, а тут дерутся на твоих глазах палками, руками, затупленными рапирами. По правде, человек, находящийся в Гейдельберге — тот ещё «сиделец». Да и дураков хватало в Гейдельберге всегда, «идиотов» приезжало — со всего света. Всякие вот это приёмчики, подкоцы, финты — сплошь внутренние тайны студенческих орденов. А свобода выбора какая? Хочешь — иди, вступи в ряды Итальянского военного хочешь — станешь частью Испанских рыцарского ордена, только «экзамен» своеобразный на фехтование сдай — и вперёд. Мало того, теперь я понимаю, почему нам с другом отец рекомендовал в Гейдельбергском университете идти по специализации исторического факультета, это же кладезь знаний мировых рыцарских орденов и так далее и тому подобное. Пожалуйста, здесь все сражения все собрано, библиотека, просто пестрит этим всем, святые всегда тут существовали в виде руководителей этих обществ. И все видели, как эти люди подымались на их глазах, становясь недостижимыми, трансцендентными.

60 дней? Это методика отлично подходит для чего угодно — хоть фехтуй, хоть химию учи, хоть в философии разбирайся. Например, Европейская философия нового времени — да это же очень просто. Давайте смотреть. Кто из Большой Пятерки описывает «идиота»? Да Юм конечно. Шаг номер один. Кто самый трансцендентный? Кант, конечно. Он и есть святой.

Система обучения — это Локк, именно он и описывает лучшую технику. Третий шаг: кто у нас был самый неожиданный из философов? Декарт. А самый «непонятый и универсальный», вообще не от мира сего? Спиноза. Вот и вся система. Юнг, Локк, Спиноза, Декарт, Кант. Опять пятёрка. Так, при желании и при наличии методики, очень быстро можно изучить философию Нового времени. Все остальные фигуры на философском небосклоне — либо оппоненты этой пятёрки, либо продолжатели дел ее славных. И что бы повышать квалификацию можно брать Канта — и от него идти к Шеллингу; брать учение Декарта — затем идти к Бекону, и так далее. Другими словами всегда существуют оппоненты и продолжатели идей Школы. Что в общей совокупности весьма быстро можно изучить, по 12 дней на каждого философа за 60 суток ты будешь знать всю философию, если. за тебя заранее субстанцию подготовят и распишут всё по методике. А так — дело за малым: 60 дней — и ты гений в той области, что близка сердцу. Хотя на самом деле, гений тот, кто создал систему, позволяющую учить людей быстро и качественно, всего-то в пределах двух месяцев. А теперь представьте, какой от неё был эффект накануне войны? Да эта система и её методикану была просто как манна небесная, которая на потоке и создала огромное число мастеров, умельцев, экспертов, ценных кадров, как военных, так и гражданских. Сама по себе система позволяет не только подготовить, но и отрегулировать уровень подготовки, что очень важно для государства. То есть я могу систему построить из 2х ящиков — это будет 24 дня, из 3х- будет 36 дней, из 4х будет 42 дня. В этом вся недолга: всё можно регулировать, дозировать. Зачем, например, «святые»? «Святым» несколько нужно. Чуть больше одиночек, ещё побольше авторитетов. Так и пирамида иерархии вырастает...

«А впрочем, достаточно на сегодня».

Семён Павлович захлопнул старую тетрадь и спрятал её в ящике рабочего стола, закрыв тот на ключ.

Produkte werden den Schutze des Publikums empfohlen
Lokalist nur für Se. Leute
31. VII - 2. VIII 1909

Schweya hat einen...
in dieser...
wegen...
Doch...
von...
Jahr...
2. 22. 1909
Klitzing G. 342

Valiv Tals (vom Kropfenzister)
Der Amant...
Doch bald...
Beide Saxo-Borussien
Sie werden von ihren...
Doch bald...
Sie öffnen...
Unglaublich...
Wenn wir...
Schw...
Ziel...
Ihne...
Der...
D...
2. 22. 1909
Klitzing G. 342

Wenn wir...
Schw...
Ziel...
Ihne...
Der...
D...
2. 22. 1909
Klitzing G. 342

Wenn wir...
Schw...
Ziel...
Ihne...
Der...
D...
2. 22. 1909
Klitzing G. 342

ГЛАВА 6 — ОРДЕН

МАФИЯ — ЭТО ОБРАЗ ЖИЗНИ ЮЖНОГО ИТАЛЬЯНЦА.
АНДРЕЙ БОРОВИЧКА

Макс уныло глядел в потолок. Уже середина августа, время тянулось медленно. За окном что-то цвело, и на это «что-то» у Макс была аллергия: он то неистово чихал, то вытирал слезящиеся глаза. Если бы не мамина настойка из каких-то дачных трав, пришлось бы туго. «Скоро будет два месяца как я тут, — думалось Макс, — пора бы уже и честь знать да решать, что дальше делать. Каникулы вечными быть не могут — так и просплю всё на свете. Вон, Семён Палыч — 70 лет в обед, и то, поактивнее меня будет... то на рыбалку поедет, то за каким-то журналом, недавно вообще пропал на неделю — говорит, монографию какую-то рецензирует страшно интересную. А мне дал «домашнее задание». Смешно представить: взрослый дядька, а задания на дом получаю... и ведь попробуй скажи «мне лень \ не хочу \ не понимаю, зачем мне это»... Как дурак, каждый день сижу в интернете, всё читаю разное по этим прототипам, архетипам, амальгамам, ибо Семён Павлович в его сугубо многозначительной манере изрёк, что пока я не получу первичное понятие об амальгаме, ему со мной говорить не о чем. Я, конечно, сначала удивился: зачем историку так занудилась амальгама? Потом отбросил мысли в сторону и купил книжку, почитал про разные сплавы ртути и металлов. Особенно круто было написано про космические всякие разработки. Никогда таким делом не увлекался, а тут, оказывается, столько всего изобрели... Пришёл к Палычу. Минут 30 ему рассказывал про применение амальгам в современной инженерии, а тот смотрел на меня, как на идиота последнего. Все полчаса зрел и слушал. А потом каааааак рассмеялся! Сказал, что я — «дурья башка» и что меня даже посылать куда-то бесполезно, так как я попросту потеряша. Я даже слова такого не слышал раньше: «потеряша»... детский сад, ей-Богу. А потом за три минуты в нескромных выражениях, буквально на пальцах, Семён Павлович, доктор исторических наук, объяснил, что пока голову не включу, изменений не будет. Сказал, я классику слабо знаю. И что изучать мне надо вообще-то устройство памяти человека и памяти мира (чёрт, ничего себе!), особенно некий раздел: «прототипологию» и его амальгамный метод. Амальгамный метод! Ох, и помучался же я, пока понял, что именно имелось в виду. Но на этом приключения только начались.

Итак, я нашёл одну статью, написанную простым научным языком.

... амальгамный метод предусматривает переплетение управляемой реальности с действительностью на основании уникальных свойств памяти человека, присущих прототипологическому блоку.

Это была статья одного украинского учёного, доктора философии Олега Мальцева об амальгамном методе, который позволял работать с каким-то прототипологическим боком памяти. Всё ещё смутно соображая, что этот «блок памяти» даёт, для начала я понял — это то, что нужно: Семён Палыч такой же терминологией пользовался.

Короче, нырнул я в эту амальгаму... переплетение реальности и действительности... нырнул и понял, что чем глубже погружаюсь в тему — тем интереснее

она становится и тем меньше я хочу обратно, на поверхность. В статье, буквально в самом её начале, было сказано:

«С одной стороны, амальгама — это игра, с другой стороны — это игра, которая и так существует. С иной стороны, говоря простым «человеческим языком» — это встраивание «кусков жизни» (фрагментов) в киноленту жизни, но таких фрагментов, которых не должно было существовать. Амальгама проживается человеком в полном смысле этого слова».

Говорите, «игра, которая и так существует?» Но почему же мы её в таком случае не осознаём, хотя и «проживаем»? Надо бы разобраться. Ну что, сыграем?

Товарищ Сталин оказался не только доволен, но как-то по-новому воодушевлён. Сказать, что ему пришлось по духу наша концепция создания Рыцарского Ордена из воров — это ничего не сказать. План разработан и одобрен, действовать требуется без промедления. Все бумаги, согласования и расшаркивания — уже этап пройденный. Дело — за реализацией и никак иначе. Но создать «орден» без амальгамы не получится, так уж устроено сегодня всё в мире, что структуры, аналогичные «ордену» и «церкви» не создаются без амальгамы. А в деле амальгамы Попову просто равных нет. Грег именно Гений, да что там говорить — у них это в крови, в таком-то семействе. Алексей Яковлев подписал очередной отчёт и отложил чернила в сторону. Что тут сказать: привычка писать чернильной ручкой у него ещё с университетских лет, с Гейдельберга. А «эта» ручка особенно была дорога Алексу как памятный подарок матери Грега.

— Что же такое «амальгама»? Знаешь, Макс, твой вопрос мне кое-что напомнил. Как-то раз Никола Тесла, который, как ты помнишь, всю жизнь изучал электричество, перед смертью спросил себя: «А что же такое электричество?» Да, тот самый Человек, который об электричестве знал больше всех в мире, задавался таким вот вопросом.

Знаешь, я уверен, что если бы здесь, с нами, оказался даже самый подготовленный и высоко компетентный академик, всю жизнь проработавший с механизмами памяти и амальгамами, он бы себя тоже спросил: «...что такое амальгама?»

Ностальгически улыбнувшись, Семён Павлович добавил:

— Пожалуй, если коротко говорить, получится следующее: амальгама — это некая эффективная прототипологическая форма содержания прототипологических блоков памяти. Давайте, многоуважаемый кандидат наук, пробовать разбираться.

Макс незаметно выдохнул. Это настроение Семёна Павловича говорило о том, что старик доволен и готов к длительной дискуссии.

— Философия — это амальгама или нет?

— Философия или амальгама? — эхом отозвался историк. — И да, и нет, одновременно.

— Это повесть, рассказ, может, литературное произведение? — Макс продолжал рассуждать вслух.

— И да, и нет одновременно.— Семён Павлович был непреклонен.

— Является ли амальгама какой-то особой субстанцией?

— И да, и нет.

Макс решил вопросов более не задавать.

— И всё же, давай подумаем вместе,— миролюбиво предложил историк.— В чем, по-твоему, характерная особенность амальгамы? Она работает, в отличие от всего остального. Это первый признак амальгамности. Гляди-ка, к примеру, философия юга Италии построена по принципу существующей там амальгамы. Амальгама там — это прототипологический взгляд на мир южного итальянца. Он по-другому на мир не смотрит, и не желает смотреть, что самое важное. Когда ты начинаешь на эту тему разговор, пущай даже с самым глупым человеком, живущим в Калабрии или на Сицилии, обычно тебе так отвечают: у нас об этом вслух не говорят. То есть, об амальгаме вслух не говорят. Вещь эта тайная и большинству непонятная.

Но если ты немного проникнешься этой жизнью юга Италии, и задашь вопрос правильно, а не так топорно, как ты обычно мне демонстрируешь, возможно, тебе даже расскажут несколько больше. Знаешь, такую себе историю короткую поведают, слушай:

«Если кто-то гуляет по берегу моря, он обязательно встречает вопрос о том, почему он один и почему он идёт по берегу моря. И к нему приходит ответ: потому что он не член Общества Чести».

Макс чуть не зажмурился, представляя себя бродящим по морскому берегу.

— Это и есть амальгама?

— Только пример направления мышления, эдакий код.

Семён Павлович продолжил:

— Давай дальше. В амальгаме, прежде всего, заложена идея, такая, которая по сути своей, влечёт всех, без исключения. Раз уж заговорили о Юге Италии, потолкуем и о его местном криминале: на этом примере лучше всего этот принцип понятен. Южноитальянский криминал объединяет, как нечто нерушимое и вечное, идея о том, что он самого высокого благородного происхождения. И это касается каждого уголовного тех краёв. Такая идея «благородного прошлого» греет душу каждого южного итальянца, даже самого бедного пройдоху, самого нищего крестьянина, самого бездарного лентяя. Хочешь знать, о чём они думают, что у них на уме? Да просто всё: они думают, что им живётся плохо только потому, что когда-то попали в эту ужасную страну Италию. Именно оказались на её территории. А раньше что? А раньше никакой Италии было, земли Аппенинского полуострова принадлежали Испанской империи, великой Испанской Империи, как тебя будут поправлять в Калабрии. Уголовники это знают похлеще современных историков: они и сами помнят, и детям передают: как раньше всё было хорошо, когда они были частью Испании. И такое мышление — оно традиционное, ещё с 1861 года. Я бы даже образно выразился, что Юг Италии — словно некий рассадник бесконечного сепаратизма, который присутствует в тех землях. А всё отчего? А потому как вечна и жива идея того, что криминал Италии имеет благородное происхождение. Запомнил, Макс? Отлично. Вот теперь, с этого момента, будь внимателен. Правда и суть амальгамы в том, что она не бывает лживой.

Семён Павлович намеренно сделал паузу, чтоб Макс получше запомнил его рассказ.

— Что такое амальгама? Это очевидно, но невероятно. Заметь: никто не поверит в то, что неочевидно. Но при этом, очевидное бывает и невероятным. Сейчас пример приведу — и ты всё усвоишь. Вот, Евангелие — это чистейшая амальгама. Какая идея в Евангелие самая главная? Многие, к слову, и не понимают в чём суть Евангелия. А проблема в том, что они его попросту не читали, хе-хе. Там есть ключевые главы, и эти главы описывают Нагорную проповедь Христа. И в ней, в этой проповеди, чётко описано всё, что недалёкая паства хочет услышать. Крестьянство в особенности хотело слышать и слушать, что нищие духом наследуют землю, как провозгласили в нагорной проповеди. Знать, что слабые наследуют землю. Они сами так думали, а потому и слышать хотели, что те, кому плохо, потом им будет хорошо и т.д. В Нагорной проповеди описано полностью, что смиренные овцы желают себе же в огромном, неисчерпаемом количестве. Да, Макс, крестьянство было организовано амальгамным принципом таким способом, чтобы большинство людей от него «тащилось» или как там это у вас называется. Заметь, в Евангелие не сказано: работайте с утра до ночи, вкалывайте, зарабатывайте деньги. Напротив! И разве это не классно: иди куда угодно и ничего не бери с собой, тебе всё даст Отец небесный. А теперь дешифруем подобное обещание и получим: всё произойдет автоматически, вам не надо напрягаться. Расслабьтесь и всё произойдет само по себе. Человек от этого тащится. А так как серой массы всегда больше, чем интеллектуалов, то религия масс торжествует численно. И даже если кто-то потягивает, что православное и католическое священство — негодяи и преступники...

НИЧЕГО НЕ МЕНЯЕТСЯ.

Да какая разница, православный батюшка или святой отец-католик? По сути, они ничем не отличаются друг от друга, они как родные братья, только католики поумнее наших будут. Они просто ничего лишнего не демонстрируют. Если католический священник на отдых ездит на любимом мерседесе, то на работу он приезжает на подбитом фольцвагене. Они поумнее наших, определённо, скромнее себя ведут. А наши — как дорвутся до кормушки — так и Майбах сразу покупают. Как по мне, тут та же ситуация, что и ограбить банк, а потом сесть в кафе напротив и начать жёстко пить, отмечая алкоголем ограбление. Наши всем должны показать, сколько у них денег. Всём должно быть всё видно. И завидно! А гомосексуализм и вообще преступления на любвеобильно-половой почве? Да для нынешнего православия, особенно его «жреческого корпуса» — это вообще, как визитная карточка. Сколько новостей и фактов вопиющих — да каждый день! И том, как католические «поводыри» вступают в половую связь с детьми, как занимаются педофилией, как сношаются друг с другом в конце концов. Однако, на предмет гордости своё «хобби» они не выставляют, стараются не демонстрировать напоказ. А у нас гомосексуализм — это главная амбиция православной церкви. Если просто даже подсчитать количество людей, изловленных за гомосексуализм в православной церкви за последнее время, ну, лет пять буквально последних, невольно ужаснёшься. Есть такиииии материалы, просто тошнотворные, не иначе. Выложены видео и аудио в интернет, где священники по 2 часа соблазняют своих же послушников и уговаривают с ними переспать. И это всё в Москве, в прекрасной столице да на глазах изумленной публики. Кстати, никто подобной гомосятины не публикует в Украине или в Беларуси. Тенденция такая процветает только в России. В Украине она, конечно, тоже есть, но настолько явно и даже нарочито стабильно не демонстрируется. А ещё, Макс, я никогда не забуду, как Кураев, будучи деканом философского факультета Московской духовной академии, заявлял во всеуслышание в Екатеринбурге, что священник мужеложествовать. Правящий Епископ, уже пожилой на тот момент, буквально бил посохом по полу и кричал, что не может, что Святоотеческое учение категорически против, а философ от религии говорил, что может. Вот такой вот «конфликт интересов». Видео, наверное, до сих пор есть, всё бродит по пространству бывшего Советского Союза. А потом что? А потом епископом стал Патриарх Кирилл, ранее в миру Владимир Гундяев. И конфликта, видимо, «больше нет»...

Семён Павлович несколько скривился, словно от горечи. И буквально через пару минут продолжил:

— По сути, когда мы говорим об амальгаме, мы понимаем, что это всегда правда, пускай она и невероятна, впрочем, самое главное, что она востребована. Вот недаром тебя так зацепили Стругацкие и их «Пикник» и «Машина желаний». Научно-фантастическое произведение — это самая близкая к амальгаме вещь. Но это не значит, Макс, что всякий науч-поп роман или повесть — сразу непременно амальгама. Более того, амальгама бывает 4 видов: исследовательская, обучающая, реализационная и управленческая. Но об этом мы с тобой позже будем говорить. Ты же пока подумай, с каким амальгамами с детства знаком. Пару примеров вот я тебе привёл, ты сам маленько почитал, ума-разума набрался. Теперь практикуйся в наблюдениях.

Если бы не Алекс, который буквально ввалился в его кабинет, Григорий Попов и не сообразил бы, что уже ровно как сутки сидит на одном месте и бьётся над задачей прототипа. Яковлев окинул друга быстрым взглядом, понял, на какой интеллектуальной дистанции тот находится и вышел на пару минут. По его вторичном возвращении, в кабинет откуда-то уже несли свежий чай и тугие ароматные пироги.

— Сильно сомневаюсь, что тебя прельщают объятия Академии Генерального штаба, Грег, — в шутливой манере начал он.

— Есть вопрос без ответа, Алекс. Не могу спать спокойно, вообще не могу ничего, пока не разберу, что к чему, verdammt!

— Которые сутки ты уже... да и над чем, собственно, бьёшься?

— Кого они выставят в качестве лидера.

Яковлев молчаливо сел напротив друга.

— Что это будет за прототип? Склоняюсь к мысли, что Наполеон. Типа как Великий Бонапарт, только на манер 20 века, по-прежнему объединяющий новую империю, ка и положено Бонапарту. Впрочем, это вторично. Мне нужен, в первую очередь, прототип, для нас, для нашей армии, для нашего рыцарского ордена.

«Как я и думал, Грег работает над амальгамой», — мысленно заключил Яковлев, вслух же он сказал:

— Полагаю, с Бонапартом ты не промахнулся, Грег. Прототипология — твоя специализация, а «они» ничего нового придумать не смогут, действовать будут уже известным методом.

Помолчав, он продолжил:

— Думаю, далеко, сильно в глубь истории идти не стоит. Нужен такой «герой», который всем известен, воитель и новатор одновременно. Такой, чтоб был понятен — и не нам с тобой, а им.

— Вот над этим и размышляю... — ответил ему Грег.

Тишина бывает разная. Неловкая, траурная, опасная, ужасающая, такая, что не жди ничего хорошего. А бывает тишина иная — торжественная. Такая, что тебе хочется быть частью этой тишины, словно так непременно становишься частью чего-то великого.

— Вы — особенные.

Повисла тишина. Та самая...

Первый раз в своей жизни эти уголовники, угрюмо сидевшие прежде, не понимая, зачем их вызвал «кто-то высший», услышали, что они особенные. Глазами Попова это были, конечно, одиночки. Собрать всех уголовников, пускай даже и в том самом экспериментальном лагере, где его уже «каждый пёс узнавал и по шагам, и по запаху», он не стал. Он решил действовать выборочно. Беседовать отдельно с нужным из авторитетов и «одиночками». Сажать перед собой и доносить идею. Так он посадил перед собой, одного, второго, третьего и простым, короткими беседами говорил м то, что он не ожидал услышать. И от чего не смогли бы отказаться никогда в своей жизни.

— Вы особенные,— повторил Григорий Попов.— Вы потомки древних дворянских родов Имперской России. Это Петр I посадил ваших предков в тюрьмы, но суть ваша и истотность от этого не меняются. Ваша кровь, ваши корни, ваше наследие — я считаю, вы должны это помнить и никогда не забывать.

Как Попов и рассчитывал, на первом этапе этого оказалось достаточно. Вы вдели когда-нибудь, как образуется смерч? Всё начинается обыкновенно с небольшого кучевого облачка. А у Попова в распоряжении не облако было — а самая настоящая туча, буквально скопление криминальной массы. И стоило «идее» Попова попасть в это облачное скопление, как она моментально пробила в ней брешь и моментально образовала растущую воронку. А дальше — хуже, чем в сказке: росло облако не по дням, и даже не часам, ибо великая идея раскручивалась в этой среде обездоленных и ущемлённых с огромной турбулентностью. Через какие-то 24 часа в лагере уже все по-другому смотрели даже на Сталина. На товарища Сталина, если быть точным. Замайочили неоднозначные такие разговоры, что, дескать, Сталин — это спаситель, наказавший этих гнид Романовых, томивших их предков в кутузках, да умерщвлявших на каторгах... за что? Да просто так, из любви к искусству. А так как добрая половина уголовников были евреями, причём воры в законе вообще практически все были евреями, то все помнили, как долго длилась война Романовых и евреев и как она закончилась расстрелом в доме инженера Ипатьева.

Резонанс людей, чья память разразилась огнём, было не остановить. И как только Попов в этом убедился, он перешёл к следующему шагу. Теперь уже разговор был иного рода:

— Эта власть посадила вас в тюрьму, и я так полагаю, небезосновательно. Однако, я этой власти не служу. Я вообще не принадлежу этим местам, сам я родом издалека. Важно другое: представьте себе, что вы можете изменить свою судьбу. Да, сегодня вы уголовники, так вас называют, но я вам предлагаю вспомнить, кто вы. Вы — потомки дворянских родов. А значит, вам необязательно продолжать жить как криминал, как преступники, которыми вы являетесь для этого государства, для СССР. Знаете, почему? Потому что существует альтернатива — орден. Служите ордену, не служите СССР. Попова было не остановить. Они слушали его и знали, что он говорит правду. И что они — часть этой правды из плоти и крови.

— Я готов расконвоить вас и вернуть долженствующие вам звания. Тем, у кого их не было — присвоить соответствующие звания, офицерские. И готов полностью изменить жизнь каждого, кто станет членом ордена.

— Что вас ждёт впереди? То же, что и всех нас — война. Но в этой войне, если вы не принадлежите ордену — для вас — это конец. Вы погибнете, никому до вас и дела не будет, и ваши имена как были неизвестными, таковыми и останутся. На войне есть только один способ остаться в живых — и это уметь воевать. И я готов научить вас воевать, я готов сделать всё, чтобы у вас были бОльшие шансы остаться в живых. Подумайте над этим.

«...особенные ... потомки дворянских родов... можно не служить этому государству ... я могу служить ордену... Я умру иначе... в грядущей бойне не выживет никто» — именно такие мысли эхом отзывались в мыслях каждого, к кому обратился Григорий Семёнович Попов.

И так в СССР возникало «государство в государстве», причём с прямого на то благословения товарища Сталина. Мало воодушевить людей, мало их объединить. Нужна особая стратегическая концепция — некий ключ, который не даст этому резонансу угаснуть ни на секунду... Ключ, который будет, словно механизм под-завода, поддерживать огонь в сердце каждого в ордене, в какой бы критической или опасной ситуации тот ни оказался. И этот «ключ» был девиз. Учёный Попов определённо знал тот самый девиз, легендарный девиз, который слыл уже не один век. И это был отзвук немецкого девиза ордена Розенкрейцеров, что на русском дословно звучал так: «Нужно спасти тех, кого еще можно спасти и наказать тех, кого еще можно наказать.» С одиночками Попов далее беседовал тет-а-тет, поясняя суть этой стратегической концепции, выраженной в девизе.

— Придите в орден, займите положенные властные должности и спасите тех, кого еще можно спасти, таких же, как вы, и накажите всех, кого еще можно наказать, ежели они того заслужили.

Ни разу ещё его слова не были встречены с таким энтузиазмом. Всеобщее одобрение — реакция была именно такова. А далее Григорий Попов продолжал. Он рассказал о неких людях, в общем-то всегда существовавших в истории, — тех самых «игроков чужими судьбами», которые не первый год строили определённые планы, намереваясь поступить, скажем так, несправедливо. К тому времени Попов знал, каково отношение к справедливости у тех, кто не один десяток лет сидит в тюрьме. Оно у них воспалённо обострённое, не иначе.

— Борьба с этими «игроками» и есть ваша главная обязанность. Тех, кто совершает несправедливые поступки, требуется наказать. И ордену не стоит чего-либо опасаться, поскольку я каждого из вас сделаю неприкасаемым. Вас и пальцем никто не тронет, не посмеет. Более никаких репрессий и лагерей, что возможно только в одном единственном случае: ежели вы будите преданно служить ордену.

Стоит ли говорить, что после всего сказанного и произошедшего никто и не собирался ничего предпринимать против Советского Союза. Попов практически реализовал, как казалось на первый взгляд, невозможное. Григорий Семёнович дал слово и сдержал его.

— Я дам вам все. Взамен — только одно: преданность. Я сделаю из вас непобедимых воинов. Помните: сегодня вы стоите на перепутье, и у вас есть действительная возможность изменить собственную судьбу навсегда. И впоследствии, пройдя все испытания войны, если захотите, вы сможете обрести власть — как в СССР или в странах Европе, так и во всем мире.

И каждый понимал, что это означало лично для него. Это была не просто какая-то очередная беспросветная муть или пустые обещания, но совершенно чёткая перспектива.

— Вы сможете создать Царство совести, Царство справедливости, потому что вы — Орден. Теперь власть в ваших руках, и вы решаете, как этому миру далее возвращаться и по какому пути ступать. Вы можете сделать мир таким, каким считаете нужным. И знаете, почему? Потому как «Хорошо» сделать для всего мира — невозможно. Это нереально. Но создать «хорошую», достойную жизнь для некоего числа людей, для определенной организации — это возможно, и что самое главное, я это могу сделать.

Попов продолжал:

— Вы будете жить не так, как все остальные люди. Вы сможете жить в другом мире, однако, при этом от вас требуются преданность и результативность. Да, конечно, вы можете закрыть глаза и уши на то, что я вам говорю и посчитать, что ничего и не было вовсе. Вы можете возложить свою голову на алтарь уголовной традиции, а затем сидеть и умирать с голоду в лагере, до которого и дела не будет в войну. Впрочем, равным образом вы можете и поменять свою жизнь. Вы станете жить независимо и не так, как все. Вы будете привилегированным классом в этом обществе. Кому Попов это всё говорил? Конечно же, не обычным уголовникам, о незаконно осужденным офицерам Красной армии, осужденным сотрудникам ОГПУ, а затем и НКВД и не только. Тех, кого зажигал огонь справедливости, а не звон двадцати монеток зазевавшегося соседа. Прежде всего он вытянул их всех, как костяк на себя. А что произошло потом, можно было бы сравнить с цепной реакцией или вирусным заражением. «Одиночки» начали передавать услышанное авторитетам тем, кому доверяли. Они — другим ворам и всем, кто был в том специальном «экспериментальном» лагере. В итоге, прошло менее года, как эти идеи просто поглотили всех находившихся в лагере, каждого его обитателя, каждого уголовника. «Человек верит в светлое будущее, хотим мы этого или нет. Человеку хочется верить, что все будет хорошо, рано или поздно. И я знаю, о чём толкую. Тем, кто меня услышит, после войны действительно будет достойно. Не в раю, как иные обещают... нет, на земле нашей». Так учёный, а в будущем академик, доктор военных наук, Григорий Семёнович Попов возродил в России «Братство Дамоклового меча». Именно дамоклов меч стал символом этого негласного российского ордена.

И эта концепция настолько проникла во все слои и классы общества, что даже общевоинскую присягу в СССР оказалась видоизменённой. Последними словами стали «...если я нарушу эту клятву, то пусть меня постигнет суровая кара советского народа». Дамоклов меч стал символом этого ордена, который создан по образу и подобию Розенкрейцерского рыцарского ордена, который за время существования доказал, что он может сражаться против кого угодно, пускай даже пол-Европы объединится, а он останется один.

Попов как никто другой понимал, что прочие люди ему не подходили. Они не были плохими или хорошими. Чаще всего они были попросту полнейшими идиотами. А ведь как известно, хуже пламенных на войне нет. На войне требуется умение воевать, а не кричать лозунги. И потому та организация, которую рукотворно создал Попов, выгодно отличалась от всех остальных. И Сталин знал точно: этим людям, подготовленным Поповым, он мог поручить любую задачу, вне зависимости от того, где территориально ее потребуется решить. Он знал, что задача будет решена до точки и с блеском, что ему и демонстрировали неоднократно. Товарищ Сталин был в восторге. Собственный Рыцарский орден, о котором не знал никто — чего ещё желать.

Семён Павлович уверенно вёл беседу, словно читал лекцию в университете Кембриджа для аудитории не менее ста человек. Однако перед ним сидел только Максим Иванов, буквально внимая каждому его слову.

— Так вот, если Гитлер создал СС публично, то в Советском союзе существовавший орден действовал исключительно тайно, так сказать, внутри государства. И в этот орден входили самые разные люди: от высокопоставленных сотрудников НКВД и ГРУ, которых отправили за решётку, как неугодных, до самых простых осужденных офицеров и лейтенантов. По сути, внутри государства возникло другое государство. И в нём каждый был на своем месте. И товарищ Сталин лично всячески потворствовал и созданию, и формированию ордена, потому как по замыслу этот орден, расширяясь, незримо поглощал весь Союз. И как н крути, всегда оказывалось так, что добросовестные и добропорядочные люди рано или поздно становились членами этого ордена. А в ордене изначально был заложен двойной контроль: и тайный, и явный. С одной стороны, их контролировала партия, а с другой стороны — руководство ордена и сам орден. Члены попадали в две плоскости контроля и из этих плоскостей выхода не было, о чём сообщалось заранее. Вот и получалась забавная картина: на людях они были вынуждены вести себя как пламенные коммунисты, а в мыслях или же один на один, они вели себя, как члены ордена. Третьего не дано — так и дурь в голову не лезла. Сколь не хотели никого предать, то и было у них всё хорошо. Никто не болтал. И что это за люди были, Макс, какие люди... Они становились личными примерами, эталонами для всех. Многие возвращались из мест заключения, и на потоке в специальном центре в отдельном НИИ проходили спец подготовку, становясь инструкторами, офицерами разведки, НКВД или же сотрудниками прочих специальных подразделений. А потом что? Эти обученные люди, не побоюсь сказать, среди них было мноооого уважаемых учёных; так вот они пошли в войска, в спецназ, продолжая обучать кадры и там, равно как и подбирая новых людей в орден. По сути, вся войсковая разведка, вся армейская разведка, весь главк разведки, все, что существует в НКВД, пронизано этим орденом. За 10 лет он проник всюду...

По сути, это была самая настоящая мафия, Макс, а не картинки в комиксе, это был легендарный орден святого Сантьяго. Рыцари такого ордена — профессиональные военные, которые способны воевать с любым противником. Война их — тайная, неаявная. Они не стали воевать на полях сражения. Они воевали по-другому, в тылу противника, на его территории, в Берлине, в Европе и т.д. За 10 лет эти люди получили такую подготовку, которую сегодня ни одна армия в мире даже вообразить не в силах, во как!

Семён Павлович отхлебнул чаю и продолжил:

— А Сталин что? Да эта банда буквально находилась у него на пульте ручного управления. Сталин просто вызывал кого надо и ставил задачи. Сталин только отдавал распоряжения, а реализовывал и выполняли всё Орден. По сути, Глава Ордена и его люди. А на поверку эти люди стали героями Советского Союза, получили ордена, медали, уважение, признание и статусы в обществе. А почему всё получили? Да потому, Макс, что эти люди добивались результатов в отличии от «пламенных». Пламенные — это те, кто лозунги кричал и грудью хотел советскую родину отстоять, а не навыками. Над «пламенными» возвышались другие люди,

которые словно на дрожжах росли вверх по карьерной лестнице, а «пламенные», ну... как были на одном уровне, так там и оставались, продолжая орать свои баснословные лозунги. И эти люди понимали, что что-то здесь не так, что они вроде члены партии, а внимания им нет. Они начинали искать ходы, как им тоже куда-то туда попасть или пролезть. И некоторым, достойным, конечно же, предоставляли такую возможность, перековывая их под орден. Безусловно, появлялись периодически люди, которые старались этой организации внутри СССР противостоять. Они начинали жаловаться в «соответствующие партийные органы», сообщая о том, что на территории СССР действует, как им кажется, какая-то империалистическая группировка, что проникла во все, во всееее эшелоны власти, и что её срочно необходимо ликвидировать. Однако, по какому-то волшебному стечению обстоятельств, эти люди сразу объявлялись врагами народа и без суда и следствия немедленно отбывали в лагерь, где их ожидало соответствующее наказание. Любая попытка жаловаться заканчивалась одинаково: осуждением до 10 лет по статье «враг народа». «Пламенные» трезвели и начинали понимать, что пора бы им перестраиваться, потому как в лагерь, на глазах «уехало» уже огромное число людей. Как говорится, незаконно, без суда и следствия — были да сплыли, оказались репрессированы...

Пламенные были вынуждены идти на поклон к этой странной негласной организации, при этом, орден расширялся и набирал обороты. К 39-му году, он фактически составлял до 55% действующей армии и процентов на 70 — офицеров действующих спец служб.

По сути, когда началась война в 41-м году, когда Гитлер начал наступать, армия, которая на тот момент существовала, бежала к Москве, не оказывая гитлеровцам никакого сопротивления. И если где-то местечково и возникала какая-то система сопротивления, то она быстро немцами подавлялась, а сами немцы с огромной скоростью продвигались на территорию страны. Обрати внимание, Макс, что Сталин, как сегодня описывают «кошунственным образом», не реагировал на это. Казалось бы, он должен был кричать, вопить или хотя бы вдохновлять, заставлять, требовать и т.д., ведь враг идёт и враг не дремлет, но неееет. Он прекрасно понимал: то, что делал Гитлер — безуспешно и что в школе на занятиях по тактике Адольфу маячила нещадная двойка. Да так действовать ...это ж означало одно: «Я хочу стать трупом, помогите мне в этом поскорее!» Посуди сам: разбить собственную нерезиновую армию аж на 3 вектора и атаковать с трёх сторон сразу, словно разжатым кулаком — это, может и любопытно, но одновременно это ещё означает, что ты армию ослабляешь так же в 3 раза. Вот за что двойка на тактике. Вектора должны сходиться в одну точку, а у Гитлера наблюдаем что — расходящиеся вектора. Сталин понимал, что враги скоро выдохнутся. Гитлер же повторил подвиг Наполеона Бонапарта. Памятный, но безуспешный... Изначально же было понятно: Россия не сопоставима размерами с Германией, она намного больше. И даже взятие Москвы, по сути ничего не решило бы. К слову, Отто фон Бисмарк, замечательнейший человек, воистину великий, ранее писал в своих трудах, что Россию победить невозможно, потому что она имеет 2 сердца. Вы можете ударить и остановить одно сердце, но не прельщайтесь, ибо всё равно будет биться второе. Макс, я честно не знаю, кто там консультировал Гитлера, но Бисмарка они не читали определённо. То, что делал Гитлер — это идиотизм. Погляди только: в конце 1941 года Адольф Гитлер походил уже всеми своими фигурами по военной шахматной доске, а Сталин еще даже не начинал.

Семён Павлович пребывал в родной стихии... Сейчас его бы и поезд не остановил, и явление пришельцев межгалактических. Он продолжал поучать Макса, раскладывая перед ним старую карту советских ещё времён. Главный «сюрприз» Гитлера поджидал в Подмоскovie. И так, когда он максимально растянул армию во все стороны, достиг пика рычага протяжённости, ровно в этот момент времени немцы потерпели сокрушительное поражение. Как писали очевидцы, «...главную роль в этом поражении сыграла диверсионно-разведывательная работа войсковой разведки и армейской разведки. Они добились образования трёх котлов под Москвой, после чего крайне быстро тылы немцев были перебиты». У немцев не осталось возможности даже получать боеприпасы. Им бросали, конечно, с самолетов продукты, медикаменты, еду и т.д. Однако же, в мизерных, недостаточных количествах — а на большее рассчитывать не приходилось. Дальше, как и планировал Сталин, началась позиционная война. Немцы откатились и принялись выстраивать оборону. Это они сделали зря, ой зря. Как показала жизнь, оборона им не помогла: на все 100% включились диверсионно-разведывательные подразделения, вследствие чего немцы на протяжении четырёх лет только тем и занимались, что разбирались с партизанскими отрядами. У них даже на собственной территории творился ад, не то, что на оккупированной. Впрочем, товарищу Сталину и этого казалось мало, он словно не унимался и продолжал преподносить сюрпризы, пока не превратил группу армии Гитлера в смесь наподобие склизкой каши из детской песочницы.

Никакие солдаты не могут воевать без еды и боеприпасов. Воздухом не наешься, и из пальца не постреляешь. К тому времени группа армии «юг» и «север» попали в очень неприятное положение. Во-первых, они уперлись в серьезные водные преграды, такие как Волга и Днепр, и форсирование этих водных преград было оказалось для слабеющей армии сложной задачей. При том, учти Макс, ты в наступлении, а не в обороне.

Семён Павлович показывал на карте пртенциальное распределение военных сил.

— Победа в Сталинграде многим казалась случайной, но для любого военного человека это абсолютно логично, — далее говорил историк. — Я сейчас опишу тебе примерно, что там происходило. Представь себе, что ты находишься, скажем, в Гейдельберге, оттуда на танке устремляешься из Гейдельберга да напрямик к Волге. Ты представляешь хоть, сколько времени тебе на это понадобится, чтоб туда пройти? Как ты при этом устанешь? Более того, и дураку понятно: Волга не маленькая и ее требуется форсировать под прицельным огнем артиллерии, минометов и авиации. Так это протяжённая водная артерия, естественная преграда. А что говорить про целый город? Хорошо укрепленный город, превращенный в крепость. Допустим, враг даже имеет подавляющее преимущество в воздухе. Всё равно — взять такой город силой — задача сложная. Это не открытая местность, где можно бомбить людей беспрепятственно. Повторюсь: Сталинград был превращен в крепость, там бились за каждый дом. Пройти этот лабиринт, этот оборонительный оплот, даже с передовой на тот момент техникой было практически невозможно. Технику пришлось оставить ждать на том берегу. А то, что успели каким-то чудом переправить, жгли сразу же на улицах города гранатами и бутылками с коктейлем Молотова. Разве это победа? Нет, это трата ресурсов, причём и человеческих, в том числе. Единственное, где немцы действительно добились немалых успехов, это в разрезе действий групп армии «юг», которые дошли до моря и уперлись в водную стену.

Дальше ведь идти было некуда. И что от этого Сталину? Снова-таки, ничего.

Пускай немцы захватили Севастополь, Одессу и что? Ничего. Данные территории находились по-прежнему вдалеке от сердца, в стороне. А тем временем, несмотря на победы, теперь требовалось разворачиваться и идти помогать группе армии «центр». По сути, они понесли катастрофические потери просто для того, чтобы упереться в море, а теперь надо было разворачиваться и усталыми, измождёнными войсками обратно тащиться к группе армии «центр». Но пока они возвращались, от группы армии «центр» уже осталась буквально треть! И стоило группе армии «юг» выдвинуться, дабы вернуться в полном составе и соединиться с армией группы «центр», как Гитлер придумал новую тему, которая «никого не ставила равнодушным». Он заявил, что группе армии «юг» не нужно возвращаться, потому что Севастополь — это важная стратегическая величина. В итоге, Глава Третьего Рейха бросил группу армии «центр» на съедение Красной армии, в прямом смысле этой метафоры. В конце концов мы получили серию котлов, а германские войска просто развернулись и побежали в сторону немецкой границы. Если свести это все в примитив, то откровенно говоря, последней битвой стала «Курская дуга», куда господин Гитлер и бросил все силы, которые у него остались, но... этого оказалось недостаточно. Он снова потерпел поражение, и операция обернулась для него очередным котлом.

Семён Павлович перевёл дыхание.

— Дальше был 43 год, и одним словом его можно охарактеризовать так: тупик. И кому мы обязаны страшным сюрпризом, разразившимся для Гитлера и его офицерского состава, боюсь, сегодня никто так и не узнает. Кто нашёл, подготовил и породил на свет такого терминатора как Кузнецов — не знает никто, кроме господ Бога. Я скажу так: один только Кузнецов застрелил 52 генерала. Он хотел и Гауляйтера убить заодно, но, видимо, этого не требовалось в тот момент времени. Мало того, этот наглец расхаживал по Виннице и Ровно в немецкой военной форме с документами на имя Пауля Кригера, издевался над комендатурой и Гестапо, да мало ли что ещё! Ты представляешь, что происходило в те годы? Убивали одного за другим, генерала за генералом...

Я прямо как картины из калейдоскопа вижу: Мюллер нещадно орёт из Берлина в трубку: что у вас там происходит? Приезжают немецкие комиссии..., и неважно, сколько их там собирается, в ставке Гитлера, в этом волчьем логове: Кузнецов продолжает убивать генералов. Каждый его выстрел — всё равно что рубец на сердце для немцев. И это только один человек. Манштейн и Пауэльс тоже оказались захвачены в плен... Да что там говорить: генералитет немцев оказался либо пленен, либо убит. И командовать стало просто некому. Бывшие немецкие офицеры, пропавшие без вести, не канули в Лету и не оказались на дне колодцев. Нет, они преподавали в Московской академии генерального штаба. Розовенькие и целёхонькие. При погонах и воинских регалиях. Мало кто знает, но к слову, Сталин разрешил немецкому генералу-фельдмаршалу Манштейну преподавать в академии прямо в немецкой форме, чем тот и занимался. Сталин не решил его погон и званий. И Манштейн читал на немецком языке лекции для Советской академии Генерального штаба. Вот тебе и реальный пример, Макс: человека взяли в плен, перековали и отправили преподавать. Сталин, может, и хотел его расстрелять по первой, но умные люди рядом оказались и не дал этому случиться. Что Манштейн, что Пауэльс — были прекрасными генералами. Зачем их уничтожать, когда они могли бы пригодиться?

И действительно, впоследствии Манштейн выступал на Нюрнбергском процессе в качестве свидетеля, осуждая нацистский режим герра Адольфа Гитлера.

Знаешь, Макс, то был не единичный случай, но массовый. Эти подготовленные и закалённые в недрах ордена люди, действуя совсем иными методами, не свистом пуль над головой, всех, кого надо было, перетянули на свою сторону. То что Германия была наводнена спецназом и агентами резидентуры — то и сегодня не секрет. То, что вся имперская канцелярия состояла из одних стукачей и предателей — это факт железобетонный. Гитлер только вслух тихонько размышлял, а Сталин уже в Москве всё знал. Гитлер только собирался что-то предпринимать, как Сталин ему устраивал новую нездоровую канитель. Кто бы там всем за занавесом ни заправлял, а тайную войну в чистую выиграла. Они переиграли и Абвер, и Гестапо... И если в начале войны эти службы работали очень слаженно, то уже к 42 году Канарис полностью себя дискредитировал в лице Гитлера! Да, Гитлер возненавидел Канариса и в конце концов его расстрелял. Представляешь, это ж ведь был начальник военной разведки. Но капля за каплей камень точит — и вот силами резидентуры ордена добились того, что Канариса расстреляли. Кстати, герр Мюллер оказался самым умным из всех, недаром же всё-таки Баварец; так вот, он «выпил пива» и решил, что пора дуть на запад, после чего, приняв это радужное решение, он укатил в Америку, где и умер в звании генерала ЦРУ. Все притворяются, что, мол, этого не знают, но факт остаётся фактом.

А есть вот и другой пример. Группен фюрер фон Браун, слышал? Был начальником космической отрасли в США... А ведь Нюрнбергский процесс плачет по нему горячими слезами! Его место на виселице, не иначе. Это же он стрелял по Лондону ракетами, убивая мирных жителей, а в итоге ему звание дали в НАСА, в США. Американцы вообще к таким оплошностям истории относятся весьма специфически. То есть, если им выгодно «сотрудничать с человеком», то он не совсем группен фюрер. Он же инженер и ракетостроитель, он в никого не убивал, в лагерях смерти никого не пытал. И что немаловажно, Британия-то молчит. Молчит, но говядину Черчиллю многого не прощает... Видимо, и по причине сотрудничества с нацистами, в том числе.

Был уже, наверное, второй час ночи, но ни Макс, ни Семён Палыч этого не замечали. Историк всё говорил:

— Без своего научного корпуса, без подготовленных и преданных людей, Сталин не вышел бы победителем из этого противостояния. Мы бы не одержали победу над Гитлером и его армией. Да, эта война продлилась бы вероятно, ещё лет десять, а советский народ возможно каким-то героическим невероятным способом выстоял... но победа за 4 года в такой войне, где весь мир, а не только Европа, оказался словно в адской воронке — это совсем другой сказ.

Да, война на территории Советского Союза шла 2,5 года, все остальное время мы воевали на территории западной Европы, даже в Азии сражались, в Японии. 2,5 года — то очень маленький срок, ещё и для таких армий... можно только позавидовать. Более того, Сталин завершил войну, сформировав плеяду выдающихся полководцев, которые были очень хорошо подготовлены и с тактической, и с прочих точек зрения. Здесь требуется отдать должное товарищу Сталину, по причине того, что он уделял воспитанию своих полководцев краеугольное внимание. Сталин вообще многими занимался этими вопросами сам. Ни для кого не секрет, что перед войной состоялась крупная военная игра, в которой Голиков играл за Сталина,

а Жуков — за Гитлера. Сценарий этой большой игры впоследствии и повторился: Жуков проиграл Голикову военную игру. Сам же сценарий рассматривался многократно. Сталин хотел начать первым войну, действительно, были и такие планы, и неправда, что война для него началась неожиданно. То, что погибло огромное количество советских людей — это правда, но это война, и ничего с тем не поделаешь. Гитлер начал раньше Сталина, но Сталин и рассчитывал начинать биться несколько позже. Он думал еще перестроить определенные элементы в армии, а на то требовалось время. Гитлер же, к слову, не был готов к войне, и это все знали. У Гитлера не было ни топлива, ни фуража, ни медицины для войны — по факту ничего на 100% готового; он оказался полностью дезорганизован и не готов для длительного сражения. Сталин искренне полагал, что Гитлер не такой сумасшедший, каким он оказался на самом деле. А дальше что? Фюрер приступил к нападению, не будучи готовым к его последствиям. Он и вовсе планировал закончить войну за одну осень, за 3 месяца, представляешь? Это было, наверное, реалистично с точки зрения военного гения Гитлера, но ничего в итоге не вышло. Как ты понимаешь, следом за осенью пришла зима... А русская зима — тот ещё подарок: и армия германская угодила в морозы и все сопутствующие зиме приключения. Все разумные, не лишённые логики люди знали, чем закончатся морозы для техники, что техника просто встанет... Но Гитлер этого не предвидел. Такие прогнозы были по плечу только высшим умам. И у Сталина такие были. Особенности люди стояли за спиной товарища Сталина и эти прогнозы ему и озвучивали. Вот так и получилось, Макс, что даже взятие Москвы по сути ничего не решило. Москва — ещё не вся Россия, да и то — что такое Москва по сравнению со всей страной? Да и географически она даже не в сердце, не в центре расположена. Сколько земель ещё оставалось до Урала, до Сибири и т.д. Это очень масштабные территории, согласись. Впрочем, Гитлер и не собирался идти на эти земли, он планировал только взятие Москвы. Но как раз на конце рычага его изловили и уничтожили. А дальше были Сталинград, Курская дуга и все закончилось для Гитлера плачевно. По сути, состоялись три сражения: битва под Москвой, Сталинград и Курская дуга — три фундаментальных вехи, что поставили точку в жизни великого полководца Гитлера, который никогда не учился в академии генерального штаба, а даже если бы учился, был бы круглым двоечником. Герр вообще Гитлер всегда действовал на основании интуиции. Он был весьма импульсивным и экспрессивным вождём. А на войне так действовать очень опасно, интуиция на войне всегда подводит. Нужно понимать, что на той стороне, твой противник тоже восседает в маршальских званиях и он тоже не дурак; ему ведомо, что он делает, он также понимает, что и противник собирается что-то предпринимать, а потому считает наперёд на 2 шага, минимум. Однако Гитлер никогда не считал наперед на 2 шага. И уж точно не осознавал и не готовился, что повстречает на своём пути самую сильную организацию в мире, орден, состоящий из криминала. Такой орден, что был способен низвергнуть любое государство в тот или иной момент времени методом тайных операций.

Отдельно требуется учесть, что советская армия получила самую высокую выучку, поскольку, как ты помнишь, её проверили накануне в разных боях, в том числе и на Финской войне, которая, по сути, оказалась прототипологическим событием, эдакой репетицией битвы под Москвой. Она проходила в тех же условиях, Макс! Та же зима, те же проблемы. Как выяснилось, все навыки, которые получили бойцы Красной армии, сражавшиеся в снегах Финляндии, они понадобились позже.

И к тому часу «Х» встретились уже умеющая воевать в тяжёлых условиях Красная армия против неумеющей воевать в этих условиях Гитлеровской Германии. Более того, солдаты Красной армия были достаточно качественно одеты и экипированы: в коротких тулупах из овчины, в варежках, с автоматами... а гитлеровцы что? В шинельках в 40 градусный мороз с плохо прикрытыми головами, какими-то шапками вместо ушанок... Да, Макс, у нас всё было приготовлено к войне, в том числе зимняя смазка и топливо зимние были заготовлены заранее. А нацисты готовились только к осени, и в результате получили полностью парализованный тыл.

Переведя дух, Семён Павлович продолжил рассуждение:

— Однако роль битвы под Москвой так никто из историков не оценил, как положено. На самом деле Гитлер нашел свой конец именно под Москвой. Дальше он медленно умирал, потому что битва за Сталинград — это уже подготовленная операция, в которой город был превращен в крепость. Пройти через город-крепость было практически невозможно. Тяжелая техника? Да если бы она у врагов и была, что с того? Не могли они её использовать в силу водной преграды, не могли! Все мосты были подорваны, и речная преграда примерно 200 метров в ширину. Пройти на танках это препятствие было невозможно. Неоднократно я слышал такое высказывание, что, дескать, наша армия еле удержала Сталинград, но если бы это было так, то не смогли бы наши перейти в контрнаступление! Лишь после того, как немецкая машина «захлебнулась» на берегах Волги, советские войска и перешли в контрнаступление, имея на то все необходимые ресурсы и силы. В итоге, сумели сомкнуть котлы и взять останки вражеских войск в плен. Что же касается группы армии «юг», тут без резких выражений «гений Гитлера-полководца» обсуждать не получится. По сути, Севастополь был ненужной землей для Гитлера изнасально. Порт Севастопольский первый и второй — не функциональны. Форейторы забросали глубинными бомбами, а потому корабли там ходить не могли. В Севастополе вообще осталось лишь одно уцелевшее здание, весь город пропал — стояли сплошь руины. А кому, скажи на милость, нужны камни без рабочего порта? Да гитлеровцам требовалось сразу двигаться на Симферополь, но они свой шанс упустили. 250 дней и ночей было потрачено на Севастополь и все в пустую. По свидетельству нескольких историков, количество трупов, которые нацисты получили в Севастополе, хватило бы на то, чтобы три раза 20-ти метровой стеной обложить город по периметру. Вот такое количество солдат они бесполезно потеряли. Лучше бы они их «бросили» их под Москву, если уж на то пошло. Что они здесь отвоевывали? Зачем такие потери из-за одного города?

Надо сказать, что те, кто создали этот негласный Рыцарский орден, обеспечили Сталину бескомпромиссную победу во Второй мировой войне. И именно эта система, наряду с Красной армией, породила военную мощь, которая и требовалась сверхдержаве, чтобы победить такого противника, как Адольф Гитлер. При этом, если Гитлер был «не очень умным» и сумел-таки завоевать всю западную Европу, представь себе, какая недалёковидная была Западная Европа в то время. К слову, Макс, если бы такая же военная ситуация вдруг, ну, чисто гипотетически, произошла сегодня, а не в 20м веке, я тебя спешу заверить: случилось бы то же самое, ибо Европа и сегодня сопротивляться никому не способна. Дело в том, что в Европе нет армии, она попросту не боеспособна. Европейские армии сегодня нигде не воюют, ни в одной кампании не участвуют. А вот, например, у наших с тобой северных соседей армия воюет безостановочно, уже почти как 25 лет.

Показатель, например, то, как они Грузию за 3 дня разбили. И еще «подписали открытку» на память: «Учитесь военному делу настоящим образом, приедем — проверим». Вот такие послания на домах оставляли, в Грузии-то. Это я к чему: показываю пример настоящей боеспособной, воюющей армии, которая всю жизнь сидит то в окопах, то на учениях, то из казарм не вылезает... Когда Германия в последний раз проводила масштабные учения? Никто не знает, может лет 20 тому назад. Смотр войск она периодически проводит, а вот настоящих учений нет. О какой армии идёт речь, в таком случае? И пример ещё какой-то иной боеспособной армии современности я затрудняюсь привести.

— А как же американская армия? — впервые за долгий вечер спросил Макс.

— Да США вообще не участвуют в войнах. Их армия пьет Кока-колу. Они жалуются психологам, подают в суды на командиров и т.д. Это не армия, это непонятно что. Один мой знакомый американец Джон Ристер, к слову, бывший офицер, рассказывал мне, в каком он шоке от того, что Америка сотворила с собственной армией, и что при нём, лет 15–20 тому назад такого не было. Америка за все время участвовала в одной войне, во Вьетнаме, и то, уехали оттуда, поджав хвосты. Американским солдатам набили ту самую пятую точку — и кто — какие-то обезьяны? набили и отправили обратно в США, и на этом погорел их президент и погорели его горе-эксперты. Так произошло потому, что президенты в США традиционно выбирают себе особенных советников по науке: не учёных, как положено, а стелющихся лизоблюдов. Настоящий ученый будет говорить правду в лицо и заявлять: «Что же вы вытворяете, этого делать нельзя, вы народ спросили? Кто учитывал общественное мнение, кто проводил социологические опросы? Кто этим всем должен заниматься? Вы же политики, вы обязаны это все делать. Что у вас творится? У вас соц-служба не отлажена...» и так далее.

— Это точно, — поддержал историка Макс, — в Америке социология проникла во все сферы жизни и деятельности, поэтому они обратную связь и получают моментально. Раз в семестр, например, анкетироваются студенты вузов, и там такие графы: укажите, что вам не нравится в образовании? Затем компьютерные программы это все обрабатывают, и социологи получают готовые выборки в виде ответов на вопросы...

Семён Павлович подхватил его:

— ... и они уже с этими выходными данными идут к президенту, который собирает совещание и ставит вопрос ребром: что у нас студенты не довольны? Где министр образования? Сюда его. Это что такое? Что у вас происходит в вузах, почему 80% студентов недовольны? Вы что, хотите революции? А ну, немедленно разберитесь с министерством образования! Затем комиссию сената направляют во все университеты к ректорам, чтобы те организовали студентов и разрешили вопросы самоуправления, дополнительные стипендии и так далее. На всё про всё — 3 месяца на это и жду доклада. А через месяц будет новое анкетирование и все увидят на отдаче, поменялось что-то или нет. Если нет, просто снимут с должности министра образования и поставят нового.

В США соц-службы работают, как часы. Надо сказать, что у них со статистикой все в порядке. Наше правительство в отличие от американского не интересуется, что думает о них житель того или иного города, что говорит об условиях и всем остальном. Впрочем, соц-службы — это не армия. В армии там просто беспредел происходит, не иначе...

Семён Павлович и Макс беседовали так до самого утра. Уже на рассвете, когда первые лучи осветили кабинет историка, старый Хейзенвальд впервые зевнул.

— Из всего, что я тебе сегодня наговорил, многое можно заключить. И даже если тебе кажется, что запомнил не всё — ничего, то дело наживное. Надобно станет — и не то вспомнишь.

Макс многозначительно смотрел на Семёна Павловича.

— В качестве краткого итога. Совершенно точно мы можем сказать, что именно создание ордена русских воров и уголовников сыграло ключевую роль в победе над гитлеровской Германией. Непосредственно ключевую. Располагая организацией, которая сражается не за социалистическую идею, не за товарища Сталина, а за собственное будущее, и имея в распоряжении людей, которые сражаются в тылу противника, решая те задачи, которые перед ними ставит не командование Красной армии, а руководство ордена — это намного эффективнее. Так у товарища Сталина оказались в распоряжении неистовые и очень умные фанатики, которые поочерёдно выключили все немецкие и иностранные спецслужбы, сделали их слепыми, а после и немymi, что явно видно на примере в край дезорганизованной армии Германии. И я раньше говорил, Макс, и в сотый, и в тысячный раз повторю и не устану ни капли: тот, кто до этого додумался, кто всё организовал и претворил в жизнь проект Рыцарского ордена русских воров — подлинный Гений.

Гений, избравший судьбу оставаться неизвестным. По крайней мере, так принято полагать...

Achtung

21-23. VII und
14-19. VIII

Dehnic Keel
Stempel

Worte

Lass da

Es wird stehen
sich beim
Anfragen
einmal !!

Amid

Das Beste
ist pilsnech

ГЛАВА 7 «СМЕРТЬ ШПИОНАМ!»

ГОСПОДЬ БОГ СОЗДАЛ ЛЮДЕЙ СИЛЬНЫМИ И СЛАБЫМИ.
ПОЛКОВНИК КОЛЬТ УРАВНЯЛ ИХ ВСЕХ...

Шёл третий год обучения Грега в Гейдельбергском университете. На эти выходные он приехал домой один. Алекс решил на пару дней отправиться к тёте, а Элиас тоже пропадал где-то по своим делам. В родовом поместье, казалось, ничего не менялось. Время здесь шло как-то незаметно; и только недавно пробившиеся проседи в волосах отца украдкой намекали: ничто не вечно, изменяется всё. Перекусив, Грег немного поболтал с Вельзевулом, а затем отправился в библиотеку. Он знал, какую книгу ему требовалось изучить буквально с карандашом, чтобы подготовить задание профессора по истории. Задание было самым банальным и даже необязательным, но дело было в другом: сама тема Грега интересовала не на шутку. «Принцип зеркала,— юноша вспоминал рассказ профессора,— он вам обязательно пригодится для понимания работы человеческого сознания. Сознание человека условно можно было бы рассмотреть, как зеркало памяти. Представьте себе, где-то как из мощного истока вырывается луч, впоследствии преодолевающий множественные структурные препятствия, чтобы наполнить, в конце концов, чашу или сосуд, который мы называем сегодня сознанием». «Множественные структурные препятствия... Но какие? Чем-то отдалённо напоминает Канта,— продолжал размышлять юноша, перебирая книги на полке,— он писал вроде про какие-то блоки памяти, разрозненно рассматривая их потенциальные трансцендентные свойства. Однако на данный момент, чем я располагаю? Кучей умных слов, несусветных предположений и нулевой точностью в выводах. Нет названий. Нет принципиального устройства. Нет модели. Небогато как-то».

— Что ищешь, сын? — Из глубины зала раздался звучный низкий тембр.

— *Ars Memoria*, трактат о памяти.

— Любопытный выбор,— отец подошёл ближе.— А что именно тебя интересует?

— Сложно ответить коротко и ясно. Я и сам не могу пока что в точности сформулировать,— Грег повернулся к отцу.— Меня интересует абсолютно всё. От прототипологии и театра абсурда до зловещих и непонятных архетипов. Буквально на днях наш профессор совершенно недвусмысленно дал понять, что тот, кто предложит науке рабочую модель памяти человека, буквально положит на лопатки всех и вся. И ничего невозможного не будет для такого учёного, потому как это ключ к миру. Вот последний довод меня особенно зацепил. Впрочем, пока что никто толком не знает, что такое память как машина, есть отдельные теории и дисциплины: говорят, в памяти и вечный двигатель кроется, и все навыки им вообще какие-то неведомые силы. Непонятно даже, с чего начинать.

Судя по улыбке отца, у него было кое-что поинтереснее *Ars Memoria*.

— Помнишь, как я тебя учил играть в шахматы?

— Ещё бы! — Грег посмотрел на огромный стол и пару тройку кресел в библиотеке, стоящих поодаль, у окна.

— Присядем?

— Конечно.

Из ящика стола отец достал небольшую коробку. Нет, то были не шахматы и не шашки, что-то другое. И тут Грег вспомнил... Да это же...

— Напёрстки? — он искренне удивился. — Правда, что ли?

— Да, они самые, — отец рассмеялся. — Нет философского апломба на шахматную партию... да и показать тебе кое-что хочу, раз уж ты так серьёзно настроен.

Разложив стаканчики на столе, отец взял в руки маленький блестящий шарик из слоновой кости.

— Память — это нечто особенное, Грег. Она неповторима, настоящий феномен. И вряд ли когда-либо человечество этот феномен изучит по достоинству. Ей нет аналогий, а потому прав твой профессор: рабочая модель познания памяти — это научный прорыв, который миру еще предстоит увидеть. Впрочем, ты спрашивал, с чего начать. И одну простейшую, на первый взгляд, логическую модель я готов тебе продемонстрировать прямо сейчас.

Повертев шарик и спрятав его под одним из стаканчиков, отец спросил:

— Ты когда-нибудь задумывался, как напёрсточники обыгрывают людей?

— Не могу сказать, что специально или намеренно об этом думал, но ... 1000 раз видел, как Вельзевул ловко крутил эти стаканы, а простофили велись. У него шарик, как привязанный, вечно оказывался не там, где твоё внимание. Порой вообще казалось, что он этот шарик в рукав прятал.

— Как бы там ни было, давай глядеть, что у нас в наличии. Итак, шарик и 2 напёрстка. Представь, что у тебя в памяти есть некое ядро. Это будет вот этот шарик. А три напёрстка — это три блока, на которые ядро может переключиться. Ничего сложного: ядро-шарик и три блока. Это в статике. А теперь попробуй рассуждать, что же происходит в динамике, когда напёрсточник двигает стаканчики.

— Гутэн Таг! Над чем размышляешь, Грег?

Наверное, только Яковлеву было позволено вот так беспардонно вырывать Попова из собственных сонм рассуждений на белый свет.

— Как обычно. Всё та же тема — я тебе рассказывал.

Расправив плечи и потянувшись, Попов вытащил очередную испещрённую записями и пометками тетрадку и передал другу. Тот, немного полистав, спросил:

— Всё-таки ты выбрал модель напёрстков?

— А что делать? Никакая другая не подходит и не описывает, что происходит в динамической среде памяти. Вот у нас три напёрстка или стаканчика — это три блока памяти: прототипологический, архетипологический и блок родовой концепции. А вот ядро памяти или Ядро рецензорной группы. Всё по чину, всё на месте.

Все три блока находятся в непрерывном вращении. И как в игре на столе нет понятия «первый» напёрсток или второй, потому что они постоянно меняются местами, так и тут. Шарик-ядро всё переключается с одного блока на другой, в зависимости от того, какую задачу мы выполняем в данный момент времени. При том, скорость переключения блоков памяти настолько высока! То есть, переключение ядра с блока на блок велика настолько, что мы никогда этого не осознаём и не замечаем. Прямо как наблюдатель, упрямо старающийся разглядеть, куда же ловкий напёрсточник дел шарик.

— Отлично! И что нам это даёт?

— Это нам, Алекс, даёт новое понимание работы механизма психики. Некоторые наши коллеги, за пределами Союза, безусловно, строят догадки о том, что такое психика, как она работает и, главное, как её поставить на службу профессиональной подготовки кадров для спецвойск. Так вот, спасибо нашей научной разведке, я не только владею информацией, но и определённо могу сказать, что немецкие коллеги ошибаются в своих предположениях. В частности, вопреки расхожему представлению, родовая концепция психикой не является. Элементом психики является родовая фигура, но только лишь одним элементом из множества. Господин Карл Густав Юнг и вовсе полагает, что психика — это архетип. Впрочем, тоже ошибочно. Так вот психика — это не родовая фигура, не архетип, не сознание, не прототип и не что-либо иное из представленных блоков или их элементов.

Алекс, я хочу тебе кое-что показать, взгляни-ка на этот рисунок:

— Психика — это нечто большее. И пока товарищи учёные со всего мира тщательно бьются над загадками, изучая части частей, со всей уверенностью могу сказать: общей картины они не видят. И такими темпами и не воспримут. Потому как психика — это цельная реализационная цепочка.

Алекс развернул тетрадь и присмотрелся ближе к аккуратно выполненному чертежу.

— Вот начало. Первое, что ты видишь — это фигура. Фигура, принадлежащая прототипологической пирамиде; если точнее, речь идёт о текущей разумной модели авторитетов. Назовём эту фигуру условно чудачком, памятуя, конечно, что этот чудак — мы, то есть, неотъемлемая часть нас самих. Как чудак попадает в сознание человека из памяти? Тут существует чёткая система, и что самое главное, механизм, который обеспечивает бег чудака из памяти в сознание — и есть психика. Бег этот условно можно было бы сравнить с преодолением дистанции с барьерами на пересечённой местности, на которой всё происходит одновременно, а времени при этом — не существует. Итак, наш чудак, решает упорхнуть, словно птица из клетки. Он покидает прототипологический блок и начинает мчаться в сознание. Первое, что он хватается на бегу — это амальгама. Схватил амальгаму и побежал дальше. Это РАЗ. Далее на пути ему встречается архетипологический блок. Пробегая архетипологический блок, чудак хватается методичку и тактику. Это ДВА. Далее он рвётся в родовую концепцию. Там, в родовой концепции хватается инструменты, необходимые для реализации. Это ТРИ. И, пересекая границу памяти, словно финишную черту, чудак попадает в сознание, но уже в качестве персонажной модели. Там он что-то делает, говорит, действует — одним словом, превращается в роль. И заканчиваются все эти гонки каким-либо статусом. А потом? А потом всё опять по новой.

— И механизм, который отвечает за эту реализационную цепочку и есть психика, — заключил Яковлев. — Это другой взгляд, определённо требуется обсудить его с тобой.

— Я только «ЗА», Алекс. Потому как мне открылось совершенно важное понимание. Погляди, пожалуйста, ещё раз на эту цепочку. Всё ладно и точно, цепочка работает, а значит, в жизни человек решает задачи, добивается чего-то, высот каких-то... Всё неплохо. Ан-нет, есть одно «НО». Знаешь, в чём его смысл? В том, что эта цепочка может быть прервана на любом этапе. Мы же прекрасно с тобой понимаем, что нет никаких чудачков, это так — метафорически-наглядный способ описания принципов действия цепочки. На деле же фигура превращается в прототип. Затем прототип превращается в архетип. Архетип, соответственно, переходит в родовую фигуру. А родовая фигура превращается в персонажную модель, другими словами, преобразовывается по свойствам.

Отсюда и вывод: **на любой стадии описанная цепочка может быть прервана.**

Нет инструмента — сработает прерыватель;

Нет амальгамы — опять прерыватель;

Нет тактики — и это прерыватель.

То есть, цепочка разваливается на любой стадии. А когда цепочка разваливается, далее в ход идёт рецензорная группа... наша автоматика, если угодно.

— Всякий раз, как реализационная цепочка разваливается, происходит переключение на автоматическую систему работы рецензорной группы?

— Именно так, друг. И месте чудака или фигуры появляется рецензор. А рецензор уже знает, как надлежит действовать; знает по определению в силу того,

что у него существует некое клише поведения: заранее сформированное клише действий, уже готовых, выбранных из хранилища прошлого опыта.

Попов продолжил рассуждать:

— Как это работает? Допустим, у нас есть связка ключей и есть замок. И мы глядим на замок и не знаем, какой из ключей к нему подойдёт. Начинаем вручную подбирать ключ к замку.

— Этот способ, как известно, называется методом проб и ошибок.

— Бесспорно, Алекс. Так вот что мы из этого можем заключить прикладного? Прохождение пути на автомате, то есть, методом проб и ошибок, говорит о том, что в данном эксперименте всегда побеждает тот, кто может совершить наибольшее количество ошибок. Это очень просто.

Вот банальный тому пример. Положим, у меня в кармане 100 руб. У Василия Анатольевича, моего секретаря — 10 руб. Допустим, цена ошибки — один рубль. Что из этого выходит? Что я изначально имею право на 100 ошибок, а Василий Анатольевич — только на 10 ошибок.

А теперь предположим, мы с ним сядем играть в рулетку. Опять-таки, ставка — 1 рубль. Кто победит? Естественно, победит тот, у кого больше денег!

А теперь, Алекс, представь, что в рулетку сели играть два форменных идиота. Безусловно, оба интеллектуально... разные. Но в общем знаменателе — оба придурки. Победить интеллектуально или тактически они изначально неспособны. Они даже слов таких не знают. Но у господина-идиота «Х» на руках 100 руб, а у господина-идиота «У» — 10 руб. И первый может себе позволить сделать целых 100 ошибок, а второй — только 10. Вот такая идея, Алекс...

— Мы снова вернулись к разработке теории ошибок, Грег?

— Как знать, дружище, как знать...

— Вот так этот замысел, Макс, впоследствии в миру получил громадное распространение в виде основной классической теории принятия решений. Теперь ты понимаешь, откуда возникают эти и им подобные примитивные идеи, типа: «Чтобы делать бизнес, нужно много денег сначала вложить»? Вопрос был, скорее риторическим, но на всякий случай Макс кивнул. Семёна Павловича это удовлетворило, и он продолжил:

— Почему же вдруг нужно вкладывать много денег? Потому как, пока я на старте, я буду ошибаться. Много-много раз! Я же зелёный несмышлёныш, новичок! Мне ошибки положено совершать и за них платить, соответственно! Впрочем, чисто логически, если ты ошибаться не собираешься, то и деньги никакие тебе не нужны, чтобы создать бизнес. Вообще никакие: ни пенни, ни сольдо, ни копейки. Но так как сегодня люди повально идентичны в своей низкой социокультурной массе, что напрямую определяет и их интеллектуальный коэффициент, и примитивный уровень подготовки, что ж... все идентичны по сути своей. У нас дураки все одинаковые. А значит, исходя из понимания устройства рынка и людей, его населяющих, можно сделать простой вывод: «Чем больше у человека денег, тем больше у него права на ошибку!» В итоге, так называемое казино жизни — всегда на стороне тех, у кого больше денег. Поэтому обыкновенный человек, у которого есть зарплата, образно говоря, в 1000 долларов месяц, не потягается с директором предприятия,

у которого «капает» 5000 долларов или, скажем, 10000 долларов в месяц. У директора денег больше, значит, больше и прав на ошибку. Он ошибаться может чаще, чем его сотрудник с 1000 долларов в кармане. Допустим, ставка ошибки — 100 долларов, и за каждую ошибку ты платишь наличкой сразу, не отходя от кассы. И если ты нажил 1000 долларов, то спустя 10 ошибок всё — ты продул и денежки твои вылетели в трубу этого казино.

— Предельно ясно, Палыч. Но что если... я не собираюсь ошибаться?

— А это уже совсем другой разговор. Хотя многие на твоём месте тут же опустили бы руки и заявили: не ошибаться невозможно. Всё равно путь к звёздам лежит сквозь тернии, а значит, всё должно быть сложно, больно и ошибочно. И что самое любопытное — они готовы играть и платить за свои ошибки. И эта теория очень интересна, правда, да и известна широко. Её преподают, кому не лень, книжка не одна написана, кстати. И всё было бы прекрасно и удивительно, если бы эта теория работала на практике. Как выяснилось, данная теория допуска ошибок совершенно не работает в боевой обстановке... Попробуй предположить, почему.

— Известное дело — ответил Макс, — эта теория не сработает в боевой обстановке, поскольку в ней достаточно один раз допустить ошибку — и всё, ты — труп.

— Именно так! — Семён Павлович был доволен. — В бою тебе не позволят 10 раз ошибаться. Достаточно будет одного промаха. Помнишь, как говорят: сапер ошибается один раз.

Помолчав, историк добавил:

— Войн всех уравнивают. Война — это среда, в которой нет никакого бизнеса, это взаимоисключающие категории. Территория войны исключает возможность ведения бизнеса, после чего все автоматически становятся одинаковыми: хоть ты трижды директор предприятия, хоть его самый последний сотрудник, вообще чудак на стажировке. Войне всё равно, она твои деньги не считает. Так же в истории долгое время споры разрешала старая добрая шпага, которая мгновенно уравнивала всех. Встречал вот молодчик оппонента со шпагой — и всё, ничего не поможет, ни связи, ни возможности. Только умение владеть клинком. Знаешь, как говорили в дни моей молодости? «Бог создал слабых и сильных, Полковник Кольт уравнил всех»

— Это игра, она искусственная. По факту, убери деньги, и мир строго реструктурируется в исходную систему.

— И я считаю так же, Алекс. Главное, мы выяснили: в боевой обстановке этот подход не сработает. А то, что не работает в боевой обстановке, значит, это искусственно созданная вещь, — ответил Попов. — Так вот... сама по себе полученная модель памяти уже показывает, что нам требуется и чего не хватает, чтобы психика, как механизм, позволяла нам успешно справляться с боевыми задачами и не только.

— Знаешь, наши теории практически идентичны в этом отношении, — заметил Яковлев. — Человек рождается без психики. И с самого первого дня своей жизни на земле он с нуля выстраивает этот механизм — систему психики, другими словами.

Однако же, ознакомившись с идеями новомодных генетиков, выходцев из нейрофизиологии, я уже многое предвижу. Особенно эти идеи пришлись по вкусу американским учёным. Майн Готт, какую же чушь, они там начали разрабатывать! Начиная от превращения памяти в единичную функцию сознания, завершая убий-

ственно-смелыми» заявлениями, что память — это клетка, хранится она в ДНК память, и искать её нужно в мозге. И не останавливает никого очевидный факт, что память бесконечна по-своему функционированию. Если взять аналогию мировой памяти — она бесконечна. А деятельность мозга конечна. И поэтому никак мозг не может быть связан с памятью.

Яковлев беззвучно вздохнул.

— Быть идиотом, в общем-то, ни в одной стране не запрещено, насколько мне известно. Но вот зачем плодить идиотов на манер себя подобного — этот вопрос для меня всё ещё открыт.

— Раби, я бы хотел подробнее рассмотреть то, чего мы вчера с вами коснулись буквально невзначай. О каких двух типах людей идёт речь и как это выглядит?

Старый раввин, помощник Попова, сидел перед ним в прекрасной, богато обставленной библиотеке и понемногу потягивал чай.

— Герр Попов, это просто одна из моделей объяснения. И я был очень рад и удивлён одновременно, что Вы описали некий принцип «повторной массы», причём сделали это самостоятельно, без знания этой модели.

Григорий Семёнович Попов достал блокнот и письменные принадлежности.

— Принцип «повторной массы»? Да, мы обсуждали его с Алексом. Когда годами занимаешься обучением и профподготовкой, такое сложно не заметить. Если вы что-то останавливаете — позже эту массу снова придётся разгонять. Вот как с поездом. Остановил поезд — молодец, но, чтобы куда-то добраться — до какого-то пункта назначения — поезд снова требуется разгонять. И всё бы хорошо, но в данном ключе присутствует как минимум одна очень важная деталь. Дело в том, что в момент разгона массы субстанция наиболее уязвима. Поезд — максимально уязвим, другими словами. Потому как в момент разгона, она ничем больше не занимается, и ничего больше не может делать. Она беспомощна. Вот когда субстанция уже разогналась — другой разговор: в таком случае она спокойно оперирует массой. А когда она её разгоняет — она беспомощна.

Раввин, улыбаясь, внимательно слушал Попова.

— Именно так. И с детства мне объясняли этот принцип... только немного другим языком. Вот, скажем, человек начинает что-то делать. Он словно Ваш поезд, только на самом старте своего пути. И он действительно в этот момент времени крайне уязвим: настолько, что делать с ним в этот момент времени можно всё, что угодно. Он даже сопротивляться не способен. В начале проекта, в начале деятельности, карьеры даже — он наиболее уязвим. Словно перед ним гора, и он отчаянно пытается на неё взобраться, но первые шаги его неуверенны и скованны, а значит, и медленны. Взбираться в гору — тяжело, спускаться с горы — другое дело. Так и возникает самый треугольник, который я описывал. Мой учитель некогда его называл «треугольником триумфа».

Попов уже вычертил треугольник в своём блокноте и протянул рисунок раввину.

— Гляди. По сути, треугольник триумфа выглядит очень просто. Представь для начала, что этот треугольник кто-то создал, а затем и встал на самом его верху.

Как только это он там разместился, давай вниз смотреть. А там внизу, у основания треугольника, сразу возникают 2 типа людей: оппоненты и последователи.

Оппоненты — это те, кто идут в гору. Последователи — это те, кто спускается с горы. В гору идти тяжело, а спускаться с горы — легко. Проще не бывает. И всякий раз, когда мы наблюдаем, что человеку что-то тяжело даётся, хотя условия для его победы все созданы — перед нами не последователь, но оппонент. Как действуют оппоненты? Человек тебя критикует, ищет изъяны, он считает, что «вокруг всё неправильно», он пытается банальное даже опровергнуть. Оппонент может даже делать вид, что он последователь, выставлять напоказ тот факт, что он тебя знает, что ему важно и нужно с тобой сотрудничать или взаимодействовать — но то только на словах. На самом деле он оппонент.

Помолчав, раввин продолжил:

— Объясню и другим языком, научным, как Вы любите. Как помним, в математике представлены две категории: теоремы и аксиомы. Так вот запомните, обладатель пытливого ума, у последователей — только аксиомы, у оппонента — только теоремы. Оппонент всеми силами самому же формулирует множественные теоремы и впоследствии пытается каждую теорему доказывать. Тем самым срок его движение вверх — восхождения на Олимп — увеличивается многократно. Он истово и упорно карабкается, создавая самому себе жуткие препятствия и другого рода сопротивление. То ли ему так по вкусу, то ли невдомёк, что есть и другой, альтернативный путь... но нет: он упорно преодолевает трудности и этим гордится. А на деле все эти трудности он себе находит сам, в качестве жизненных препятствий или приключений. Но ТАК идти совершенно необязательно: мудрый выбирает другую грань треугольника и становится последователем.

Последователю легко идти с горы, поскольку он не нарушает принцип «не создавай сопротивление», он просто скользит вниз. Ему не требуется обдумывать множественные теоремы и самому себе что-то доказывать и в жизни проверять. Он уже и так всё решил, своим выбором. Более того, есть одна весьма злополучная деталь относительно действий оппонентов. Давайте поразмышляем: вот у оппонентов, у них движение вверх какое? Бесконечное. В этом вся соль. Карабкаться вверх можно бесконечно — да так в итоге, ни к чему и не прийти. Превратить свою жизнь в вечное превозмогание, преодоление, бой или битву — и в итоге ничего не достичь. Потому как, бесконечное движение наверх заключается в том, что теоремы мультиплицируются по дороге, ведь возникают всё новые и новые темы для доказательства теорем. И пока я теорему доказываю, я вверх не иду. А сколько я её буду доказывать? Два – три — четыре года... Никто не знает. Намного же проще спускаться с горы, намного проще и быстрее. Но опять-таки: оппонентам невдомёк, да и заняты они своими мыслями и теоремами. Вот так и наблюдаем, как иные люди еле-еле прыгают, «пыжятся, тужатся, а взлететь не могут». Это как раз оппоненты, и они никогда не придут на желанную гору, которую венчает триумф.

Обратите внимание, что эти люди очень любят думать. Они все до одного мыслители. Причём такого специфического уклада, я бы поправил. Знамо, человек, который думает, испытывает огромные неприятности. Потому как вместо того, чтобы думать над тем как реализовать задачу, он думает над тем кто-то прав или неправ.

— Оппоненты пребывают в размышлениях о справедливости и несправедливости? — спросил Попов.

— Бесконечно! Это одно из их любимых развлечений, — был ему ответ.

— Не о том они думают... — сказал Попов. — Совершенно. Думать надо о другом. Человеку разум предназначен совершенно для другого. Не для того, чтобы давать оценку деятельности кого-то. А для того, чтобы для себя смочь сделать то, что нужно. И подняться над всеми другими людьми.

— Но люди подыматься не хотят, — равнин мягко прервал учёного, — Они хотят оппонировать другим. Им так удобней.

— Это же просто превращает человека в статическую конструкцию, — заключил Попов. То есть, оппонент сидит, ничего не делает, доказывает свою теорему. Но весь цимес заключается в том, что как только он доказывает или же опровергает одну теорему, появляется следующая, затем ещё одна... после этого следующая теорема... И они мультиплицируются бесконечно. И он никогда наверх не придет. Не видать ему триумфа.

— Знаете, герр Попов, на родине моего учителя говорили: «Вера слепая лечит». Так вот, это аллегория. И упомянутая аллегория как раз и объясняет то, что думать человеку требуется только над выбором — какой из треугольников ему выбрать... ВЫБОР. Больше думать ни над чем и не требуется! То есть, каждый треугольник — это какая-то система: йога, буддизм, мистицизм, конфуцианство, даосизм. Думать стоит только над выбором. Если уже выбрал, больше думать не надо. В этот момент времени надлежит отключать аппарат размышлений, и начинать идти с горы вниз, а не подниматься на горку. Но люди все идут в гору, все до единого. И поэтому Ничего в жизни не добиваются. И никогда не добьются, потому что как этот закон мультипликации теорем, который Вы, герр Попов, прекрасно описали, не позволяет человеку кем-то стать.

«На войне думать не получится,— устало заключил Попов.— Там другие задачи. И на войне думать нельзя — промедление допустишь — и тебя убьют... Вот только сложнее всего — такие очевидные доносить подчиненным. Думать нельзя — это смерти подобно. Думать заранее требуется. А как только переходишь за линию фронта — думать нельзя. Важно действовать быстро и качественно. А потому ещё в спеццентре, на подготовке каждую аксиому инструктора обосновывают до того как человек попадёт за линию фронта. Отказ от подхода в виде теоремы решает задачу скорости для каждого человека. В таком случае, вооружившись проверенными аксиомами, он многократно быстрее достигает любого результата, нежели другой человек, следующий пути доказательства теорем».

На следующий день Попов пригласил Яковлева, желая с ним обсудить результаты беседы с раввином. Яковлев сходу совершенно чётко дал понять, что у него по этому поводу позиция собственная и исключительная:

— Задача класса создания ломает всё! — заявил Алекс.

— Это и так понятно...

— Нет, Грег, позволь, я повторю. Задача класса создания — ей ничего не нужно. Это абсолютное отсутствие аксиом и теорем. Почему? Да нет ещё просто в природе ничего. Пустота! Если что-то и нужно создавать, то пока ещё, на старте, ничего нет. Ни аксиом, ни теорем. С этого момента между двумя учёными завязалась яркая дискуссия. Хоть они и были друзьями, хоть Попову и грела душу доктрина Яковлева, всё же, каждый остался при своей позиции. Нельзя сказать, что какая-то из них была неверной, нет. В любом случае, условились на том, что эксперимент их рассудит. Подход Алексея Яковлева заключается в том, что «создание» как явление и как задача не содержит и не требует ни теорем, не аксиом. Подход памяти Григория Попова включает аксиомы, теорем попросту нет. Память работает на аксиомах. Она не работает на теоремах. И старый раввин непременно это знал, но не перебивал и не вторгался в научный спор двух друзей, прекрасно понимая, что такая дискуссия двух гениев может закончиться только новым прорывом.

Раввин действовал так, как он сам всегда учил, как его учили, и многих других до него. Он дал модель — инструмент познания — и описал, как он работает. Ни теорем, ни аксиом — просто: держи машину, вот правила, бензин вон там... а садиться за руль этой машины или нет — дело твоего выбора.

«Все ошибки всегда заключаются в выборе. Зачем выбирать бесполезный «треугольник» или машину, которая не привезёт тебя к цели? Что ты используешь? Что выбираешь? Какую школу? От выбора и получаешь...

С момента последней острой научной беседы двух друзей прошло, наверное, недели три. В этот раз Попов просто приехал к Яковлеву ни свет, ни заря. Торжествовал Попов бесповоротно и откровенно.

— Выкладывай! — Яковлев улыбался. Он был рад визиту друга.

— Сколько б мы не обсуждали, ни спорили и ни танцевали вокруг да около — оно того стоило! Я не знаю, как додумался и почему, но ты просто слушай и не перебивай. Я понял, как создать такой контрразведывательный аппарат с такими оперативно-тактическими группами, что их деятельность будет просто обречена на победу. Это станет самый настоящий смерч, который всё снесёт на своём пути!

Потому как устроить этот контрразведывательный аппарат я намерен по принципу памяти человека. И весь упор — на людей, на каждую группу оперативно-тактическую, каждую!

Попов перевёл дыхание. Яковлев заворожённо слушал его и ждал продолжения спича.

— По сути, как только мы у товарища Сталина подняли вопрос о создании оперативно-тактических групп, я долго думал, как завести эту машину.

— Речь идёт о проекте «СМЕРЧ»?

— О нём самом. Так вот, каким-то образом... не спрашивай, как, просто не спал как обычно, две недели... и пришёл к идее, что из такой каждой группы СМЕРЧа — можно сделать отдельную, новую память. Новую память, Алекс! То есть, понимаешь, память можно вывести ВОВНЕ. И она так же будет работать, как часы швейцарские. И это будет уже внешняя память, которую память можно отлаживать вне зависимости от памяти отдельно взятых людей.

— Вынести память во вне... сделал внешнюю память,— размышлял вслух Яовлев.

— Да, гляди! Оперативно-тактическая группа — это блок памяти. Эдакая рабочая тройка. Ровно три человека — и все разные по свойствам, навыкам и вот почему. В памяти — три блока: первым к нам стоит родовая концепция, затем блок архетипологический, потом — прототипологический. И я разработал систему, которую пока условно назовём «обойным принципом». Вот человек «А» приходит в контрразведку. Его ставят на место родового блока, определяя в группу, где уже есть два бывалых оперативника. Нового им дают. И идёт наш новичок две оставшиеся ступени до начальника оперативно-розыскной группы. И каждый раз старший учит, как пройти предыдущий уровень. Второй учит первого, третий учит второго — и так далее. И в этой обойме есть только одно движение — к вершине. И так до тех пор, пока зелёный юнец не станет оперативником высшего класса, а затем и вовсе руководителем своей отдельной группы. И при прохождении каждого этапа из трёх ядро памяти будет доводить прежде полученные знания до совершенства. Допустим, эта система довела оперативника «А» до совершенства. Что это значит? Что его пора переставлять в следующую группу. А на освободившееся место попадает новый человек. Может произойти и другой сценарий. Допустим, убили центрального. Остались двое. Переставляем последнего на место центрального, а на его освободившееся место из другой группы или вовсе их спеццентра берём нового человека. И снова тройка в работе! И у каждой такой тройки, как у тройки блоков памяти, непременно должно быть ядро. Ядро — это и есть руководство. Высший командный орган. От командования исходят распоряжения и приказы оперативно-тактическим группам, словно импульсы. И эта система сама себя обучает, Алекс. Сама себя делает совершенной. Самостоятельно функционирует, как абсолютно автономная синергетическая система.

И достаточно просто вставить человека в оперативно-розыскную группу, для того чтобы он стал буквально «монстром» через какой-то промежуток времени, если останется в живых, безусловно.

— Это... потрясающе! Бесконечное обучение. Прямо в процессе жизни и деятельности,— заключил Яковлев.

— Именно так! Чего я добивался — так это разрешение задачи по созданию особых условий. Это бесконечное доведение сотрудника СМЕРЧа до совершенства.

Понятно, что брать в группы стоит не всех, отбирать людей надо на старте. Прежде, солдат должен иметь хорошую общую пехотную подготовку, как минимум. И достаточно его просто вставить на первое место — в качестве родового блока — и всё. И начинать учить его работать. Вот и весь секрет — в устройстве системы. Так мы многократно ускоримся и качественно усилимся, в том числе. Мы создадим множество блоков внешней памяти. И человека в таких условиях научат очень быстро. И он станет двигаться по цепочке до руководителя оперативно-розыскной группы. Потом его можно забирать, например, в управление или в следственные органы. И на место предыдущего оперативника всегда придут новые... Сама система постоянно пребывает в динамике. Даже если и убили одного среди группы, на его место подвинули второго, а третьего добрали. А так как война идёт непрерывно, и друг друга люди убивают постоянно, то эта машина не остановится. И работает она как напёрстки, бойцов тасует между собой, а так система подготовки сохраняется единая.

— Знаешь, Грег, это просто великолепная идея!

— Уверен, друг!

— Значит так, вечером идём на доклад к товарищу Сталину. И пока я подготавливаю все материалы, ты будешь высыпаться.

— Макс, дружище, я рад, что книга Богомолова «В августе 44-го» тебе пришлось по сердцу, но перечитывать я тебя отправлю всенепреренно. Раз уж ты не можешь ответить мне на вопрос, как работала тройка Алёхин-Таманцев-Блинов.

Тройка, смекаешь?

Семён Павлович даже пригрозил Максу пальцем.

— Но на твой вопрос я всё-таки отвечу, пролью свет, так сказать,— историк сегодня был благосклонен.

— Это был апрель 1943 года. Знаешь, те, кто изучает СМЕРШ, историки разные, даже выходцы спецслужб в гражданской шкуре — все выдвигают разные гипотезы относительно того, почему Сталин СМЕРШ создал только в 1943.

Во-первых, нам требуется вспомнить, что именно произошло в 43 году. Разворот войны в обратную сторону — вот что произошло. Когда ты стоишь в обороне, некуда забрасывать диверсантов. Ты же не на своей территории находишься, а на чужой! Именно в такую ситуацию угодили немцы: всё, что за линией фронта — чужое. А у советских товарищей всё, что за линией фронта, за головой немцев,— своё. Это их территория. И они там себя чувствуют, значить, как рыба в воде... но про немцев того же не скажешь: они же не знают, что там. Они никогда прежде не бывали на этой территории, что распостёрлась за спиной, а тут ещё командование требует — идите вперёд! Вот и получается: и за спиной, и впереди — сплошь чужое. А ещё и воевать надо да задачи командования выполнять. СМЕРШ работал и за спиной, и впереди. В зафронтной зоне, одновременно. То есть у СМЕРША был обширный круг оперативно-поисковых задач. И в этом весь смысл. Это как фигура шахматная, которая переставлялась и за голову вражеской армии, и обратно, прямо перед носом.

Семён Палыч развернул старую добрую карту.

— Гляди теперь сюда. Вот армия наша. Здесь линия фронта. По эту сторону —

немецкие войска. СМЕРШ работал и здесь, и здесь, по обе стороны фронта. Одни группы могли бороться с диверсантами здесь. За линией фронта. А другие могли за линией фронта немецкой бороться, вот тут. И подготовка диверсантов, прямо настоящие разведшколы были и на территории Советского союза, и на оккупированных территориях, и вообще — прямо на глазах ни о чём не прознавших европейских добропорядочных граждан. Где угодно! Диверсанты могли объединяться в отряды по принципу сводки оперативно-тактических групп, например, в единое подразделение, в рядовые группы и так далее. Это была, по факту, уникальная система! И не нужно было командировать человека ни в какую школу СМЕРШа. Выбирали подходящего парня, толкового, да и отправляли его в группу. И он буквально через полгода становился уже хорошим розыскником, а если проходил «школу» в 8 месяцев, а то и в год — это уже был высший пилотаж.

Были и те, кто в СМЕРШе работали по 2–3 года, что ж, такие люди были подготовлены на самом высочайшем уровне. Такая структура побеждала любую иную, потому что все — да те же немцы — поступали совершенно иначе. Они выбирали человека, затем его требовалось подготовить. Пройти полгода школы. Прости, Макс, но на войне полгода — это очень долго. Непростительно даже, я бы сказал. Поэтому вражеские формирования и не успевали справляться со скоростью войны и её жёсткими требованиями: люди не успевали перестроиться. Но СМЕРШ и его система, его устройство — это шах и мат любым переменам. И вопрос с личным составом контрразведки был решён один раз и навсегда, и функционировала эта система исправно, ровно столько, сколько существовала. Пока не ликвидировали приказом. Да что там говорить: если бы СМЕРШ не ликвидировали как орган контрразведки, то он функционировал бы и по нынешний день. Бесконечно. Вот шла бы 30 лет война, и эта машина работала бы ровно столько. Как память работает бесконечно, так бесконечно работает и эта система. Причём, всегда безотказно, мой юный друг, всегда безотказно.

Семён Павлович поправил очки.

— А сами оперативники — да они как никто другой были заинтересованы в том, чтоб третьего подтянуть. От этого же и общая боеспособность группы зависела, успех операции зависел, и их собственные жизни. И учился такой человек стремительно быстро... невероятно быстро, по современным меркам просто баснословно. Не было пяти лет университетского образования и ещё чего-то там. Война как бульдозер, сносит все эти шаблоны и создаёт иные, весьма продуктивные условия для обучения. Заруби на носу, Макс: война многократно ускоряет обучение. А соответствующая выстроенная система обеспечивает и выковывает таких людей, которые даже в невозможно опасной ситуации всё равно добиваются «момента истины».

Вся проблема — в скорости обучения.

ГЛАВА 8. «ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА — ЭТО СКОРОСТЬ ОБУЧЕНИЯ»

«Я ОЧЕНЬ РОДИНУ ЛЮБЛЮ, НО ГОСУДАРСТВО НЕНАВИЖУ»
УЖЕ КЛАССИКА

— ...я сказал, лежать мордой в пол и не рыпаться!

Жека только крепче стиснул побагровевшие пальцы, упёршись носом в пыльный, давно нечищенный серый ковролин. Он был зол и ошарашен одновременно. Какая-то гнида в форме подошла и пнула рядом лежавшего дядьку, да так, что тот аж заскулил.

— Всем соблюдать тишину, мать вашу, и спокойствие! — чей-то противный голос вовсю раздавал распоряжения, явно упиваясь беспомощностью тех, кто ещё каких-то минут 10 назад неторопливо и чинно записывали что-то в свои смартфоны, а сейчас лежали теми самыми «мордами в пол».

«Сходил, сука, на тренинг личностного роста! Шизануться... вот ублюдки, подонки говнистые, докопаюсь до всех вас, твари ненасытные, гандоны штопаные... — Жека, безусловно, мысленно крыл этих «блюстителей закона и порядка». А, впрочем... Как бы он ни хорохорился, как бы ни начинал выстраивать стратегические планы будущей ужасной мести, как бы ни горел его зад и ни подмывало ущемлённое эго... всё-таки он растерялся. Растерялся и испугался, когда увидел все эти автоматы, чёрные каски, техничные приёмы «гостей» в форме, стоило им только ввалиться в офис информационно-консалтинговой компании «Эталон». Что произошло — вообще никто ничего не понял. Это был самый банальный воскресный тренинг, на котором рассматривались «проблемы информационного восприятия или «ловушки разума» — по крайней мере, менно так обещало название приглашительной листовки, что пару дней тому назад ему передала Лиза.

«Лиза, стерва... втюхала мне тренинг вонючий, а сама сдриснуда и не пришла, типа она «при-бо-ле-ла... резко отравилась...» Да так я тебе и поверил, кобыла ты объезженная... подозревал, что ты с гнильцой, но что насквозь прогнулась — неееет, того не знал» — Жека, как и многие люди, попадающие в тупиковую передрыгу, когда не знал, что делать, начинал искать виноватых, и конечно же, мгновенно их находил.

С Лизой они совместно работали где-то месяцев восемь над одним журналистским расследованием. Им его ещё бизнесмен один заказал — еврей такой пожилой, жаждущий справедливости. Они с Лизой ему даже погоняло нормальное не придумали, так и звали «стариком». Однако, стоило Жеке копнуть поглубже и разузнать то, ради чего его время щедро покупали, он понял: старику это всё не понравится. Дело даже не в политике, нет — скорее в том, КТО в эту политику залез и старика подставил. Его родной сын. Жека — он же Евгений Николаевич Холодов, в журналистике вращался лет под «цать». Уже и поседел, и волосы редеть стали — а ему всё не сиделось. То там работал, то сям: здесь одной ногой, там в полпятки; деньги рвал кусками, что давали, да и особо не заморачивался. Жека как-то ещё с журфака принял решение, что звёзд он хватать не будет, а хватать будет бабло. Вот и носила его нелёгкая, где ни попадя с тех пор. В изданиях он надолго не задерживался, последнему редактору лет 8 тому назад вообще горшок цветочный на голову надел — этих всех «альтернативных сексуалопитеков» она на дух не переносил, на ретриты с ними не ходил и вообще держался подальше от всяких новомодных тусовщиков. С семьёй не срослось, да и не парился он по этому поводу; делал деньги там, где это можно было и не очень сложно, кстати. Напрягаться? Ну, это тоже не Жекина тяга была. Что Холодов любил — так это совать свой нос и как пылесос втягивать тоннаж инфы и фильтровать её... Докопываться, прикапываться, закапываться и в итоге ломать лёд загадки или секрета какого-то — это для него был сущий кайф. И когда бывший сослуживец таких же журналистских кровей, познакомил его с Лизой — он

даже тогда сразу себе отметил: что-то не то с этой бабой, вроде и жопа на месте, и рожа не уродская, но всё равно — скользкая какая-то, как помесь рыбины, угря и ужа. Но, как ни странно, по делу «старика» они сработались — может, потому, что Лиза нашла в себе силы попросить Холодова о помощи, а может, потому что дело было интересное, глубокое такое, тягучее — всё как Жека любил.

Папку с материалами Жека подготовил что надо, но рука всё же дрогнула, когда он передавал эту папку старику. Он знал, что старик расстроится, но тот ничего — держался молодцом. Вздыхнул горько, спустил какую-то фотокарточку в шредер, да и рассчитался с Жекой по красоте, ка договаривались. Ну а потом... потом он пару дней просто прожигал в никуда: что-то курил, подался разок в клуб, задонатил пожертвование в фонд бездомных котов, зачем-то купил холодильник навороченный — короче, спустил нормальную такую часть денег на всё подряд, ибо, как он сам выразился «заслужил, скотина»! А, ну и с Лизой встретился — она его пригласила отметить дело. Ну, посидели они в кафе часок, а она как давай жужжать «Надо расти, развиваться, идти в ногу со временем, да когда ты был в последний раз на тренинге, да это же круто...» Жека макнул во всю эту муть только потому, что там, по рассказам Лизы, могли быть его потенциальные клиенты. Вот и приехал в это светло-радужное, мать его, воскресенье на тренинг «личностного роста», как это типично принято в Москве называть. И что в итоге? Морды в пол, ноги на ширине плеч, ни звука не издавать, дышать молча и размеренно и радоваться... радоваться, сукины дети, что вам вообще дышать позволяют!

Семён Павлович с любопытством глядел на «возмужавшее чадо науки», как он в последнее время называл Макса. Кажется, прежде тормозящий Максим Иванов уже начинал втягиваться помаленьку, голова у него перестраивалась, вон, вопросы, какие начал задавать. Прямо по делу, аж приятно. Любо-дорого посмотреть.

Семён Павлович откашлялся.

— В чём самая глобальная проблема человечества? Я точно могу тебе сказать, вот безапелляционно и с гордостью процитирую слова моего учителя: «Главная проблема — это скорость обучения» Я бы даже сказал, это центральная тема в 21 веке. И тот, кто в ней разберётся — по уму так, с чувством, с толком, с расстановкой — тому памятник при жизни поставят, не иначе.

Чуть погодя он добавил:

— Однако, я не думаю, что этому скоро суждено сбыться. А вся беда в чём? Да в категориях, которые сегодня используют. В аппарате, в статистическо-математических приёмчиках вместо логики... ну и в том, конечно, что заниматься людьми не хотят. Не хотят готовить людей, решать задачу их профпригодности, да кому это надо сегодня, сам рассуди. Пожалуй, только немногие и задумываются над тем, что скорость обучения регулировать можно, но обычно это всё — холостые одиночные выстрелы. Все за свои шкуры думают — как там-сям пристроиться, а по-настоящему актуальных научных исследований и не торопятся проводить. Ну, да мы это уже обсуждали. Система обучения человека — вот карьер где лежат алмазы! Вот научная тема самая перспективная и мощная! А у нас что... Эх!

Семён Палыч аж хряпнул гранёным стаканом о стол от недовольства.

— Впрочем, Макс, так не везде, — вот в Германии и в Израиле немного под

другим углом, но эти вопросы-таки упорно поднимаются — там сил не жалеют. Есть такое направление в психологии — когнитивистика. И в лоне когнитивной науки один известнейший, и я бы даже сказал умудрённый жизнью профессор, очень упорный трудится в направлении восприятия, мышления и самообучения человека. Я говорю про Герда Гигеренцера, как минимум его книгу «Адаптивное мышление» рекомендую к прочтению. Гигеренцер вообще прямо описывает, что никто не знает, по какой такой причине какой-то группе учёных, видимо, американской или ещё поинтересней взбрело в голову, что человечество когда-то мыслило математическими показателями. Нас с детства пичкают циферками, формулами, датами, паролями... а толку? Да никогда! Никогда человек не мыслил математическими показателями. Хуже, чем с цифрами, человек не обращается ни с какой иной субстанцией. Если ты хочешь допускать ошибки, Макс, обязательно используй цифры. Я к чему: количественные показатели для человека — это беда. Герд Гигеренцо очень подробно описывает, каким образом человечество постепенно и медленно, но упорно переводили на математическую логику. Другими словами, мир вокруг нас прототипологичен, и мыслить иной логикой, кроме как прототипологической, человек просто не должен.

— Но у нас с ней никто не знаком! — как-то горько рассмеялся Макс.

— Да, мой юный друг, некогда у нас появилась «наука» в современной её академической обёртке, короновали Математику. Потому как теория машин и механизмов — это спрос. Пару веков тому назад кому-то понадобились фабрики-цеха-заводы и вообще промышленные масштабы. Как понимаешь, тут на математику и пришёлся упор: теоретическая механика, автоматика, кибернетика развилась не по дням, а по часам в последствии, ну, и так далее. Промышленность была основной специализацией, самым востребованным сегментом научно мысли, в том числе. 20 век недаром называют индустриальной эрой: пришёл звёздный час конструкторов и инженеров; и да воздадим же должное — они были на высоте. Но помимо прочих равных условий, открытий, свершений и достижений, также все науки нематематического толка пытались перекроить на модный манер. Под раздачу попали и бывшая Королева философия, а с ней полетели в математические тартары и социология, культурология, антропология, психология и прочая гуманитарная «логия». Однако ж, философия стоит над всеми науками, то есть она мать всех наук, потому-то перекроить её не удалось. Она в ответ стала перекраивать математиков. И так возник серьёзный конфликт между точными науками и науками гуманитарными. Потому что гуманитарные науки всегда «говорили, а математические науки требовали шаблонов доказывания и проверки. И я ни капли не против математики и её методов — отнюдь! Но математический аппарат действительно хорошо для проверки, но совершенно неприменим, когда требуется совершить ОТКРЫТИЕ. Открытие позволяет совершить эвристическая модель, но никак не математическая модель. И этот конфликт касательно того, что математическая модель и открытия должна совершать, и проверять ИХ ЖЕ — да этот конфликт, по сути, длится по нынешний день, и останавливать его никто не собирается. А зачем? Слишком многим и так удобно.

— Семён Павлович, я вот физик, казалось бы — мне по ту сторону баррикад, где числа-формулы-эксперименты, однако даже мне понятно: математическая логика не безупречна. В жизни нередко математическая логика приводит к ошибкам. Человек сложнее интегралов, пределов или комплексных чисел. И если в математике

в уравнении « $a+v = c$ », то в жизни может быть всё, что угодно...

— Именно поэтому, Макс, я тебе и вталмучиваю: начинать учиться самому или учить людей требуется с перехода с логики математической на прототипологическую логику.

— Да, я это слышал 1000 раз, Семён Палыч, слышал; уже и обезьяна бы поняла... Прототипы то, прототипы сё... Вроде и ясно, но перейти-то как? Я же силюсь, всё читаю, что ты мне даёшь, что рекомендуешь, но пока что воз ныне там.

— А это, Макс, потому, что ты классику слабо знаешь,— лихо так, по-отечески улыбался историк,— но ничего, не журишь, парняга! Не Боги горшки обжигали, ничего, научишься...

Их забирали по очереди, одного за другим.

Холодов продолжал напористо дышать, уткнувшись носом в пыльный ковролин и силился собраться с мыслями. От его прежней мстительно злости не осталось и следа, и на смену пришла какая-то несвойственная боязливость. Жека обдумывал, что будет говорить, как он эффектно достанет журналистское удостоверение (благо, на этот раз корочка непросроченная), как он гордо потребует адвоката, как плюнет в рожу тому упырю, который пинал периодически его соседей, вс1 также валяющихся на полу, как какой-то мусор.. но нет, это не они мусор, это точно, и Жека ещё до них докопается...

«Интересно, диктофон в сумке найдут? Да уже поди обшарили... Вот братия, интересно, по чью они здесь душу, а? Вряд ли по мою, я человек небольшой, особоне светлса..вроде... Из-за старика? Но тот давно укатил в свою Испанию. Фиг его знает. Может, и просто попал под общий шмон и раздачу...ох, Лизка-Лизок, как же вовремя ты сюда «траванулась», если верить твоим словам, хитрая ж ты морда»... Дядьку справа уже подняли с полу и «вежливо» потащили в соседнюю комнату. ОМОН работал с рвением и полужвериным напором. Жека был на очереди. Пальцы сжались и побелели. Время почему-то начало тикать, как в плохом фильме начала 90х, с замедленной съёмке. «Соберись, Холодов!» — уже в который раз сам себе приказывал журналист, но почему-то это не работало. Минуты тянулись и становилось только хуже. Холодова подняли две пары сильных рук, поставили на ватные ноги и держа, как в тисках, повели на выход. Там они очутились в коридоре, где реально царило столпотворение: сновали другие омовцы, да что-то так рьяно, что паре молодцев по форме с Холодовым пришлось остановиться.

По коридору навстречу шёл высокий седой мужчина, по форме, без знаков отличия, шёл уверенно и неспешно. Ему наперерез двинулась была какая-то омовская рожа, но шедший простым жестом прямо перед его носом раскрыл удостоверение и...тот аж отпрянул, вытянулся как струнка и забарабанил что-то патриотично приветственное. Несколько человек тут же расступилось.

— Да вы занимайтесь, не отвлекайтесь, я ненадолго.

Наблюдая за этой сценой, Жека только и успел сообразить:

«Вот же ж... видно сразу — непростая птица, высокого полёта», — подумал Жека. Ему саднило в боку, жутко хотелось пить и вообще было страшно. И даже не от происходящего, а от бессилия и осознания, какой он всё-таки трус. И что ксива его журналистская против вот этих вот с автоматами— вообще не аргумент,

а других он и не имеет. Жеку втащили в какой-то крохотный кабинет, усадил на табуретку и предупредительно велели: «Не рыпаться и ваще не выдумывать себе на жопу приключений». Но приключений Жеке уже хватило выше крыши, он даже пару раз отчаянно себя ущипнул. Чёрт, всё было наяву, а не в кошмаре... Дверь в комнатку отворилась и сезам впустил неизвестного высокого мужчину. Как бы его описать... с одной стороны — ничего такого: высокий мужчина, скорее даже дед, гладко выбритый, со снежно-белым воротником, сдвинутыми бровями и таким лениво-изучающим прищуром. Но стоило ему взглянуть Жеке в глаза... Холодов впервые понял, что такое «словно ледяным душем окатили». Жека таких людей вообще никогда не видел. Ярко-зелёные глаза, такого глубокого оттенка, казалось, пронизывали его насквозь и вытаскивали наружу тщеславную душонку. Это был взгляд человека не из нашего мира, честное слово, в нём было что-то страшное и потустороннее одновременно.

— Ну что, долго тут сидеть и таращиться собираетесь, молодой человек? — с интонацией заинтересованного безразличия, не мигая, словно к воздуху обратился вошедший.

А у Жеки... ком в горле, холод в штанах душа в пятках. Всё, что он смог из себя выдать, было:

— ...здасьте... я тут вообще мимо проходил... — Да уж, всё Жекино красноречие и бахвальство сдуло мигом. «Я пропал, вот я дурак! Мне хана!» — крутилось в башке у Холодова.

— Рано себя хороните, — словно прочитав мысли, ответил ему незнакомец. Немного осмотревшись, он продолжил:

— Что за душная комнатёнка... не побеседовать, ни чаю выпить. Я думаю, нам не стоит здесь никому мешать, полезнее пройтись. Следуйте за мной.

Незнакомец снова глянул на Холодова — тот аж подскочил. Ноги словно обожгло, жажда улетучилась и где-то там, на подсознанке затаилась резвая такая мыслишка «Надо действовать беспрекословно»!

— Так-то лучше, — сказал седой мужчина, развернулся и пошагал прочь по коридору. Холодов тащился за ним, словно послушная собачонка, подпрыгивая на плохо слушающихся ногах. Как ни странно, их никто не остановил, я даже больше вам скажу — расступились и пропустили, и лифт вызвали с сопровождением.

— Действуем строго по инструкции! — отрапортовал омоновец, рьяно охранявший их непонятно от кого в самом лифте.

Незнакомец вывел Жеку на белый свет и указал жестом следовать за ним к машине. Холодов ликовал... ему вроде даже хотелось плакать от счастья! До него только сейчас дошло: какой-то седой старец, видимо, уважаемый вояка, только что вытащил его задницу из кромешного ада...

— Радуетесь Вы тоже рано, молодой человек. Садитесь в машину, потолкуем.

Из чёрной бэхи стремительно вылетел какой-то мужик, видимо, водитель, и услужливо распахнул двери перед незнакомцем. Тот сел в бэxu. Холодов последовал его примеру. Что его ждало дальше — одному Господу Богу было известно. И кажется, атеист Жека Холодов уже готов был в него уверовать.

— Логика прототипа, Макс — это не привилегия и не дар свыше. Это абсолютно воспитуемый навык, над которым требуется трудиться.

— А что она даёт, Палыч? Помимо твоего мастерского умения всё расставлять на свои места и обращать внимание на то, о чём простой смертный в жизни не догадается?

— Макс, где широта взглядов, где твой острый аналитический ум? Прототипология — то не для мальчиков средних классов, это для взрослых дядек. Тот, кто знает прототипологию — тому всё открывается, в том числе, и будущее. Даже человек, который никогда не занимался прогнозами, например, перейдя на прототипологическую логику, способен предугадывать любые события наперед. Он может делать объективные и точные выводы — такие, как ранее, без прототипа, не умел; способен давать оценки, классификации событий, разрабатывать тактику, выбирать её из множества возможных сценариев и так далее. Это и прочее — на базе прототипа.

Переведя дыхание, историк продолжал:

— А по сути, величайшее открытие моих учителей связано непосредственно с амальгамой. Амальгама, Макс, — это прототипологический взгляд на мир, другими словами, восприятие тех или иных событий на прототипологическом уровне. Что это даёт? Очень многое! Ну, вот возьмём за образец первый тип амальгам — исследовательский. Запоминай: первый тип из всех существующих амальгам — амальгама исследовательская. Это настоящая кладёз для учёного, поскольку без обиняков и реверансов позволяет впоследствии изучать и находить то, что невозможно найти и невозможно открыть. То есть, когда классические методы научные бессильны, и даже эвристические модели романсы, когда не просто нет ответов на вопросы, но даже вопросы сформулировать чётко не удаётся — вот тогда исследовательская амальгама проявляет себя во всей красе. Хочешь изучить то, что не под силу никому? Заглянуть туда, где Макара телят не пас? В чёрные зоны памяти мира? В таком случае бери на вооружение исследовательскую амальгаму, не иначе. Вот, к примеру. Что было 100 лет назад? Мы можем это исследовать — у нас всё есть: документы там, артефакты, сказания какие-никакие. Что было триста лет назад? Уже сложнее, но, помолясь, кое-как справляемся. А если стоит задача прознать, что было 200 тысяч лет назад? Очень легко исследовать даже события такой давности на основе прототипологической системы и амальгамы. Почему? А так как мы знаем, что мир прототипологичен несложно изучить, что было 200 тысяч лет тому назад.

— Но как такое возможно? — Макс вроде всё понимал, но червяк какой-то точил его и вопросов с каждой минутой генерировалось всё больше.

— Да было бы за что зацепиться, Макс! А дальше амальгама начнёт раскручивать исследовательский процесс таким способом, что он приобретёт форму, которую человек способен воспринять. Знаешь, исследование и картина изучаемого проявляется как фотография. Вот представь, что ты плёнку проявляешь. Изображение сначала мутное, потом полегонечку начинает приобретать черты. Вот что-то типа того и с амальгамой такого вида. Она проявляет события, а учёный или другой человек, применяющий амальгаму, обнаруживает ответы на свои вопросы.

Макс не нашёлся, что сказать, и просто вздохнул. Ему абсолютно понятен был образ проявляемой фотоплёнки, но совершенно неясно было, что с этим делать.

Семён Павлович же только приступал к основной части монолога.

— Кто не согласен со мной, пусть первый бросит в меня камень! Да провались я на месте, если со времён Евангелия человек хоть как-то изменился. В том-то и дело, что не изменился ни капли! Да ежели почитать на досуге Евангелие, несложно обнаружить: все проблемы, которые описываются в святом писании идентичны нашим. Люди ведут себя точно также в 21 веке, как они поступали в 12 веке. Почему в 12м? Да большинство учёных пришли к выводу, что события с распятием Христовым произошли-таки в 12м столетии, а не в первом веке нашей эры. Кое-кто, скажем прямо, увеличил историю почти что на 1200 лет. На самом деле, все немножечко не так происходило. Даже если теоретически скромно так присматриваться, ни претендуя ни на какие лавры.

Исследуя документальный материал, мы прекрасно понимаем: то, что написано в Евангелие, не могло происходить 2000 лет назад. Там есть такие вещи, например, сама письменность: она же только в 9м веке появилась. Не в первом же! То есть, официальные бумаги появились в 9м веке. А до 9го века никто читать не умеет. Более того, если учёные внятно говорят, что в 9м веке люди читать не умели, зачем им тогда вообще Евангелие? Кто его читать будет? По сути, такая история себе же противоречит. Но это же мы говорим «появление письменности», а извините, речь идет о повсеместном её распространении, а не появлении, а это ещё сколько лет должно пройти, исходя из общепринятой парадигмы? Так это только начало Макс, только начало. К слову, первые серьёзные бумаги — такие что, можно сопоставить с Евангелием,— появляются не ранее 15 века. Не ранее. И в таком случае возникает страшный вопрос: а волшебные Христовы походы — они-то куда смещаются? На век 13-й, не ранее! Это относительно вменяемая дата. Получается так: в 12м веке казнили Христа, иначе из чего возникают Христовые походы-то? Гроб Господень где? Чего ж в Христовый поход-то идти, если Христос жив-здоров, улавливаешь мысль? Вот и получается: в 12м веке казнят Христа, значит, было бы разумно в 13-м идти в Христовый поход. Потом в 14м сходили, потом ещё раз в 15м. Ограбили Восток за три века — пора и назад возвращаться. Безусловно, мы, историки, не просто так за этим наблюдаем: мы видим, что в 12–13 веке активно развивается письменность, появляются торговые документы и так далее и тому подобное. Уже к 15му веку это уже достаточно солидные документы, очень высокого уровня и качества. И вот, бьют куранты и наступает 1500 год — начало 16 века, соответственно. Что изменяется? Цветёт невероятно повсеместная письменность. То есть документов 16го века очень много сегодня найдено, в 15 поменьше, естественно, в 14м — ещё меньше, 13м — того меньше, а в 12 столетии писаний практически нет. И всё, что выхолдит за рамки 12го века — пиши пропало. Люди от науки требуют «Дайте хоть одну бумажку», — то есть жаждут получить ну хоть малюсенький, кривенький документик, лишь бы тех лет. Но 9–10–11 века — время глухое, с документальной точки зрения. Нужных и желанных бумажек днём с огнём не сыщешь. Потому как — их единицы и то — они толком не датированы. Хотя есть и приятные исключения. К примеру, Остромирово Евангелие датировано 9м веком. Это, по сути, первое существующее Евангелие, самое старое и древнее. И вот в чём очередная заковыка: Остромирово Евангелие написано почему-то на русском языке, а не на каком-то другом. Это тоже загадка всех загадок, но нас с тобой, Макс, эта загадка не интересует; нас интересует, что мы можем прототипологизировать мир, двигаясь назад, в историю, в память. Прототипологический блок генерирует реализацию автоматической системы

работы мировых механизмов на базе прототипов, а дальше, на их базе, мы видим весь мир без розовых очков.

Макс залпом выпил стакан компота. Компот, конечно, не особо позволял проникнуть в тайну прототипов, но так хоть голова посветлела. А Семён Павлович и не думал останавливаться:

— Мы с тобой люди серьёзные, воробьи стреляные. Мы понимаем, что Христос — это прототип, всего лишь на всего. И в разное время, разные люди, разные подходы использовали его, называя одно и то же в истории по-разному. Я тебе сейчас анекдотичный один пример приведу, и ты усвоишь. Невзорова знаешь? Отлично... Но как он издевался над московским патриархатом в прямом эфире, вряд ли смотрел. Да, я тебе эту передачу советую глянуть одним глазом. Короче, Невзоров приблизительно рассуждал вслух так: «Как там говорится? Я правильно излагаю, проверяйте: человек, сын Божий, который родился от непорочного зачатия, в конце концов был предан жестокой казни, и так далее и тому подобное, и он спас весь мир, все верно?». Ему представители Московского патриархата кивают: «Ну, приблизительно так, верно». На что Невзоров отвечает: «А с чего вы взяли, что я про Христа рассказал? Я про Геракла говорил!» — и полностью историю Геракла пересказывает, в точности, как в Евангелии события шли. Только Христа на кресте распяли, а того на костре сожгли. Но оба приняли такую же мученическую смерть. И куда бы ты не ткнул — везде будет один и тот же прототип с одним и тем же циклом: Дева, непорочное зачатие — это рождение; потом жизнь — учил, проповедовал исцелял, помогал; в конце концов его отловили, сожгли на костре или распяли — в любом случае предали казни. Зачем я тебе это рассказываю, Макс? Хочу показать на примере, что по сути своей это одна и та же история, всё едино. Так, идентичный цикл проходит, потому как один прототип вращается сам по себе, а интервалы его вращения мы не замечаем чаще всего, потому что даже логики у нас такой нет.

— Ты хочешь сказать, что есть некий прототип, он вращается каким-то способом, первое вращение или виток в истории мы условно помним, как жизнь Геракла, а второе вращение того же прототипа — как жизнь Иисуса Христа?

— Да, так и есть, Макс. Один прототип — но разные названия. А суть и качество от этого вообще не меняется — всё те же события.

— Но в таком случае... как скоро вращаются эти прототипы? Раз в сто лет или как?

— А вот этого никто не знает! Скорость вращения прототипов, как я полагаю, это загадка всех загадок, и тот, кто разгадает такую загадку, сможет будущее человечества прогнозировать безупречно. Но пока никто не знает, с какой скоростью прототип вращается. Вот, ещё пример, обрати внимание, дабы немножечко ощутить вкус прототипологии: жил да был некто Паловичини на Сицилии в 17м веке. И он, покусившись на уровень Маэстро, на базе францисканской системы фехтования, пытается разработать собственную систему, в результате чего пишет двухтомник. Все великолепно. Забыли 17й век, двухтомник жив и сегодня в итальянской библиотеке. Теперь представь, что Палавичини — это прототип. Давай теперь искать последующий виток — это 39й год, если я не ошибаюсь. Именно в этот год выходит книга по «Самозащите без оружия» под авторством Нила Ознобишина, которая в точности повторяет учебник Паловичини. Затем происходит вращение прототипа дальше и буквально через несколько десятков лет Брюс Ли, в Америке, пишет

пятитомник, который снова-таки повторяет учебник и Ознобишина, и Палавичини: у них с Ознобишиным даже фотографии одинаковые! И это невозможно не заметить. И проверить легко. Такое ощущение, что один фотограф снимал всё, что там у Брюса и Нила нарисовано. То есть, вот прототип начал вращаться в 17 веке, хотя он, скорее всего, и до того момента начал вращаться, просто я не знаем другой точки вращения. А затем наступает 1939 год, здесь следующий виток прототипа. Чуть погодя, в 70-х Брюс Ли пишет ту же самую книжку на английском языке — вот так проявляется вращение прототипов. Вот такая вот неприятность...

— А почему вдруг неприятность? — Макс вопрошающе смотрел на историка.

— Знаешь, если бы кто-то мог вычислить количество прототипов в обороте, строго их описать, а затем сработать каким-то способом, чтобы вычислить интервалы вращения прототипов, описать, с какой скоростью они вращаются, тогда бы будущее человечества было предельно понятно. Ну а мы сегодня мало что об этом знаем и вряд ли скоро какому-то пониманию придём... Да рассказывай я то же самое не тебе, Макс, а какому-то академику — да он бы мозгами бы двинулся, скорее всего, или начал бы истошно спорить, чтоб хоть как-то спасти разваливающуюся картину собственного эго. Всё всегда не так, как мы думаем. А так, как ведомо прототипу. И без толку математико-статистическими методами хоть что-то прогнозировать для человечества. Это толку не имеет.

И вообще, на моей памяти последними прогнозистами — прекрасными и бесподобными — и были братья Стругацкие.

— А они что, знали всё это? Амальгаму, прототипы? — Макс чуть не подскочил от удивления.

— Кто знает, кто знает... Лично я не в курсе, могу только предполагать. Моё дело — дать тебе объективные данные и исходную пищу для ума. Дальше — шаг за тобой.

Грег не имел привычки колебаться в собственных решениях. Он думал медленно, а принимал решения быстро. И никогда не действовал наверняка. Может, поэтому ни в одном решении за всю свою жизнь он не разочаровался и не испытал сомнения. Идея пригласить раввина в качестве оппонента и единовременно помощника оказалась одной из самых перспективных и богатых на отдачу. Ребе своё дело знал и не взирая ни на разницу в возрасте, ни на разницу в положении, с Поповым особо не церемонился. Он редко выражался прямо, чаще всего изъясняясь загадками. Тем самым ребе создавал пылливому уму Грега настоящие рабочие условия, за что тот ему был только благодарен. Однако, нельзя сказать, что всё было гладко или что понимали они друг друга с полуслова. Бывало, спорили, бывало и жарко. Особенно, ели речь заходила за историю — за эту даму лёгкого поведения, как её навязывал Попов. Ребе категорически не был с ним согласен и говорил, что проникновение в историю — это таинство. Впрочем, не ради мистики, или загадок, или прочих сентенций Попов заводил эти дискуссии. Перед ним стояла задача подготовки состава. И несмотря на совокупный прогресс в исследованиях и практических успехах, был такой камень преткновения, который просто «ни в какие ворота не проходил» — это была скорость обучения. Вот представьте, вам нужно подготовить офицера разведки, сколько времени вам на это понадобится?

«Все люди разные!» — подумаете вы и будете, конечно, правы. А что делать, если времени нет, на носу — война, люди не готовы, отправлять их на верную смерть — этот вариант даже не рассматривается... Что делать, если скорость обучения нужно регулировать?

Ребе серьёзно смотрел на учёного.

— Пора бы уже определиться, с чего требуется стартовать. Что бы Вы там себе ни думали, первое с чего начинается обучение — и неважно в каком профессиональном поле — это всегда философия.

Попов слушал, не перебивая.

— У нас так учителя говорили: нет философии — стоп. Больше ничего не надо. Закончили разглагольствования. Уже учиться дальше не нужно, без философии-то. Все остальное работать не будет.

— Почему так? Как объясните, ребе?

— Существует весьма серьёзная причина, почему философия — основа всякого обучения. Что такое Философия, как полагаете?

— С морей точки зрения, философия — это наука о создании собственной религии. Вся задача философии — научить человека, как создавать собственную религию.

Ребе был несколько удивлён такой формулировке, Попов же продолжал:

— Что это даёт? Первое — освобождение от всех остальных религий, они попросту мешают. Буддизм, индуизм, прочий «изм» — всё неэффективно никак не позволяет в жизни решать практические задачи. Во-вторых, если вонне условия наступают иные, то к переменам человек готов, поскольку он способен в любой момент времени вы можете перекроить свою религию, когда ему только заблагорассудится; взять и поменять под определённую задачу. Надо будет — да хоть сто религий создаст. Так или иначе, философия — это огромная система, необъятная машина и посредством эксплуатации таковой машины можно создать любую религию. И все философы Нового времени прекрасно этот подход продемонстрировали. Вам ли не знать, ребе, что Спиноза, например, так и написал в конце своей жизни: «Я может нашёл не самую лучшую философию, но эта философия привела меня к истине». Кант, создал учение, которое поставило всю Европу на колени. Другими словами, Кант дал альтернативу христианству. Спиноза — тоже дал альтернативу христианству. Все философы фактически разными методами боролись с христианством. И Юнг, и Локк, оба британца, терпеть не могли Ватикан. Да и Декарт отрицал всё, что было можно отрицать и восклицал: «Только идиоты могут поверить в то, что вы на словах проповедуете!» По сути, великая пятёрка философов на своём же примере и показала, что религий может быть не одна-две, и не пять-шесть — а сколько угодно. Одна другой эти религии у них были краше. Только они же люди разумные были, и на костёр угодить не хотели, а потому тактически действовали грамотно, отчего и прослыли великими философами, а не кем-то иным. И как бы там ревнителю веры ни кричал, что менять религию — это богохульство, философия заявляет: менять можно всё, что угодно. Пуская религия не меняется, нам с того что? Главное, мир меняется и нам приходится каждый день с этим что-то делать. И тут без философии — никуда.

— Допустим, в этом ключе вы подкованы, герр Попов, даром, что ли пребывали в стенах Гейдельберга. Но понимаете ли Вы, что философия даёт человеку для обучения? Ведь одной философии мало...

— Для этого, Ребе, я Вас и пригласил. Чтобы Вы меня внимательно слушали и корректировали, если я внезапно увлекусь... Итак, что бы мы ни говорили, философия в руках разумного человека может творить чудеса. Прежде всего, она позволяет разобраться, что правильно, а что неправильно. Определить, «что работает — что не работает», какие идеи «верны-неверны», какие требуется оставить, а какие опровергнуть, так сказать. Всё эфемерно на уровне мысли — думать можно по-разному. Исход может быть разный. И вот самое важное на мой взгляд в том, что философия может определить верный подход к поставленному вопросу. То есть философия может научить подходить к вопросу грамотно. И грамотно искать и находить прототип воплощения идеи и разрешения задачи.

Раввин улыбнулся.

— Снова ваше коронная Прототипология. Впрочем, противоречий я не наблюдаю.

— Благодарю Вас, ребе. Однако, я не закончил. Следующий немаловажный аспект: разные жизненные задачи требуют разной тактики при их решении. «Где же здесь философия?» — спросите Вы. В том-то и соль, что философия порождает тактику. И порождаемая тактика должна быть такая, чтобы она соответствовала прототипу. То есть система должна быть единым целым между собой. Нельзя выбрать прототип, который этой философии или тактике не соответствует. Что мы получаем в итоге: чтобы себя обучить нужна философия, тактика и прототип. Вот такая триада! И планируется она заранее: нет триады — нельзя приступить к обучению. Подбор таковой триады, пока что на данном этапе — достаточно длительный процесс, зато процесс обучения очень короткий. Если уметь с этим обращаться.

Раввин улыбался уголками глаз, идея триады ему очень нравилась.

— Но это не финал. Чтобы учиться, нужен сердечник. Например, я разведчик и мне требуется уметь работать с ножом. Или проводить допрос. Да неважно что: в любом случае под каждую персонажную модель прежде требуется собрать сердечник — исчерпывающее число двигательных и элементов, их разрешающих.

Попов шагнул по кабинету и рассуждал вслух, словно никого более и не было.

— Сборка сердечника — вот одна из важнейших проблем обучения, то есть нужно собрать сердечник, который реализовывал бы тактику. Да, тактика непременно требует сердечника, то есть инструментов реализации. А собрать нужный сердечник — это же какую серьезную исследовательскую надлежит провести. Иначе не понять исчерпывающе количество существующих тактик и исчерпывающе число технических элементов сердечника. И вот как быть с сердечником? Нет у меня пяти, да даже двух лет нет, чтобы всё это передать... Воистину — скорость обучения — самая главная проблема всего человечества.

Ребе прокашлялся, тем самым давая понять, что есть у него пару-тройку идей по этому поводу.

— Вот Вы, герр Попов, всем сердцем верны прототипологии и её трансцендентной логике. Так почему бы Вам и не задаться вопросом, а какие воинские системы в истории обладают самыми мощными воинскими прототипами, а значит, и философией, и тактикой, и сердечниками?

— Испанская Империя и Российская империя — обладатели самых мощных базовых систем в истории. Всё прочее — последствие этих двух империй. Кто мог ранее им противостоять да сопротивляться: только Британия и Франция, в те времена. Но Франция — это винегрет...

— Погодите, герр Попов. Может, и винегрет, а может, и прекрасная модель для Вашего исследования. Полагаю, не стоит Вам напоминать, что и испанцы жили при французском дворе и прекрасно себя рекомендовали. Пример тому может быть даже герой, Вам хорошо известный Луи де Клермон, сеньор де Бюсси д'Амбуаз — достойнейший дворянин испанских кровей.

— Вы хотите обратить моё внимание на наследие Дюма?

— Могу лишь только порекомендовать, — последовал ответ.

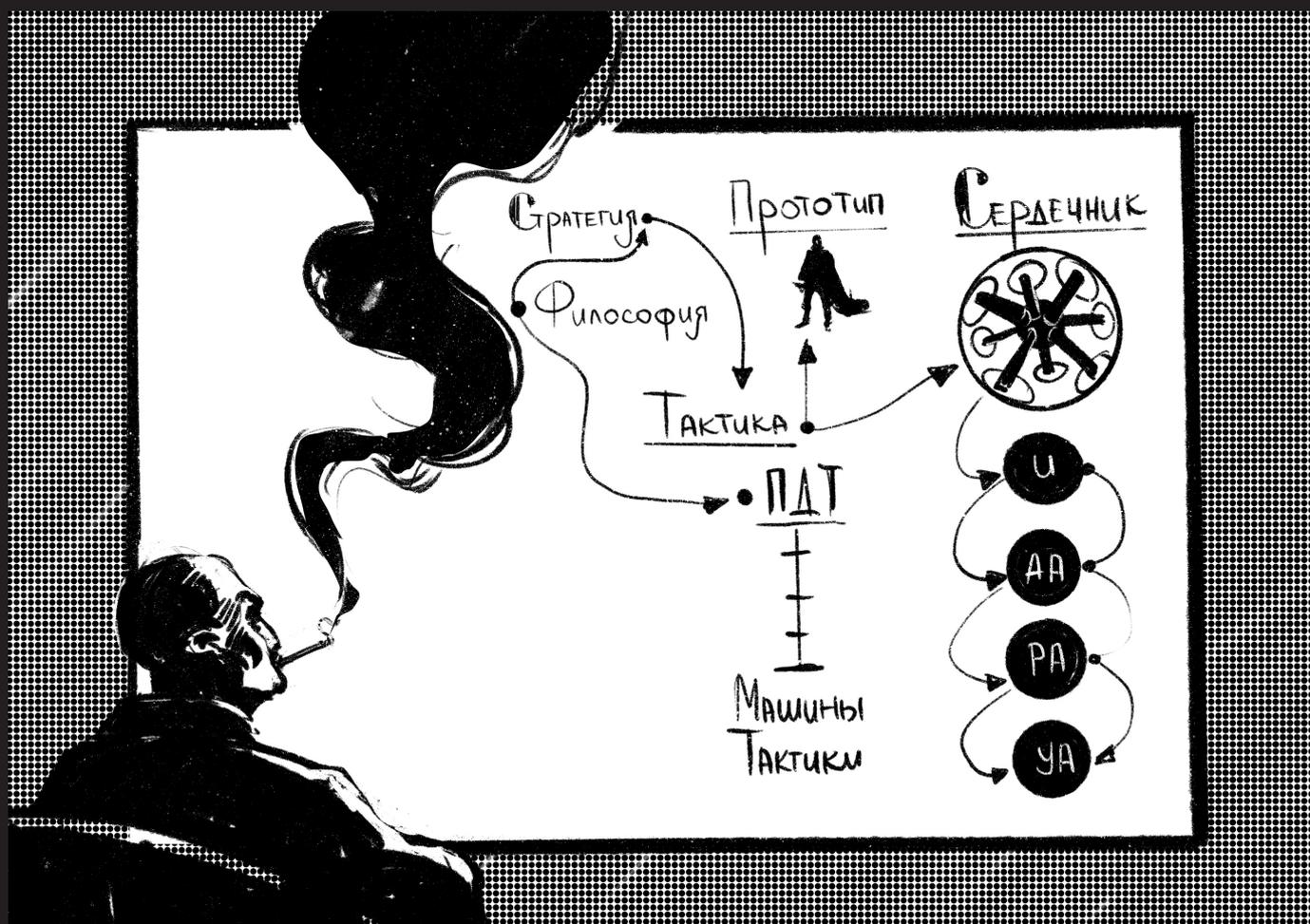
— В любом случае, подхватил Попов, — исходя из прототипологии самых мощных и победоносных систем мы наблюдаем два блока: испанский и русский.

— А прочее, продолжил ребе, — есть лишь отражение их вовне. Лишь последствие этих двух систем. Например, зная немецкую систему, исконно норманнскую, если быть точнее, нет неизвестного в Японии — ибо Япония есть предложение и отражение норманнской традиции сквозь особую призму. Теперь же рассудите про испанскую русскую системы...

— Испания и Россия... Как это верно! Эти две империи никогда не воевали друг с другом! А это уже многое даёт! Разберись я с философией, с тактикой, разберись с сердечником, с прототипом — а дальше знаю, что делать! Превратить полученные данные в систему обучения на базе амальгамы. Видимо, я всё-таки напишу учебник по амальгаме, да и не один. Любой человек очень быстро запоминает амальгаму, а значит, прочитав учебник, который ещё и интересен к тому же, в результате амальгамного обучения к последней странице он уже всё будет знать. И никогда не забудет.

— В вас заговорил мистик, герр Попов.

Грег только улыбнулся. И вспомнил свою мать. Ах да, раввин пока ещё не знал, к какому роду принадлежала его мать-врачеватель. Но то уже совсем другая история.

Холодов, от страха уменьшившийся в размерах как минимум вдвое, подозрительно смотрел на своего собеседника. Он представился как Виктор Павлович, генерал-лейтенант, доктор военных наук. Интеллигентнейший человек сидел напротив него и наливал черный чай. Но стоило Виктору Павловичу посмотреть на Холодова... как тот просто терялся в пространстве и времени. От тёмно-зелёных глаз никуда было не деться и не скрыться, и почему-то такого зрительного контакта ранее бесстыжий и наглый Жека теперь намеренно избегал.

— Да Вы не стесняйтесь, молодой человек, хотите кофе, хотите морса? Нет? А зря, морс здесь просто дивный.

Они сидели в одном из дорогуших ресторанов в сердце Москвы. В сердце Москвы, озарённой редким солнцем в это время года. Сидели, как ни в чём ни бывало, как будто полчаса тому назад не было этого цирка омоновского, не было этих тычков под рёбра и всей тягомотины. Просто сидели двое мужчин и вели праздную беседу.

Жека как вспомнил вереницей всё, что увидел, так и почувствовал первые позывные тошноты. Его тошнило от всего. От этого государства полицейского, от его профессии, в которой к спине ему прибили ярлык «журналюга», от осознания собственной беспомощности... Осознание бессилия вообще добивало прикладом по башке основательно: Жеку буквально тошнило от самого себя. А тут ещё этот воспитаннейший двухметровый Виктор Павлович: внешне — добрейшей души человек, а как взглянет своими глазами — всё... как будто ты мгновенно в отражении его глаз видел себя настоящего, со всеми своими дуростями, нечистотами, грехами и скелетами в шкафу.

— Говорить можете, Евгений?

Жека решил не спрашивать, откуда собеседнику известно его имя. Уж слишком банально бы прозвучал вопрос.

— Да, конечно. С чего начать?

— Пожалуй, с Ваших собственных соображений, как так получилось, что вы оказались в столь нелицеприятной ситуации.

Жеке скорее было важнее понять, почему ему выказали такое почтение и повезли в ресторан вместо... ну, вместо другого учреждения, куда бы ему вообще не хотелось попасть. По-прежнему пытаюсь согнать ком в горле, Холодов начал.

— Ну, я тут недавно проводил одно расследование журналистское по делу некоего старика-еврея и его бизнеса...

— Журналистика — это Ваша основная деятельность?

— Так точно, Виктор Павлович, — неожиданно для себя же рапортовал Жека, который и в армии-то не служил (откосил с плоскостопием).

— А какое у вас хобби, Евгений? Чем балуетесь в свободное от заработка денег время?

У Жеки опять что-то сжало внутри. «Лиза этого не знала... мы с ней ни разу не обсуждали... значит, скорее всего, она ни при чём, — размышлял Холодов.

— Даже не знаю, как сказать..., Пожалуй, всё началось ещё в 2012 году, это были те самые майские события на Болотной площади. На самом митинге я не присутствовал, хотя и планировал, но единственное, что удержало — жестокая болезнь отца, он у меня тогда угодил в больницу в Магнитогорске, пришлось ехать. Пока я возился со всеми этими болячками, всё и произошло на Болотной. Впрочем, меня поразили не сколько сам митинг и его адский бесправный разгон, а череда событий, за ним последовавшая. Суды, тюремные заключения, обвинения, море вопросов без ответа... всё это выглядело, как чей-то плохо прикрытый произвол, на манер суда Линча. Вот только мы не на Диком Западе, а по идее, в демократическом государстве живём. По крайней мере, так хотелось думать.

Жека остановился, словно припоминая череду событий, за которыми он наблюдал со стороны.

— И чем ты решил заняться далее?

— Пока батя шёл на поправку, у меня было куча времени. Я смотрел во все глаза, и кое-что лично меня почему-то зацепило. Это как-то спонтанно произошло, но я попытаюсь объяснить. Понимаете, я люблю литературу. Вообще, с детства книжки читал — что конфеты глотал. И с годами эта тяга не пропала. Да я на Литресе кучу денег оставил, море книжек купил. И вот, пару лет как назад я замечаю, что мне вместе с книжками, этот ресурс настоятельно рекомендует послушать лекции некоего критика, публициста и современного писателя — Дмитрия Быкова. Я подумал, а почему нет? Взял да купил лекцию одну, вторую, третью... так дошёл до разъяснений Быкова про Пелевина. Не могу сказать, что лично я — фанат Пелевина, скорее просто считаю необходимым быть в курсе событий. И Вот Быков начинает нести какую-то несусветную чушь, описывая Пелевина как сектанта, человека не по аппетитам жующего хлеб эпохи, вообще виновного в еретических кознях против российского самосознания и загадочной русской души. Я тогда себя ещё на мысли поймал «Да кто такой этот Дима Быков и чего я его не знаю лично, он же вроде москвич...»

Начал, короче, расследовать, кто такой Быков. Регалий у него сегодня, конечно,

что у Суворова на кителе — некуда новые прибавать. И вот докатился я скоренько до событий на Болотной площади — и что я вижу: на площади был? Был. Митинговал? Митинговал. Но кончил почему-то не так, как его собратья — не в судах со штрафами и вытрепанными нервами, с нулевой перспективой в дальнейшей карьере... Нет, он словно сухим из воды вышел и резко, именно резко, пошла его путь-веревочка вверх виться. Короче, всех посадили, а Быкова не посадили. И Диме многое позволено, от чего другие по мордасам нормально получают: он может и критиковать, и нелестно высказываться время от времени про текущее правительство и его змеиную голову, и хоть бы хны. Его никто не трогает. Как и Ефремова, впрочем, несмотря на всего гадкие стишки и выступления, как это было «Великого Пу», которого типа никто не боится или про мавзолей, на котором сегодня ЛЕНИН написано, а завтра... только три буквы поменять — и новая фамилия появится.

Но такое отношение, покровительствующее, что ли, только к Быкову да Ефремову. Вон, Макаревичу, уважаемому мужику, стоило пару песен под гитару записать да в ютуб выложить — всё, минус концерты и куча геморроя.

Почему такая несправедливость? Что тут не так?

Короче, плёл я ниточки от этой Болотной площади, слушал разные мнения, копал, мнения альтернативные искал — смотрел передач по Рейн-ТВ — ну, это канал «Дождь», типа нероссийская платформа, иностранная. Так что выяснилось: Быков там — родной человек. Вторым таким же резвым и родным спикером типа альтернативного Дождя является Ксения Собчак — вроде как и оппозиционер путинский, а с другой стороны, подпевала та ещё. Да, когда надо, Ксюша нормально так тянет песню в пользу нынешнего правительства. Ярчайший прецедент — дружба с Навальным, которая для последнего очень плохо закончилась. Вроде Собчак так его поддерживала, аплодировала, в кадре с ним светилась... А как затащила его на студию в свою передачу, просто разорвала Навального, как тузик грелку. Именно разорвала... я журналист, мне ли не знать, как это делается.

Переведа дух, Жека стал рассказывать дальше:

— Собственно, вот так оно всё и было. Сбирал я факты один за другим, не как основное занятие — а так, размеренно, как хобби. Даже стыдно признаться, стал знатоком деятельности этого одиозного подпевалы — типа знатока литературы — Димы Быкова.

— И какие же выводы ты сделал по этой персоне, Евгений?

— Дмитрий Быков — Эдакий тец, которого так и тянет назвать «федеральным просветителем», потому, как и ежу понятно, чьи интересы он освещает, чьи идеи доносит до электората. Так вроде что-то своё рассказывает, детей учит, открытые уроки ведёт — а рррраз как что-то занадобится нынешней власти — тут же «читает лекцию» или интервью даёт — да всё под нужным углом. Короче, чую я, под покровительством или вернее, под указкой какой службы он находится, и не только он. Да это вообще искусственная такая шайка-лейка, типа «моська, которая лает на слона» и слон ей милостиво прощает, но не потому что он слон, а потому что слону так надо. Надо, чтобы другие моськи на это всё глядели и жили в иллюзии демократической погоды в царстве, типа для мосек существующем и их, мосек, оберегающем. На деле — всё это — управляемая оппозиция, абсолютно рукотворная, как кукольный театр на верёвочках; и что Быков, что не Быков — всё это ложь и выгодно-угодное шоу. Кому угодно — понятно... — с досадой пыхтел Холодов, уже совсем не думая и не заботясь о последствиях сказанных им слов.

Терпению и упорству Макса стоило позавидовать. Какими бы громадными томами ни снабжал его Семён Павлович, он мог ночами напролёт читать, изучать, сопоставлять, анализировать — и оторвать Иванова-младшего от этого было невозможно. Мать пробовала — было что-то ему сказать, как-то урезонить, но отец резко её отстранил от обязанностей чтения нотаций и отправил на кухню печь пироги да делать варенье. Вера Марковна поначалу была в шоке от подобного обращения, но потом как-то улеглось всё, и она просто молча наблюдала за происходящим и не мешала сыну учиться.

«Верно сказал товарищ Пиккуль, что настоящее образование начинается после образования», — философствовал Макс. Было около четырёх утра, но перешедший на совино-ночной образ жизни молодой человек жадно читал книжку про европейских мистиков. Не прекращая удивлять новым горизонтом, Макс каждый день, ведомый твёрдой рукою Семёна Павловича, открывал для себя что-то новое. Вот и сейчас, изучая европейский мистицизм, Макс знакомился с его важнейшими фигурами или «персоналиями», как их называл Палыч.

В общем и целом, Макс вынес примерно следующее: «мистики» прежних эпох и наши современные представления о мистиках — это как две прямые, которые в Евклидовом пространстве никогда не пересекутся. Оказывается, раньше мистиками называли... учёных! Макс был в восторге. Ньютон — мистик, каково Вам? Кант, Ницше, Платон, Сократ, Бергсон, Хармс, Джамбатиста Вико, Джордано Бруно... Лица мелькали, как в калейдоскопе. А были ведь и такие деятели, которые ну просто настоящие чудеса творили! Взять хотя бы и Беренштейна, Попова, Бехтерева!

Бехтерев был один из самых выдающихся мистиков в области психиатрии. То есть, демонстрации его способностей не просто поражали, да люди с ума сходили от того, что наблюдал воочию! У него незрячие видели, лежащие вставали ходили, он только мёртвых там не оживлял, а все остальное демонстрировал. Его при жизни считали Иисусом Христом. Так и называли... Бехтерев был первым человеком, который написал двухтомник гипноза, первый учёным, написавшим «Внушение и его роль в жизни». То есть никто после него подобного рода книги не писал. На таком уровне, профессорском ни один человек не написал ни одной основополагающих книги для психиатрии в всём мире. И Бехтерева знали повсеместно точно так же, как и Беренштейна. А господин Беренштейн, чьим отцом был раввин, оказался тем следующим мистиком в науке уже советских времён. Лауреат двух Сталинских премий, нейрофизиолог, Директор института труда в Екатеринбурге. Величайший мистик нейрофизиологии, учёный, описавший «теорию построения движения», «уровни нервной системы», «кольцевую функцию рефлекса», человек, который вывел модель будущего. И это всё — один Бернштейн. А Менделеев? Эйнштейн? Курчатов? Да все до одного были мистиками. Разве не мистика само по себе деление ядра? Заставьте ядро делиться. Сорвите эту ядерную реакцию, попробуйте. Это нужно быть и физиком, и математиком на стыке наук. А теперь попробуйте Курчатов не считать мистиком, ну же, бросьте вызов...

Что и говорить, Семён Павлович был невероятным врачом от такого заболевания как «беспросветный 21 век». Он мог делать то, что сегодня немногим под силу: учить людей учиться. Вот и у Макса как будто что-то сорвало внутри, как пломбу или чеку невидимую. Его больше не нужно было заставлять, уговаривать, провоцировать — Макс шёл только вперёд, как бронепоезд без тормозов. Сварливый, на первый взгляд, историк сумел Макса увлечь настолько, что у того наконец-то пробудилась какая-то тяга к жизни и вера, что он идёт в правильном направлении.

«История — отличный учитель. Всё вокруг — лишь вращение прототипов, та значит, всё уже когда-то было, свершалось, взмывало и увядало. Мир покоен и логичен, только люди снуют как муравьи со своими мыслями по этому поводу. И что делать именно сейчас — то же понятно: важно добирать обойму знаний, чтобы начать быстро разбираться самому. Пока, конечно, непросто, но ничего. Как говорит Палыч, «не Боги горшки обжигают». Вообще: если я хочу действительно чему-то научиться, буду идти по схеме Палыча. У него школа за спиной ого-го какая. И хоть и пропотее изрядно над всеми этими амальгамами, прототипами, философиями, сердечниками — зато я знаю, ЗАЧЕМ я иду этой дорогой и ПОЧЕМУ.

— А ты смыслённый малый! — почему-то безразличный ранее Виктор Павлович живо улыбнулся. — Но позволь задать вопрос: вот додумался ты, откуда у кого ноги растут. Понял суть и структуру, как ты выразился, управляемой оппозиции. А толку?

— Я знаю правду! Я не такой, как все и терпеть это не собираюсь! — вспылил Жека.

— Ой ли... — протянул его загадочный собеседник. — Что-то непохоже, что ты так же кумекал, когда собственными соплями и слюнями удобрял сегодня чужой пол. Парень ты башковитый, повторюсь, но что с того?

Виктор Павлович словно вздохнул и пристально взглянул в глаза Холодова.

— Допустим, ты прав и всё понял под чистую. Пожалуй, ты неглупый парень, раз видишь больше, чем видят другие. Но запомни: ссать против ветра — то ещё «удовольствие»: останешься весь в экскрементах.

Жека раскрыл было рот, но Виктор Павлович повторил ещё раз:

— Запомни эту картину: как ты ссышь против ветра. И никогда не забывай. Вот что ты творил до этого дня. И вот причина, по которой ты сегодня вляпался в эту паскудную историю.

Тут Холодова словно по башке огрело кувалдой, и он внезапно совсем другими глазами оценил происходящее и цену нависших последствий.

— Вы ведь... спасли меня? Но зачем? Как? Вы же... не знаете меня совсем... да не знакомы мы, по крайней мере, я Вас не знаю!

— Ну, положим, ты прекратишь верещать как баба, а я тебе просто отвечу: тебе случайно повезло. Вместо радушного приёма омовцев ты беседуешь со мной и в ус не дуешь. Чай пьёшь. И я пью. Будем считать, что я не люблю пить чай в одиночестве. Иногда предпочитаю, чтоб мне кто-то составил компанию. Например, ты, а почему нет? Вроде не дурак, есть о чём поговорить, что обсудить. Потенциал-то твой Москва не вышибла, что-то ещё осталось.

— Спасибо Вам, Виктор Павлович. Я даже не знаю, как Вас благодарить... Не хочу представлять, как для меня всё это могло закончиться, если бы не Вы, — дрожащим голосом говорил Жека

— А с чего ты взял, что всё закончилось? — холодно остановил его изливания незнакомец. — Боюсь, всё только начинается...

— Но ведь Вы... — Холодов уставился на собеседника широко распахнутыми глазами.

— Я всего лишь помог тебе кое-чему научиться. А мне уже пора. Я сделал то, что должно; дальше дело за тобой.

— Но как мне быть? Что делать? — Холодов буквально растерялся.

Виктор Павлович пристально посмотрел на него и словно самому себе сказал:

— Что ж, любопытный пассаж может стать, почему бы и нет. Хотя бы даже в качестве эксперимента. Держи, это тебе.

Он снял наручные часы, какие-то раритетные, тяжёлые, и протянул их журналисту. Тот замер, буквально не дыша, не понимая, что происходит. Незаметным движением Виктор Павлович также извлёк портмоне и вытащил из него фотокарточку.

— Однажды, достаточно скоро, в одном богоугодном заведении, ты встретишь вот этого человека, — Виктор Павлович показал ему фото мужчины средних лет. — Как узнаешь — не трать время, почём зря.

Смело иди к нему, показывая эти часы и проси помочь. Иначе, никто не знает, чем для тебя всё это закончится. Честь имею.

Незнакомец, неслышно ступая, в одиночестве вышел из ресторана.

ГЛАВА 9. КУРЬЁЗЫ НАУКИ

Прошло только полчаса, но Макс уже понял: эта передача никогда не выйдет в эфир. Семёна Павловича Хейзенвальда от имени телеканала «Культура» пригласили на так называемый круглый стол. По идее, предвещалось нечто дискуссионное, что впоследствии планировалось подытожить в виде передачи да и выпустить ко дню Знаний. Но кое-кто из приглашённых, видать, искренне покусился на регалии профессора, знаменитого историка и «вообще бриллианта украинской науки», но при этом совершенно не учёл характера Семёна Павловича, из-за которого, собственно того нечасто куда-то звали на публичные мероприятия. Говорил он, как Макс знал не понаслышке, прямо, в лицо, без всяких там толерантностей. Нет, ну что, вы: поначалу всё шло даже очень прилично, пока историка не завели, с каких-то пол-оборота...

— Какая там у вас наука... передовая? — Семён Павлович словно обнажал эфес шпаги, — Какой там у нас в 21 веке прорыв? Научный? Вы действительно полагаете, что такой тезис стоит вот так неприкрыто лоббировать? Да ни в жисть я с Вами не соглашусь, коллега! Увы и ах, сегодня в мире представления о науке весьма ущербные, ибо, она, эта наука, кем-то или зачем-то серьёзно покалечена!

И что Палыч дальше говорил, никому не понравилось.

— На секундочку обратите внимание: нынче даже идиоту понятно, что научный порог, на котором мы топчемся, он смешон по определению! Ну, вот смотрите, пример приведу. Нейрофизиолог — он что делает? Да рассматривает человека как нервную систему. Но разве это человек? Нет. То есть, медицина рассматривает человека как ухо, горло, нос. Разве это человек? Нет и снова нет. По сути, уже в подходе к объекту исследования изначально существует ошибка, она заложена априори. Да будет вам известно, что система любая (ухо, горло, нос и так далее) — она же в составе какой-то другой системы находится. А значит, подчиняется правилам системы более высокого порядка. А почему мы не рассматриваем эту высшую систему? Почему рассматриваем только «ухо, горло, нос»? Сейчас я вам ещё загадочку покажу, граждане учёные. Вот «психика» — вроде у каждого из нас есть — всё же мы люди, нет? А что вы про психику свою знаете? Да что вообще науке о ней известно? Множество мнений? Нет, НИЧЕГО неизвестно! Как только над ней не измышляются в этих ваших школах, чем только ни обзывают: то функцией памяти, то частью сознания, то трансцендентным механизмом, то генетической, прости-Господи, субстанцией... А может, всё-таки, психика — это механизм взаимодействия памяти и сознания? А? Вот и приплыли, дамы и господа «в тупик науки»!

Помимо Семёна Павловича в студии присутствовали ещё четверо учёных и ведущая — девушка такая скромная, явно неожиданная явления красноречивого Хейзенвальда, а потом растерявшаяся донельзя. Зато доктор исторических наук уже обнажил шпагу объективности и был готов ею сечь любого встречного-несогласного.

— Вот я задам вопрос, который вы все умалчиваете. Почему наука сегодня становится ни на что не способной? Потому что любой ученый, изучая человека, ещё на начальном этапе исследования — выборе подхода — сталкивается с проблемой стыка наук. То есть, если наш храбрый учёный — психолог, он, типа, не может

пользоваться аппаратом криминалистики или философии. Но так не бывает! Невозможно провести НИКАКОЕ исследование, если не проводить его на стыке наук. А у нас наука тяготеет к специализации. Соответственно, каковы будут результаты исследований в области специализаций? Никакие! Правильно. То есть, они заранее ошибочны. Эксперимент в психологии появился в 20 веке, я вам напомню. До этого дня большинство людей науки вообще противятся экспериментальной психологии. Именно противятся. То есть, когда психология затребовала в качестве инструмента анализа такую категорию, как «эксперимент», то истерика была всеобъемлющая: «На каком основании вы в психологию забираете эксперимент?! Это не ваше, не смейте трогать и прикасаться! Это удел точных наук? Эксперименты — это для химика, кибернетика, физика и так далее...». А психологи что? Да разводят руками и говорят: «А нам что делать прикажете? Голова — предмет тёмный, душа — вообще невидима; мы не можем сказать однозначно, где «да», а где «нет», не проведя при этом серию экспериментов».

Следующий момент, который очень важен, и я его затрону обязательно — это момент, связанный с такой интересной вещью как «выборка». Сколько там на диссертационное исследование собрать людей надобно? 20–30? или 300–400? Или никто вообще не заворачивается над этими вопросами и хитренько копирует выборки заграничные и выводы, уже из завершённого исследования на украинском рассказывает? Однако же, обратите внимание: если вы соберётесь кого-то опрашивать или тестировать, да даже экспериментировать с мексиканцами — это будет не равно экспериментам, поставленным на немецкой выборке или русской. Это будет иной подход. А знаете, что я вам напоследок скажу? Всё дело в отсутствии методики. И чтоб методику создать и валидизировать — почесаться недостаточно! Хотите проникнуть в тайну такого масштабного явления, как «человек» — нужны междисциплинарные исследования, на стыке 4–6 наук! И пускай даже новая дисциплина появится или старая возвысится...какая разница, как вы её назовёте, лишь бы по уму кораблём этим научным руководили! Пущай это даже какая-то этнопсихология будет, не важно! Всё равно, её появление неизбежно. Этнопсихология, условно, должна изучать особенности индивида, представителя определенной этнической группы. Вот, на пример поглядим. Нельзя людей дифференцировать по цвету кожи. Однако единовременно у негроидной расы существуют свои уникальные особенности. По сути, если вы сталкиваетесь с негроидной расой, то есть, с black people как говорят в Америке, или с афроамериканцами, то у вас в большинстве случаев возникает непонимание... Да разные мы, раз-ны-е, и тому — масса причин в истории, но кто на это смотрит? И нынче у нас какие исследования? Либо из пальца высосанные, либо как точечные выстрелы, которых не слышно на фоне общей какофонии. Но так не всегда было! Вот основатель школы судьбоанализа, некто Липот Сонди, речей высоких про передовую науку не толкал, он дело делал, понимаете? ДЕЛО! Он когда валидизировал свой проективный тест выбора, даже негров экваториальной Африки тестировал! И аборигенов Новой Зеландии, не только чинно-благородных европейцев! Вот что значит, человек на совесть трудился — и результаты его красноречивее всех слов! Не просто ему далось исследование, зато какой тест нынче в психологии есть, загляденье! И пока Сонди его на настоящей мировой выборке поверял, а не только на швейцарских или немецких собратях, он весь тестовый аппарат подтвердил, но ещё больше открыл и заметил: описал, например, такую вот особенность, что когда он в Японии тестировал людей, не всё

шло гладко. Японцев удивляли портреты обладателей европейских внешностей. И это давало серьезную погрешность на тесте. По сути своей, та наука, которая сегодня существует — она статистика. Так вот я категорически против статистики. Если у науки нет конкретной практической задачи, предположим, учёному не поставлена задача, он сам себе что-то выдумывает, в таком случае наука превращается в теоретическую дискуссию. Любая наука превращается в теоретическую дискуссию, дамы и господа! И эта теоретическая дискуссия длится бесконечно. И теперь, если вы не против, я бы хотел эту пространную ситуацию прототипологизировать, то есть, показать, откуда у неё корни, откуда ноги, так сказать, растут. Как известно, в еврейском знании, ну или еврейской традиции — называйте как хотите, есть два подхода: прямая линия передачи и дискуссия. И вот эта масса из последних, она всю жизнь дискутирует. Там дискуссия бесконечна, причём всегда на манер: «... а что написано в пятой строке третьей главы на месте после запятой в Торе, в помните или нет?» и так далее... А вот представителям «прямой линии» передачи им не требуется ничего обсуждать, они точно знают что и где написано. И понимают сказанное со 100-процентной точностью, в интерпретациях не нуждаются. И, по сути своей, исходя из этого прототипа, «наука» как явление делится на саму науку и дискуссию. Наука в виде дискуссии может существовать вечно. У неё нет конца, нет финала, нет конечного инцидента. Нет венца у исследования, потому как все знают: завтра появится новый человек, который внесёт свою лепту в уже существующее — и всё закрутится по новой: дискуссия, критика, апелляции, взаимные опросы и ответы, споры и так далее.

Семён Хейзенвальд открыто читал мастерскую лекцию, и прервать его никто так и не решился.

— Обратите внимание на очень важный момент. Самое опасное, как говорил мой Учитель, это отсутствие методики. А отсутствие методики и порождает дискуссии. Нет методики — есть дискуссия. Но вот если вы сейчас незамутнённым взглядом посмотрите на всех наших ученых, методологией из них занимается, может быть, 1%. Остальные 99% продолжают глобальную дискуссию на понравившуюся тему. То есть, человек-«дискутёр» от науки слабо похож на ученого.

— Как же действовать в таком случае, читаю я немой вопрос в ваших глазах. Прежде всего требуется поставить задачу и положить результаты исследований на стол. Зачем дискутировать? Обсуждать можно результаты исследований, степень валидности, ну то есть надёжности, и прочие вещи. Но в большинстве случаев горе-умники даже не приступают к исследованию. Они останавливаются ТОЛЬКО на стадии дискуссии. У них исследование сплошняком проходит в стадии дискуссии. И вы ЭТО считаете прорывом?

В студии стояла мертвецкая тишина. Выдержав паузу, Семён Павлович продолжил:

— Вот так и возникает очень печальная картина, которая выглядит следующим способом. Этот вот «дискутёр» не способен самостоятельно работать как ученый. А значит, ему обязательно нужен руководитель. А теперь возникает самый важный вопрос, где взять этого руководителя? А руководителем является тот, у кого глотка на дискуссии покрепче. Главный «крикун», так его условно назовём. Среди «крикунов» выбирают руководителей... вы что, не знали? И что получается? Ставят начальником вот этого крикуна. Ему в подчинение определяют тех, кто самостоятельно работать не может, тех самых чуть менее крикливых дают. И они уже все

вместе начинают кричать «хором» в науке. Именно вот эти кликуши сгубили таких академиков как Николай Козырев, например. То есть, вместо того, чтобы садиться и с теорией времени Козырева серьёзно разбираться, серьёзно ему научно оппонировать... давайте испугаемся его нетривиальных идей и объявим их псевдонаучными! Если вы не согласны с теорией времени Козырева, напишите работы, которые её опровергают! Козыреву будет только толчок вам доказывать, что не так. По сути, мы получим огромное количество научного материала, с которым и наши последователи, наши ученики будут работать дальше, и в конце концов мы найдем истину, выясним, что правда, а что неправда. Обратите внимание, никаких работ никто писать не хочет. Все хотят кричать. Кликуши кричат и отстаивают позицию, что уже давным-давно все исследовано. Что можно еще исследовать, когда уже давным-давно все исследовано. Но ведь это же возмутительная ложь! Что вы такое вытворяете?

Палыч платком вытирал лоб, но останавливаться не планировал.

— Вот у меня была такая ситуация в жизни. Я когда-то из любви к высокому искусству и следуя порыву души начинал исследовать Сицилийское фехтование. И вы себе не можете даже представить, какая истерика возникла из этого сразу же возникла. Мои русскоговорящие коллеги с порога заявили: «Что Вы исследовать собираетесь? Всё и так известно!».

А я им и отвечаю: «Мне лично не всё непонятно».

И в ответ слышу: «Потому что ты в этом не разбираешься!»

Я говорю: «Да, поэтому стану добросовестно исследовать! Именно так! Я в этом ничего не понимаю, поэтому сяду и буду исследовать».

Посоветовались пару спикеров и спрашивают: «А что тебе непонятно?». Я написал перечень внушительный того, что лично мне непонятно. Интересный факт смею до Вас довести посредством вот этого спича: а на этот перечень из вопросов никто не стал отвечать, потому что, как выяснилось, им тоже это непонятно. Просто они не могут вопрос сформулировать. В этом вся недолга! То, что интересует меня с разных точек зрения — исторической, психологической, нейрофизиологической, философской и прочих — совершенно не интересует ИХ, как выяснилось, именитых мастеров и знактоков. Их интересует совершенно другое. И как бы мне в спину ни кричали: «Я не вижу сицилийских движений в твоих па!», я всегда миновал одним выпадом все встречные удары и метко парировал: «А как отличить сицилийское движение от движения малазийского, например? Вот каким образом?» И НИКТО, ни один громкоговоритель из рода знатоков так и не смог мне на этот вопрос ответить. То есть, должны быть критерии сицилийских движений, в таком случае, а их нет. По сути, я сделал в ходе дискуссии такой вывод: «сицилийским движением» является движение, с которым в данный момент времени согласны большинство этих людей-дискутёров. Если завтра у них случится плохое настроение, они проснутся и встанут не с той ноги, а вы при этом будете повторять те же самые движения, что вчера, как знать... внезапно движения станут совершенно не сицилийские. Потому что сегодня им кажется, что они немного не сицилийские. Приблизительно вот так. И на этом построена вся наука, которая сегодня существует. Отсутствие критерия всегда ведёт к хаосу.

На самом деле я всегда считал, что главная наука в мире — это история. И мои учителя считали так же! История науки, история технологий, история человечества — это та самая «королева наук». Почему? Потому что она упорядочивает научную мысль.

Эта наука, впрочем, позволяет заприметить открытую тенденцию, но не позволяет узреть скрытую тенденцию. Но, если мы имеем уже открытую тенденцию, значит, можем предполагать и скрытую тенденцию... Смотрите, небольшой фокус вам покажу. Вот история технологий, история науки, история человечества. Три линии, вроде как. История человечества рассказывает нам события, личности, факты и так далее. И мы их можем сравнивать и с историей науки, и с историей технологий.

«И что же, дорогие товарищи, у нас получается?», — как говорил товарищ Брежнев. Получается, у нас полный бардак. Как только вместо математики ключевой наука становится историей, сразу же начинаются неприятности. Обратите внимание на то, что стоит в европейских музеях Германии, Италии, Чехии... Вы когда в последний раз смотрели на эти доспехи? Вы действительно считаете, что это старые, древние, выдавшие триумфы и смерти боевые доспехи? Да перед Вами новодел, который выставляется ежегодно и по незнанию кажется очень древним. Вот я и рассуждаю: человек — существо ленивое, и тут спорить никто не станет. Носить на себе броню с утра до вечера, ну, даже знаете, я честно говоря, не уверен, что кто-то это будет делать. Броня нужна... но даже во всех сериалах, фильмах броню надевают перед тем, как отправиться на бой, а не от заката до рассвета. В броне никто не ходит. А зачем нам броня понадобилась? А я вам скажу для чего. Для того, чтобы защищать наше брэнное тело. От чего? От мечей, стрел и прочего смертносного. Согласно классической истории доспехи были раньше, чем шпаги, рапиры и прочие вещи. Но, при этом, та же история утверждает, что доспехи исчезли с возникновением огнестрельного оружия, а это было совершенно недавно... Так что правда? По сути, всё начиналось с рыцарей, бродящих как тени по Европе вот в таких страшно неудобных доспехах. И каким-то образом мы пришли к тому, что якобы стали ходить в элегантных костюмах, с рапирой или шпагой какой-то миниатюрной, наподобие ножа. Но вот возникает логичный вопрос: а зачем исчезать доспехам, когда появилось огнестрельное оружие?

Тем самым коротким примером я хочу указать, что история технологий противоречит истории фактической. История науки, в свою очередь, противоречит фактической истории, которая изложена в учебниках. А это что значит? А это значит, что мы не знаем, какую науку изучаем. Что это за наука такая? Что за пластилиновая субстанция? И всякий раз как история противоречит технологии и знаниям, нас это приводит к пересмотру истории. Однако же, есть честный козырь в этой колоде краплёных карт! Одна лишь история технологий не врёт. Точно не врёт! Нельзя скрыть оружие, никаким способом. Куда вы его денете? Нельзя скрыть историю науки, открытий. Как вы их скроете? Что? Колумб никогда не открывал Америку? Может и не открывал, не знаю. Я там не присутствовал. Но в определённый момент времени появляются особые факты и артефакты. Ну, например, холодное оружие. Вы его не скроете никак. И как бы ни тасовали нужные кому-то «сверху» факты, описывая историю текущих победителей, настоящая история лишь будет стоять в стороне и насмехаться над вами, потому как у неё свои методы.

Семён Павлович выдержал короткую паузу и подвёл итог.

— Если ученый не опирается на историю науки, у него нет будущего! Так говорил академик Попов. И даже если мы осмелеем и предположим, просто предположим, дамы и господа, что НА САМОМ ДЕЛЕ, все научные дисциплины известны, в таком случае вероятно, известны они только узкому кругу лиц, потому как всем остальным они неизвестны. Все остальные занимаются наукой дискутивной, страдающей

плюрализмом мнений. Тогда и ясно было бы, почему нашей науке 21 века ничего неизвестно вообще! Да в ней загадок и противоречий больше, чем фактов, законов, тенденций и открытий! Больше, чем самой науки.

И до тех пор, пока люди не могут банально сопоставить три линии между собой: историю человечества определенного периода, историю науки и историю технологии, каждая из которых противоречит друг другу,— мы будем продолжать жить, как в болоте! Что прискорбно и печально, сугубо на мой взгляд.

— Люди никак не поменялись с библейских времен,— уже вставая, бросил Палыч.— Вообще никак не поменялись. Что же у нас сократилось? Уровень понимания.

С тех пор телеканал «Культура» круглых столов для учёных не организывает.

Жека очнулся, только когда приплёлся домой, в конуру. Так он называл съёмную квартиру, в которую переехал месяц назад. Прежние хозяева, видать, держали здесь собак, и когда Холодов только-только переехал, ему всюду чудилась собачья вонь. Сейчас-то уже, конечно, всё выветрилось, но название «конура» прилипло намертво. «Похоже, у меня паранойя»,— обшаривая квартиру взглядом, подумал Жека. Вроде всё стояло на своих местах. Ничего не изменилось с момента его ухода на тот злосчастный тренинг. Но всё равно какое-то странное ощущение не покидало Холодова, как будто кто-то здесь успел побывать. Хотя сам журналист и вовсе ожидал, что конуру перевернут вверх дном. Но нет: мебель стояла чинно благородно, бумаги на письменном столе тоже расположены были строго по холодовской логике, никаких следов взлома или вторжения Жека не заметил. Был только он, конура и сентябрьская ночь.

Покопавшись в дорожном кейсе, Жека вытащил папку с документами. Паспорт на месте, загранка — тоже. Махнуть, может, в Польшу? Он там уже был пару раз, языка, правда, не знает, но ничего — не пропадёт. Или лучше в Испанию или Португалию? В юности очень хотел почему-то именно туда, как тянуло что-то. «Неужели я и вправду такой трус, что чуть что, чуть прижало, чуть припёрло — сразу бежать? Неужели, это и вправду Я???» — Жека толком не мог оправиться от произошедших событий. Но, с другой стороны, ему реально повезло. Фартовый он всё-таки, Жека Холодов. «Эх, да катись оно всё к чертям собачьим! Был ни была!»

Дома Макс накапал настойки боярышника расчувствовавшемуся историку. Семён Павлович пребывал в разочарованном каком-то состоянии и вообще клял всех на свете, что его как-то угораздило поддаться на уговоры юной девчушки и съездить на съёмки этой постановочной передачи.

— Сегодня мир стоит на грани психиатрической катастрофы, Макс, помяни моё слово. Серое большинство вокруг нас — имбецилы. Они отказались от знания, от всего практичного и прикладного отказались, потому что у них есть интернет, телефон и так далее. То есть, потребности что-то знать и в чём-то — нет никакой. На всё есть вездесущий Гугл. О потребности что-либо уметь даже речи не идёт... но ведь это деградационный путь для человечества, не иначе! Неужели это неясно?

А ведь каких-то лет 30 тому назад потребность и знать, и уметь была колоссальной. Просто колоссальной. Непосредственно эта потребность и вывела человечество на определенный этап развития. Знаешь, Макс, мои учителя как говорили: «Каждый раз, когда мы подходим к научной задаче, у нас возникает множество вопросов, но первый из них всегда таков: «Зачем мы это делаем?»

Надо сказать, что и сегодня в диссертационных работах существует такие темы как новизна и практическая значимость. Они есть, но существуют, скорее, как формальные атрибуты. Во времена Советского союза эти же категории были основными для ученого. Ну, вот у Курчатова стояла задача, образно говоря, сделать ядерную бомбу. всё понятно предельно: новизна и практическая значимость на лицо. Никто бомбу не делал до этого, кроме американцев. И практическая значимость — это ядерный боезапас державы. Вот, в общем-то и всё. Видишь ли, тема новизны и практической значимости даже не рассматривалась. Она и так выступала естественной основой науки! Посмотреть только на работу Козырева, и всё на свои места становится. Почему я снова упоминаю Козырева? Да потому как этот человек, вышедший из лагеря, впоследствии на коленках защитивший докторскую диссертацию, новатор, который создал огромное количество научных открытий в астрофизике и вывел теорию времени. Он, по сути своей, стандартный советский ученый. Где бы хоть одного такого «стандартного» взять сегодня? Вокруг одни нестандартные, но при этом бесполезно обыденные.

Макс решил поддержать историка, не нравился ему такой настрой Палыча.

— Вы абсолютно правы: сегодня почему-то «Козыревых» нет. Они отсутствуют. Но я уверен: люди, которые способны совершать научные открытия, разбираться в самых сложных вопросах, они существуют, просто их нужно воспитать и позволить раскрыться. Школа нужна, что и говорить.

— Да, Макс, нет школы — нет условий и нет людей, не соблюдается методика — и пиши пропало. Может, сегодня ещё и остались академики, которые последнюю свою разработку сделали 20 или 30 лет назад, при Советском Союзе ещё. Пришли, значить, в Украину академиками, и по сей день в Академии наук восседают на фоне прежних заслуг, как нечто «открывшие 30 лет тому назад». Но скажите на милость, чем они занимались последующие 30 лет? Этого никто не знает. Семён Павлович приумолк ненадолго, словно что-то обдумывая.

— Вот на что ещё обращаю твоё внимание, так это на факт, что нынче отсутствует механизм очищения науки. То есть, раньше, если ты, к слову, ничего не делал, то тебя за «верёвки» двигали, перемещая в сторону. Отодвигали подальше от науки. Максимальное, на что ты мог бы рассчитывать, это в каком-нибудь Северном ВУЗе на обычной кафедре читать какие-то лекции.

— А как понять «отодвигали» — Макс всячески давал понять, что весь во внимании.

— Ну, гляди. Допустим, наш человек от наук вроде работает, но при ничего не делает. Ни открытий не совершает, ни вклада от него никакого. Посредственно что-то куролесит, не более того. Его раз подвинут, два подвинут, а потом Родина прикажет ехать в Североморск, там лекции читать в университете.. Или Северодвинск какой-то, почему нет? И, представь себе, человек, который жил на кафедре Санкт-Петербургского университета, допустим, или пускал корни в горшке Киевского университета, например, Шевченко, однажды слышит приказ Родины. Ему говорят: «Собирайся, милоч, и на Север!». В Советском Союзе это было легко.

«Собирайся, Родина сказала, трещит перемещаться на Север, там на кафедре геологии не хватает кадров». И по факту у тебя два варианта: либо из науки уходить и идти куда-то на завод, либо ехать на Север. Раньше вот этих «кликуш» от науки, их «раскомандировывали» в разные стороны. Невольно, знаешь, и даже как-то болезненно вспоминать Булгакова «Собачье сердце»: вот, когда Шариков кричал, что «Я здесь на 12 аршинах сижу! У меня есть прописка. Я здесь буду жить, на положенных 12 аршинах» — мне эта заявка весьма напоминает современного ученого, который сидит на кафедре и восклицает: «Я здесь буду жить, по-любому. Почему? Потому как я — кандидат наук. И вы ничего со мной не сможете сделать. Сидеть буду и точка».

— Знаете, Семён Павлович, я недавно разговаривал с одной девушкой, которая защищает кандидатскую диссертацию. Когда я её спросил: «А зачем Вы её защищаете?» Она мне ответила: «Для себя». Я не понял ответа и потому решил уточнить: «А зачем «для себя» кандидатская диссертация?» Потом через полчаса разговора я понял, что это родители ей пообещали: если она станет кандидатом наук, она будет ходить в ВУЗ читать лекции, а те ей будут приносить деньги. И в это они готовы вложить деньги — в призрачное «будущее» дочери. Но таких, как эта девушка, их сотни этих людей, — трезво рассуждал Макс.

— Я уверен, что, сейчас придя на любую кафедру, я обнаружу там 80% людей, которые просто отбывают наказание, — добавил историк. — Они не работают, они просто сидят и ждут, пока им деньги принесут, и всё. И это такая печальная тенденция. Она возникла у нас не потому, что существует из-за государства плохого и такого-сякого, а из-за того, что этому государству наука не нужна вообще. Она не нуждается в этой отрасли. Само государство в науке не нуждается. А вот прежнее государство, в котором и я жил, и работал, и учителя мои его строили на высочайшем научном уровне — оно в науке нуждалось кардинально.

Этот рваный ритм, непрерывная гонка, постоянная подготовка к войне, подготовка к битве открытой, подготовка к войне тайной, соревнованию в науке, технике, открытиях, в конструировании, строительстве и запуске космических кораблей, чтобы впервые на Луне, на Марсе, и так далее. ВСЁ это требует науку. И как бы ни ругали прежние советские порядки, те, кто их закладывал, понимал эти простые истины. У нашего же государства никакие задачи перед государством не стоят вообще. И по сути, вот это глупая тенденция «заграница нам поможет» — ни к чему хорошему в стране не приведет. Чего искать каких-то знаний и духовных ориентиров где-то там, за горизонтом, за тридевять земель? Что там говорят, что самые великие знания сосредоточены в Индии? А отчего тогда гуру индийские в трубах промышленных живут-то? А шаманы типа, великие, северные, они отчего то в избушках живут, то в челнах, то в чунах? Почему не построят себе замки? Деревни? Трёхэтажные дома комфортабельные? Говорят, потому что всё брэнно. Понятно, что Бог где-там и к нему люди тянутся, эта позиция ясна, но дом-то нормальный себе можно построить? Это же немного, всего лишь дом, простейшая задача — не дождь вызвать, не косяк рыбы пригнать. Отчего же один злосчастный дом не построить? Рассказать почему? А они не умеют. И не надо никаких высокопарных мотивов сочинять. Всё просто.

— Наша Школа всегда стояла на том, что колыбелью науки является Европа. Не Восток, не Китай, не Япония, а именно Европа. Здесь исток, и праматерь всех наук.

Если, например, мы находимся в Рейне, и мы смотрим кругом, что мы видим? Что наши же люди жили так, как мы сегодня не живём, ибо не умеем и не можем себе позволить. Наш предшественники не жили в челнах, они коротали время в шикарных замках. Да в таких замках, которые сегодня никто построить неспособен, взять хотя бы даже Нойшванштайн. И уж точно никто не берётся объяснить, откуда в таких замках существовало и отопление, и освещение и даже электричество задолго до того, как его официально изобрели? Вот вам и загадки цивилизации или попросту издевательства. И всё это — достижения науки. И выстроить шедевры европейской архитектуры невозможно, не зная и не имея представления о геометрии, математике, инженерном деле и так далее.

Ещё 300 лет назад обыкновенный дворянин какой-то, который выстраивал себе дом, имел ясное представление о том, как это делается. Но сегодня нам кажется, что у нас есть телефон, и мы потому практически бессмертные Эйнштейны. Хотя оставь этого человека одного на один с этой реальностью, он ничего сделать не сможет. И без телефона он умрёт сразу.

«Ну да, а если его канал на ютубе грохнут или закроют аккаунт в инстаграмме — всё, можно и вешаться», — подумал Макс.

— Сегодня ничего нет. Никому не надо ни «Юного техника», ни «Техники молодежи», ни «Науки и жизни». Мы с тобой, конечно, выписываем «Науку и жизнь», почитываем ее периодически. А остальные что? Оскудел народец, оскудел серьезно. Да и нынешняя «Техника молодежи» — это уже не та «Техника», которая выпускалась при Советском Союзе. Она была интересной. Я листаю периодически старые журналы, Макс, и они бесподобно интересные. И подавляющее большинство не потеряли своей актуальности по сей день. Вот, например, такие статьи в «Технике молодежи», которые публиковались... «Как работает магнит» например — целая статья для молодежи, объясняющая принцип действия прибора. Но сейчас же у молодежи тоже ведь есть интересы... «Как живёт Интернет», например (почему бы и нет)... Почему же всё так?.. Да никто этими вопросами не занимается, а наука развлекает сама себя. Она не нужна государству. Обрати внимание, что она и бизнесу не нужна. Потому как не имеет прикладной формы. Если бы наука имела прикладную форму, то она была востребована и нужна бизнесу. Но так как она не имеет прикладной формы, она бизнесу тоже не нужна. Остается играть сами с собой. Наука — прежде всего, как говорил мой учитель, есть кадровый потенциал государства. Одни должны знаниями обладать достаточными, чтобы выполнить задачи, чтобы решать задачи, которые страна ставит, а другие — эти знания дальше передавать, третьи — экспериментировать и доказывать и так далее. У каждой под-системы — свои задачи в государстве, что логично, но, зачем же всё так усложнять? Мы возьмём немного денег и из заграницы пригласим кого-то, то ли из Европы, то ли из США. Запомни, Макс, наша Школа никогда никому не кланялась. Это перед ней в мире все преклонялись. Миру приходилось считаться, что наша наука — самая лучшая в мире, самая передовая и самая умная. Вторая мировая война показала «кто есть, кто», четко и бесповоротно. Затем Холодная война показала «кто есть, кто», повторно. А потом... Советский Союз от рук потрясающих руководителей, стоявших у руля.

Семён Павлович допил настойку до конца. И почему произнёс следующее:

— Запомни, Макс, служить можно только конкретному человеку. Помнишь ли совокупный духовный эталон европейского рыцарства? он четко определяет порядок в Естественной Иерархии Творения. Служить можно делу и человеку, а вот

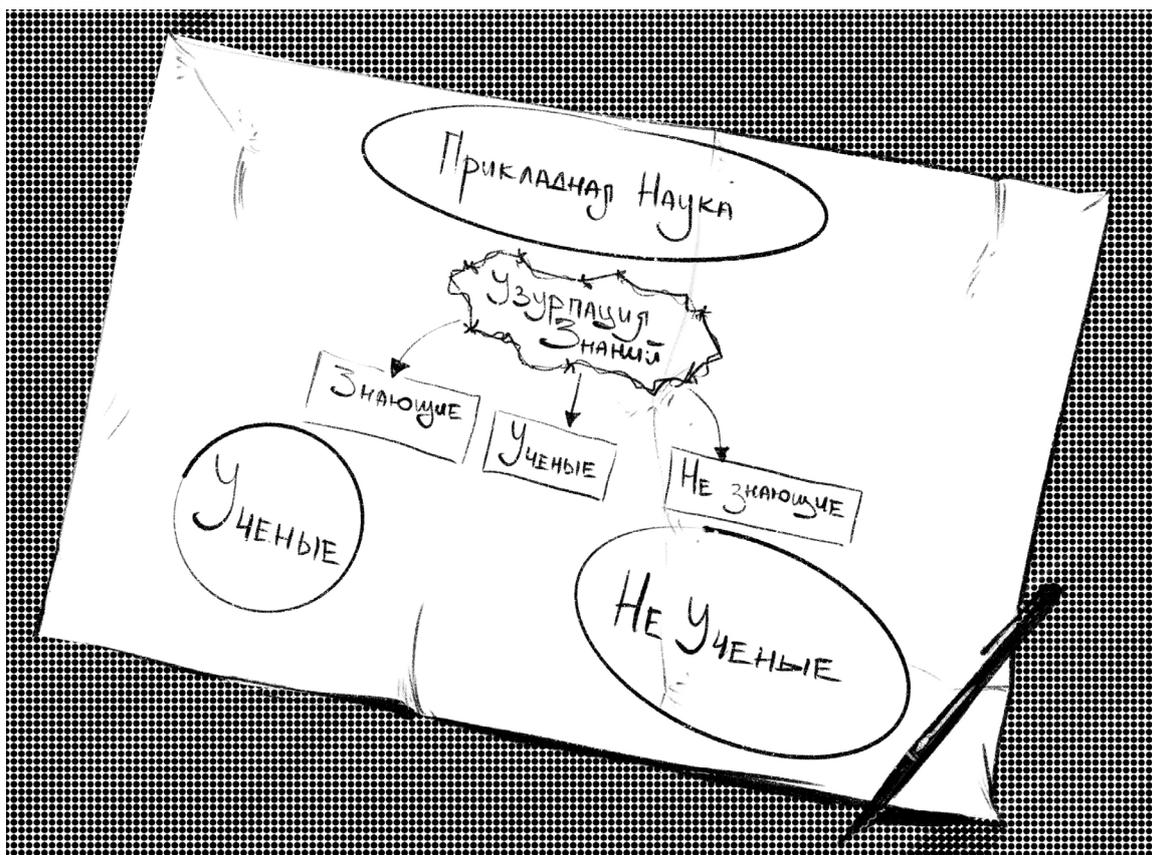
Родине — очень сложно. Практически невозможно, потому что единства понимания категории «родина» ни у кого не существует. Поэтому если перед наукой не стоят задачи, если она не является прикладной, то она и не наука вовсе. В чём суть идеи наших предшественников, которую я хочу тебе донести? В том, что «теоретическая наука — это скрытая часть», — он говорил. А вот дальше, от неё, появляются прикладные науки. Между ними же располагается некая «штора».

Как это работает: людей теоретическая наука не интересует никак. Она не важна им. Это удел ученых. Видишь, да, где место ученых? А затем они должны превратить теоретические изыскания в какие-то практические реализационные модели. Например, сделать телевизор. Или, может, ядерную бомбу изобрести. Или, скажем, автомат типа Калашникова. И, по сути, для людей обыкновенных, ходящих ежедневно по улицам, кроме науки прикладной никакой другой науки не существует. То есть, если ты не ученый, то для тебя вот этот объём теоретизации, который ещё предстоит ретрансформировать во что-то живое и практическое, бесполезен и не нужен. Вот этим людям, Макс, совершенно плевать, что ты физик; с какими мыслями ты ложишься спать, что у тебя в голове. То есть, они этого все равно не поймут. Это не их удел, как я уже говорил. Однако же ученый, по праву, должен работать на благо общества, выдавая вовне из теоретических истоков прикладную субстанцию.

Уже гораздо более спокойный Семён Павлович внимательно глядел на Иванова-младшего. Тот был одним сплошным ухом и ловил каждое его слово.

— Надо сказать, что исторически с наукой не всегда такие злокозны происходили, — продолжил повествование историк. — Я бы сказал, всего существует 4 этапа развития науки. Вот поглядим вместе.

Изначально существовала только прикладная наука. Почему? Потому как, представь себе исследовать было нечего, все было известно изначально. Кроме прикладной науки, никакой другой науки не существовало. Следующий этап развития науки — это узурпация знания (узурпирование знания). Что это значит? Все очень просто. Кто-то просто на просто присвоил эти знания себе. Как он это сделал? Да просто не рассказал никому. Ведь узурпировать знания можно по-разному. Можно просто не рассказывать окружению о том, что у тебя в наличии припасено. Вот так и возникла власть.: в силу узурпации знаний одними добрыми людьми. Соответственно, Мир поделился на две части: знающих и незнающих. И понятно, что знающие — это одно сословие, а наведаете — второе сословие. Теперь смотри. Мир далее делится на три части, что и определяет следующий этап науки. Появляются знающие, ученые и незнающие. Как ни парадоксально может показаться, но ученые появляются только на 3-м этапе. Ранее учёные никому не были нужны. Но спустя некоторое время знающие смекнули: они же умрут, в прямом смысле слова, от надобности руководить вот этой бандой незнающих. Их слишком много! И они неуправляемые могут бед наделать столько, что лучше предупредить и не допустить такого поворота событий. Знающим были нужны свои люди, собственные ставленники, которые будут особым способом в разных направлениях руководить всеми оставшимися людьми и НЕ ПОЗВОЛЯТЬ никому и никогда в единое целое собрать части частей, именуемых наукой. Целостно всё знание ни один человек не соберёт, потому как его с действия учат, что это невозможно, что нужно уметь ориентироваться в одной плоскости.

Итак, вот у этих высших товарищей, появляется необходимость руководить электоратом, назовём это так, а потом и самими учёными. И вот на этом финальном такте возникает маленькая горстка людей, которая руководит уже непосредственно учеными, представителей этой горстки назвали «философы». Так зародилась и обосновалась следующая стадия развития науки, в результате которой появились «ученые» и «неучи».

Вот что сегодня у нас происходит: мы живем в четвертой стадии развития науки, и среди нас есть ученые и неученые. Вот этих «знающих» — нет. Где они, никто не знает где. Как таковых философов, знатоков науки на деле, а не на словах, очень мало. Все прочие — это рукотворная масса ученых, которые копошатся в разных отраслях, потому что им вбивали в головы: нужна специализация. И остальные, не имеющие представления о том, что существует.

— Я так понимаю, что прикладная наука уже на второй стадии куда-то исчезла,— подал голос Макс. А на четвертой стадии её и вовсе не существует.— Семён Павлович только кивнул.— Но Почему так?

— Всё очень просто. Дело в том, что вот эта прикладная наука, есть удел определенного рода людей. То есть, ежели я — правитель, то непременно строю параллельную иерархию, в которой описываю уровни допуска подбираю нужных мне людей. Тихо и негласно. И эти люди мне нужны, для того, чтобы все вертелось, крутилось, и я мог добиваться своих целей, своих задач. А всем остальным, чтобы головы заняты были и не только, демонстрируется общая система. Именно система «знаний для всех». И пусть неучи и бездельники какой-то фигней занимаются — главное, всё управляемо и спокойно предсказуемо.

И знающие люди, самые первые учёные, стоящие у истоков, быстро готовят высший контингент людей, который будет работать на руководящей волне, а все остальные им будут помогать, находясь в подчинении. И у последних должен быть уровень образования, но такой, чтобы они могли помогать. Этого достаточно. Надо кого-то заменить из научных кругов или заслуженных учёных выше передвинуть — пожалуйста, вот вам повышение квалификации. Повысили квалификацию — переставили в иерархии допуска выше. Надо еще двинуть, — опять повышение квалификации — экзамен — и да здравствует новый уровень допуска. И так вплоть до Академии имени Ленина в Советском Союзе. Я говорю об Академии высшего партийного органа. Там преподавали просто изумительно, лучшие преподаватели были собраны Советского Союза в Академии имени Ленина. Людей учили не за страх, а за совесть. Но это был высший партийный аппарат, по сути, руководство страны. Элита общества. И существовала наряду с высшим партийным учреждением Академия общественных наук, отдельно. А как там всё устроено, ты, Макс, лучше меня знаешь сегодня... Недавно ведь только в её стенах кандидатскую защитил. И знаешь, мой юный друг, вся соль заключается в следующем: всё, что важно понять из описанного мною схемы, что уже на втором такте исчезает прикладная наука. И она — удел власти. Тот, кто власть имеет, тому нужна прикладная наука. А тот, кто ее не имеет, ему ничего делать не надо — ему, что скажут сверху, то и будем делать. А ученый — это некая эфемерная субстанция, которая в каких-то идеях своих, мыслях... она никого не интересует. Его идеи и мысли никого не интересуют. Людей интересуют продукты научной деятельности. Методики, системы, технологии, изделия, курсы повышения квалификации, полезные модели и прочие вещи — то и есть прикладная наука. Вот что интересует людей, что сегодня наша наука не делает. А почему она не делает? Потому как почему-то считается, что западные модели, дескать, лучше тех, что мы можем сделать. По какому-то странному стечению обстоятельств так вылилось... всю жизнь «они» у нас учились, европейцы и американцы эти. Они у нас всё подбирали, а теперь мы учимся у них в какой-то извращенной форме, которая не работает.

Семён Павлович вздохнул.

— Мой Учитель, Макс, был великолепным прогнозистом, что и говорить. И он всё это предвидел. Ещё ДО того, как союз развалился, а мы, украинцы, из его наследия научного забрали себе самое худшее — кадровые и бюрократические пережитки, позабывав о лучшем — о методиках, людях, технологиях, достижениях, инструментах и так далее.

И что бы там ни проповедовали «кликуши», у Сталина была определенная цель: поднять бедное необразованное государство на мировой уровень. И он этой цели добился. Но если бы за его спиной не стояло консультантов, в чьих руках и сосредоточена прикладная наука, этого никогда бы ни произошло. Никакого Сталина бы не хватило в государстве бандитов и крестьян отправить ракету в космос. И провидение Господне тут ни при чём, и злой Рок или нещадный Фатум тоже в этом не участвовали. Просто в час «X» рядом со Сталиным оказались нужные люди, из плоти и крови, которым и задачи международного масштаба были по плечу. Потому что они — воплощение Школы, её Хранители, наследники прямой Линии передачи.

ГЛАВА 10. «ГОЛОВОЛОМКА»

Холодов собрался с духом. Погрузив вещи в багажник своей машины, проверив ещё раз все документы, он в очередной раз оглянулся, словно прощаясь с конурой на неопределённый срок. Нельзя сказать, что у Жеки были какие-то конкретные планы. Просто он так решил и точка. Прокатится по матушке-России, развеется, может, что-то толковое жизнь на него и выкинет. А пока — неизвестная даль.

На часах было около четырёх. «4 утра — отличное время, историческое, я бы сказал, самое то, чтоб отправиться в путь». Жека планировал прокатиться до Краснодара, там перетереть пару дней у друзей, а оттуда по Керченскому мосту махнуть в Ялту. Почему? Просто потому что ему нравился Крым, а погоды в сентябре там стояли дивные, как говорила когда-то его бабка. Сказано — сделано. Оседлав видавшего вида коня своего, старенькую беговую «Вольво», Холодов отправился в очередное путешествие, не ожидая от него ровным счётом ничего хорошего.

Максу очень не нравилось состояние Палыча. Он, конечно, звёзд в 70 с лишним лет хватить не мог по определению, но такое чувство, что постепенно добрый сосед по лестничной клетке начал сдавать. Давление, сердце... Сам Семён Павлович наотрез отказался хоть как-то комментировать происходящее, откровенно посылал Макса «заниматься делом, а не дурку гонять».

Вот и сегодня вместо ожидаемой Максом плодотворной дискуссии или яркой беседы историк просто в один подход дал ему понять, что «кина не будет».

— Что, говоришь? «Трудно быть богом»? НЕТ. Этот роман не обсуждают. Это больше, чем просто концепция и меньше, чем ты себе наворотил и нарисовал в воображении. Перед тобой Стругацкие поставили один единственный вопрос, и он адресован исключительно к самому себе. Трудно ли тебе быть Богом? Вот ходи, задавай его себе и больше ни с кем не обсуждай. Так прошло пару дней. Семён Павлович куда-то ездил по своим делам, а Макс времени не терял, старательно читая и анализируя все те труды, на которые ему указывал distinguished историк. Особенно по душе Макс, конечно, пришлись Стругацкие. Он уже не понимал, как в своё время прошёл мимо этой крутой научно фантастик и почему только сейчас вообще открыл для себя их миры. «Пикник на обочине», «Трудно быть Богом» «Улитку на склоне», «Волны гасят ветер», «Жук в муравейнике» — эту пятёрку книг Макс перечитал неоднократно и знал: в будущем вернётся ещё не один раз. Сегодня, правда, он прочёл нестандартную для Стругацких книжицу — такой себе биографический очерк, описывающий историю и прототипологию создания всех произведений братьев-фантастов. Эта книга называется «Комментарии к пройденному» и Макс многое для себя из неё почерпнул, однако разговора с Палычем ждал с нетерпением.

— Ну, спрашивай уже, — бурчал историк, поудобней усаживающийся в кресле. Они сидели с Максом в кабинете, привычная такая обстановка была кругом, чай, мёд, варенье от радушной Веры Марковны.

— Палыч, расскажи про Стругацких.

— Что значит, «расскажи»? Жили-были два брата, родились в семье Натана Залмановича, искусствоведа и знающего человека... Что именно ты хочешь прознать, можешь точнее формулировать свои вопросы?

— Я исхожу из того, что, прочитав с десятков произведений так называемых советских научных фантастов, всё больше и больше крепнет мысль, что не такими уж фантастами они были. Да в их книгах науки больше, чем во всех современных диссертациях,— начала Макс.— Для меня это было удивлением. И я точно знаю: Стругацкие использовали не то, что было общедоступным, они не теоретиками были и с «кликушами» не яшались. За их спиной стояла Школа — та самая школа прикладной науки... Все принципы, законы, системы, которые ты мне объяснял, Палыч — да они же вообще чёрным по белому в книгах Стругацких описаны. От мышления логикой прототипа, от амальгамного подхода — до простейших каких-то жизненных истин, типа «начинай с конца в начало», «не создавай сопротивления» и так далее. И то что существует связь — железобетонная — между Стругацкими и их произведениями и Прикладной наукой — в этом лично у меня нет никаких сомнений. Вот что это за связь?

— Ну Вы, Максим Викторович, и вопросы ставите,— усмехнулся Семён Павлович.— Какая связь? Да никто не знает. Потому что ни Стругацкие, ни их последователи, ни знакомые, ни родственники никогда об этом ничего не говорили.

Но кое-чем я всё-таки с тобой поделюсь. Ты ж понимаешь, что недаром я тебе рекомендовал прочесть «Комментарии к пройденному», последнюю книгу, написанную Борисом Стругацким. Так вот, стоило мне её увидеть лет 5 тому назад, как заинтересовался я одним весьма интересным произведением, которое братьями Стругацкими не было ни написано, ни издано. И я нашёл это произведение в «Комментариях». Как ты помнишь, в одной из частей, в которой рассматривалась история написания «Хромой судьбы», обсуждался некий роман. Есть у них такая темология, которая называется «Мир Полудня». И вот братья хотели написать «Волны гасят ветер», что им, безусловно, удалось, а после запланировали ещё один роман. Долго же они над ним мучились, но дальше обрывочного плана дело не пошло. Что произошло после: по какому-то странному стечению обстоятельств за все 10 лет Стругацкие так и не сели его писать. Но знаешь, замысел того романа действительно шикарный. Почему Стругацкие отказались от написания этого романа? Я не знаю. Борис Стругацкий описывает это примерно так: ...настроения не было». Честно говоря, я не верю в такую зависимость от настроения или ещё чего. Впрочем, это мое субъективное мнение, не более того

— Значит, скорее всего, что-то воспрепятствовало ли кто-то не дал написать этот роман,— предположил Макс.

— Кто знает, кто знает... В любом случае, Стругацкие очень интересные люди сами по себе. И когда читаешь «Комментарии к пройденному» — ты, Макс, видишь школу науки, поскольку ты с ней уже в какой-то мере знаком, ты знаешь эту школу, и, по сути, сам догадываешься и строишь гипотезы, где и у кого могли бы проходить подготовку эти писатели-фантасты, которых ВСЕ сегодня в мире считают феноменальными, непревзойдёнными и просто невероятными. И хоть в романах сам отпечаток Школы можно не заметить, в «Комментариях к пройденному» невооружённым глазом видна та самая школа Прикладной науки. И исходя из этого, возникает очень интересный вопрос: Гляди-ка, Макс: если Стругацкие как-то связаны с этой школой, то почему-же они так мучительно плохо печатались в Советском союзе?

Зачем их заставляли сражаться за все строчки, порой и по 10 лет кряду? По сути должен же был быть зеленый свет. Обрати внимание: в Советском союзе хватало других фантастов, которые достаточно просто печатались, а вот Стругацким приходилось преодолевать множественные преграды и препятствия. То комиссии, то слушания, то объяснительные записки. Им словно не давали печататься, ставили всяческие препоны, палки в колёса, чего только стоило издать «Пикник», ты же помнишь ту истерику... По сути, как-то все очень сложно и напряжённо, с одной стороны, но странно с другой: при таких невероятных проблемах — абсолютная мировая известность. Вплоть до того, что крали произведения Стругацких, воровали, выдавали их за рубежом. Сами Стругацкие узнавали об этом только тогда, когда их в комитет государственной безопасности вызывали и спрашивали, зачем они дали разрешение на публикацию недозволенного романа в Польше, Чехии и так далее. Лично мне, Макс, сложно представить, как, например, в «Неве» поздней ночью, когда никто не видит, крадут произведения Стругацких, рискуя многим, чтобы издать это 100 страниц за рубежом, втолковывая при этом кому-то, что Стругацкие разрешили им издание. Зачем иностранным людям вообще красть произведения столь неуспешных писателей? И вот мне этот ребус не давал покоя. Зачем так нарочито сложно печатать Стругацких?

Макс только развёл руками. Ему самому такие мысли покоя не давали.

— Итак, в определённый момент времени я вывел гипотезу. А давай предположим, Макс, что всё это нытьё от невероятно сложного преодоления цензурных машин и их препятствий — что это все спектакль. Что было на деле НЕ ТАК. Что это просто театр. Одного какого-то актера или двух, или трех. Затем я задался вопросом: какого автора мне хочется читать в Советском Союзе? Ну, конечно же, не просто интересного, но, наверное, запрещённого. Ты уже в курсе, что данный приём был использован неоднократно. Я пример приведу такой: товарищ Высоцкий - всемирно известный артист, поэт, человек, который по своей популярности переплюнул самого Пушкина, отца и основоположник русской литературы и классики. В Советском Союзе прямо так и спрашивали: «А Высоцкий? А что у Высоцкого? А у него не всё можно печатать», — то есть что-то крамольное всегда искали и находили или обозначали, как «недозволенное». И этот приём ещё с Высоцким был обыгран достаточно успешно. Так вот на примере Стругацких прототипологически я наблюдаю тот же метод при написании романа.

— Знаете, Палыч, что меня ещё поразило, — сказал Макс, — что Стругацкие — самые известные в мире фантасты. Номер один. Никто выше Стругацких не поднялся. И при всё при том, как сами писатели себя же описывали? Говорили так: да кто такой Стругацкий? И самый известный, и самый бедный. То есть Стругацкие на своих произведениях денег или каких-то сверх-благ не заработали, скромно всё. Хотя другие, к слову, более шустрые и деловитые, находили способы их романы даже за рубеж продавать. В «Комментариях к пройденному» рассказано, что роман «Гадкие лебеди», который НЕ был издан и не прошёл бы цензуру никогда и ни при каких обстоятельствах, продавался в Одесе на книжном рынке. Кто-то из издательства просто стащил копию «Лебедей», я так полагаю, превратил ее в книгу и давай ее продавать по 5 рублей.

— А 5 рублей — это были большие деньги в те времена, очень приличные. Мама давала рубль на день Пионерии. А пятерка — это 5 дней Пионерии. И Стругацкие, когда узнали, что в Одессе «Гадкие лебеди» продаются по 5 рублей за

штуку, да обалдели просто. Ни одно издание опубликовать «Лебедей» не вышло, а предприимчивые одесситы уже сами со всем разобрались.

— Стругацкие писали, что давали свои произведения почитать только проверенным людям, но всем известно, что «проверенные люди» — точно не про Одессу, — закончил мысль Макс, — то есть, неужели писатели не понимали, что эти книги найдут свой путь без издательства? К тому же, бесспорным преимуществом их произведений было то, насколько они уникальны и как западали в душу.

— Давай оставим в сторону все сентенции душевные и вернёмся к предмету разговора. — Семён Павлович стал серьёзен. — Так вот, в определённый момент времени у Стругацких в произведениях появляется Максим Каммерер и образуется некая спецслужба «КОМКОН», состоящая из историков, которые занимаются разного рода интересными исследованиями. И вот этот роман, ненаписанный, от котором я упомянул, он должен был предвосхищать выход книги «Волны гасят ветер». Вкратце выглядит исходная концепция следующим образом: некий Максим Каммерер, пока ещё не директор «КОМКОНа» (в «Волнах», напомню, он уже директор специальной службы) но пока ещё начальник управления, получает очень сложную задачу: внедриться в некую островную империю. Дальше все развивалось совершенно странным способом. Борис Стругацкий описывал это так: «Данная островная империя имеет определённое устройство. Внешний периметр этой империи охраняет криминал» — конец цитаты. Запомни это, Макс! В середине этой империи живут обыкновенные люди. А в самом центре империи живут люди высшего света и общество справедливости. Это прямо в книге «Комментарии к пройденному» изложено. Не знаю, как ты читал, но стоило мне увидеть эти строки, меня вообще чуть ли не током шарахнуло! То есть существует некая островная империя. Предположим, её прототип — Атлантида. А её устройство — это прототип «Божественной комедии» Данте, из-за которой его чуть ли не сожгли.

Ад Данте — это и есть криминал, далее следуют Чистилище и Рай. Так и получаем определённую модель: три шара в одном. И принцип взаимодействия трёх шаров, он крайне интересен. Вот человек рождается в этой островной империи, а что дальше с ним происходит? Вероятно, какой-то механизм существует, который регулирует, куда этот человек направится впоследствии: в криминал, в общество простых людей или в общество справедливости. То есть, всегда существует отдельный механизм, распределяющий людей. И вот этот механизм называется Государство. И дальше Стругацкие описывают то, что по взрывному эффекту превышает все атомные и водородные бомбы, вместе взятые.

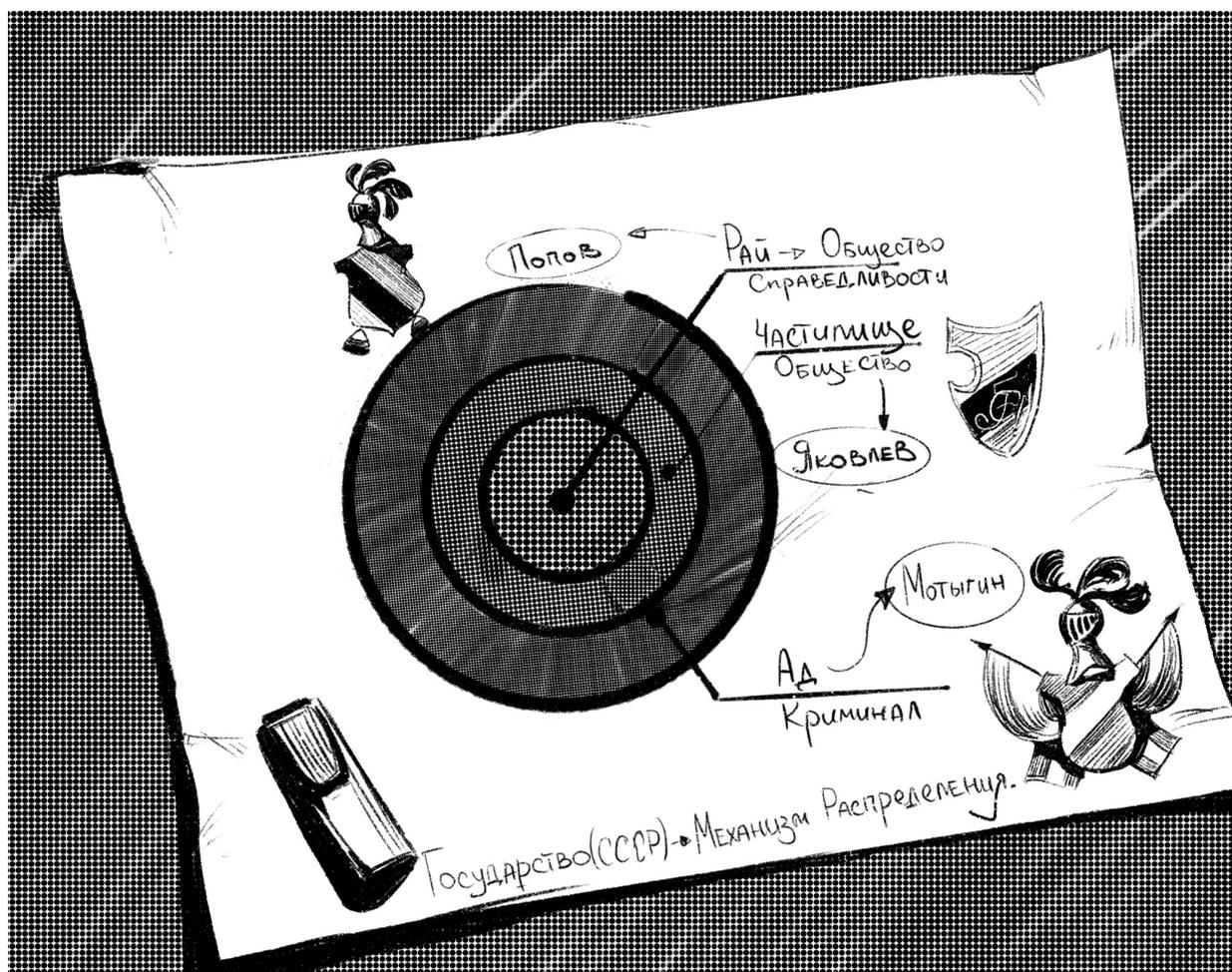
«Мы хотели написать этот роман ради одной фразы аборигена, адресованной Максиму Каммереру. Каммерер же лоббировал, да и сам свято верил в то, что дома на Земле у человечества всё прекрасно, справедливо, чинно — благородно. Абориген же ответил ему: «Так не бывает. Мир не может быть так устроен. Вы живёте в придуманном мире; вам кто-то создал ваш мир, и вы в нем живёте». Понимаешь, Макс, придуманный мир! А настоящий мир выглядит в точности, как устроено у нас: криминал, простой люд и общество справедливости, чести и совести. По-другому быть не может. Остальное все вы-ду-ма-но.

Семён Павлович ненадолго замер.

— И вот эти слова меня, конечно, сильно это озаботили. Потому как я сразу провёл параллели сказанного с традиционным устройством Юга Италии. Для начала. Юг Италии устроен таким же способом: «Мала- Витта» раз, люди обыкно-

венные — два, и Общество чести — три. Все тоже самое. По сути, если мы начнем сопоставлять прототипы, то линии друг другу соответствуют: допустим, начнём с островной империи: криминал, общество, общество справедливости. Уно-дуэ-трэ. Теперь «Божественная комедия» Данте: Ад, Чистилище и Рай (соответственно). Всё те же три элемента или три шара. Если Юг Италии современной взять: Мала-Витта, люди и общество Чести. Вуаля!

— Никаких расхождений... всё бьётся в точности, Палыч. А про придуманный мир — как же верно это сказано! — Феноменально, я бы даже сказал, — восклицал Макс Иванов.

Жека как чуял: просто так его не отпустят и никуда уехать не дадут. А он уже было расслабился, покутив пару дней в Краснодаре, хотя, если честно, расслабиться ему так и не удалось. Даже друзья, с которыми он действительно хотел увидеться, не развеяли ни его тревог, ни туманности надвигающегося будущего. Он думал, в Крыму его ждёт мягкий сентябрь, загорелые женщины и бесконечное южное вино. А в итоге? Оказался Жека в каком-то полудохлом обшарпанном коридоре, сидеть на скамейке да ждать свою судьбу. И не где-то там в солнечной Ялте, но в вонючем Симферополе. Благо, в этот раз хоть мордой в пол не клали. Просто предупредительно вежливо пригласил вместе подъехать, «на беседу», но документики-то прихватили с собой. Жека даже позвонить никому не мог, телефон сел, в машину его не пустили, зарядника не было. Да и кому звонить? Гол как сокол, журналист с подвешенным языком оказался снова опущенным непонятно кем, непонятно куда.

Жека встала и пошёл на проходную. Там сидело три мужика в полицейской форме с отсутствующими, пустыми лицами.

— Дайте хоть воды попить,— обратился к ним Холодов.

— Да тут вроде как не гастроном и не барная стойка, был ему ответ, после чего тройка изобразила нечто вроде радости от собственного утончённого юмора.

Холодов вздохнул. Ну, как с такими было разговаривать? Да и стоило ли вообще затевать какую-то перепалку...

— Старовойтов! Едрить, неси графин! Чего ты лыбишься? Чтоб через 10 секунд дали человеку воды,— раздался зычный голос из-за спины. Холодов обернулся и... замер как вкопанный.

Такое чувство, что его тело пронзили тысяч раскалённых иголок, вонзившихся глубоко под кожу, пронизав всё его естество насквозь, докопавшись даже до нутра.

— Ты.. чего? Чего такой бледный? Тебе плохо? — спросил его неизвестный мужчина.

Видимо, вид у Жеки был и вправду ненормальный. Помимо нездоровой дрожи и внезапно побелевшего лица, он и слова выдать из себя не мог. Всё, он чём он сейчас думал, что мать твою... ТАК НЕ БЫВАЕТ! НУ ПРОСТО НЕ МОЖЕТ быть ни при каких обстоятельствах!

Да что за чертовщина... Тело Жеку не слушалось, он вообще не мог ничего поделать. Только смотрел и тарасился, выпучив испуганные глаза, на мужчину средних лет, лицо которого он отчётливо помнил, хотя не знал и никогда прежде не встречал.

Это был тот самый мужчина, фотографию которого в ресторане ему показал Виктор Павлович. Сомнений быть не могло. Он и точка... Но КАК?

Прошло уже более десяти лет, как три ордена гейдельбергских, следуя за своими предводителями, переселились в Россию. Было решено прежние названия не поминать лихом. «Корпус правды» под руководством Грега Попова называли условно «орденом», «Братство дамочлова меча», который находился в ведении Алекса Яковлева именовали «церковью». А третий орден, «Карцерония», это общество неугомонных, несогласных и самых сложных людей, которых некогда возглавлял

Элиас Мотыгин... что ж, эту «банду» криминального характера временно взял под шефство Попов. Потеря Мотыгина была сильной утратой, но не было времени на глупости, задач стояло невпроворот, банда из «Карцеронии» тоже требовала внимания и управления, а нового Мотыгина ещё предстояло воспитать и взрастить. НО з кого? Ни одного подходящего человека, к сожалению, Грег не пока что не видел. И это его, мягко говоря, угнетало.

Семён Павлович перебирал бумаги в письменном столе. Отдельно он отложил свою самую дорогую, сильно потрёпанную тетрадь. Ох, если бы она умела говорить. Рассказала бы и про взлёты, и падения, про расцвет СССР, и про исчезновение в реке времени, перетирающей всё на своём пути. Максу он всё рассказал постепенно. Однако и так ловил себя на мысли, что порой слишком уж торопился. А вдруг он не всё успеет объяснить? Даже не так. Всего он точно не успеет. Как время управит Отослав Макса дальше думать над загадкой настоящего мироустройства, так точно описанного Стругацкими, Семён Павлович и сам вспоминал, как его учителя некогда ставили ему на исследование такие же задачи. Вспоминал, какой гордостью его переполняло, все эти смешанно-отрадные чувства, как они нахлынули, когда он сам узнал, к какому ордену он принадлежит, и какая судьба ему уготована.

Общество — Чести — то был Орден под руководством Попова, он же — «Корпус правды», как его изначально называли в Гейдельберге. Это была первая структура. Следом располагалось «Братство Дамоклова меча» под ведомством Яковлева, ну, а затем, на периферии — и Карцерония, которую в истории увековечил Мотыгин. Никакого придуманного мира, всё по уму. Рай, Чистилище и Ад. Общество Чести, мир простых людей и криминальная периферия. «Орден Правды», «Братство Дамоклова меча» и преступная «Карцерония». По сути, целый мир. И полноту устройства мирового завершал механизм, который и направлял людей из одной периферии

в другую, известный как Государство «Союз Советских Социалистических республик». «Прав был этот абориген у Стругацких на всю 1000%, — размышлял устало Семён Павлович. — По-другому утроено в мире ничего и быть не может! Шар в шаре, в третьем шаре. Тройная конструкция, что строго соответствует стадиям развития ядра рецензорной группы. Ведь изначально любой человек рождается «Бандитом», то есть частью криминала. Проходит время, и он становится либо достойным членом общества, либо остаётся бандитом. Человек, который стал достойным членом общества, уже не бандит, он видоизменился, трансформировавшись в интригана. Если он не бандитствует — значит он интригантничает, других вариантов нет. А удел всех интриганов — это Церковь. Церковь — это сплошные интриги. Они не могут убивать друг друга значит им какой-то инструмент против друг друга нужен — вот плетутся интриги. Но есть и третья структура: и это Орден. Человек на третьей стадии развития своего ядра становится Рыцарем. И орден — его дом родной. Как бы этот «орден» ни назывался, как бы ни камуфлировался, хоть НИИ закрытый, хоть СМЕРШ таинственный, хоть что. Орден есть Орден. Бандит — интриган — рыцарь. Так выглядят 3 стадии развития Ядра рецензорной группы — нашего ядра памяти. И когда вы видите определённого человека, вы сразу же по этой классификации сможете определить, на какой стадии развития он находится. Потому как стадии развития совершенно четко соответствуют памяти человека.

Так, рецензорное ядро, во-первых, генерирует родовую концепцию и на этом этапе человек — Бандит. Почему так? Помните выражение, «в чужой монастырь со своим уставом не ходят»? Род или семья — это замкнутая система. Там свои правила. Так уж повелось, что у всех родов свои правила. И когда люди из разных родов встречаются в «обществе», у них изначально правила игры у каждого свои собственные, и представления разные... а потом стоит что-то не поделить — и начинается свалка. Ни по какому поводу Единого представления нет и поэтому всегда существуют несогласные люди. Из этой-то формации зарождается Бандитизм. «Правила у каждого свои»? Неплохо, но именно так и возникает война.

На стадии формирования второго, архетипологического блока, человек становится умнее. Он понимает, что конфликт будет и его надо регулировать. Либо идти в поединок убивать, а где-то так нельзя поступить — применять иную тактику. Вот так и возникает комплекс интриганства, который и делает человека этим интриганом. И стоит человеку подняться ещё выше, стоит перейти на третью стадию формирования личности: на стадию формирования прототипа. На этой финальной стадии закалятся Рыцарь.

Родовая концепция — Архетипологический блок — прототипологический блок определяют дорогу наверх. Бандит — интриган — рыцарь — вот так выглядят вехи на этом пути для каждого человека. И на этом пути возможно буквально конструировать себя самого, свою личность, становиться КЕМ УГОДНО. По сути создавать себя в сознании, в мире. Конечно же, если использовать этот конструкторский блок. Себя можно переделать, как угодно. За счет прототипологического блока. Ни общество, ни мир по-другому существовать не могут. Даже теоретически. И ссылаясь на закон диалектики, вспомним: до тех пор, пока общество существует, существует и преступность. Так, любое общество будет состоять из криминала, обыкновенных интриганов и людей Чести, которые в истории нам более известны, как рыцари. Сколько бы обществ ни существовало, они все будут функционировать только в таком виде и никак иначе.

Академику Григорию Семёновичу Попову пришлось нелегко. Ещё в самом начале его друг, соратник, руководитель ордена «Карцерония», Илья Мотыгин героически погиб при исполнении долга. Попову не оставалось иного выбора, кроме как одновременно решать задачи и «Корпуса Правды», и «Карцеронии». Именно поэтому он начинает исследовать уголовную традицию, ведь специалистом по криминалу был Элиас, Илья Мотыгин, но не Григорий Мотыгин. Попов был специалистом в механизмах Мировой памяти, и ему буквально с нуля после смерти Мотыгина пришлось приступить к исследованию криминала. А как это было сделать? Пришлось «смешать» в едином исследовательском поле военных и криминал. И получилась уникальная субстанция, с невероятным силовым потенциалом, которая вскоре разделилась на две Ветви: на Церковь криминального мира и на Рыцарский орден криминального мира. И непосредственно в ключе такового разделения кроется ещё одна разгадка, это тайна существования специального подразделения СМЕРШ. Рассудите сами, зачем в 1943 году, когда война разворачивала копыта не в пользу Германии понадобилось создавать СМЕРШ который, по идее, уже был совершенно не нужен. По идеи диверсантов побороли уже, всех уже съели, немцы полностью дезорганизованы, их разведка не работает, зачем в таком случае «Смерч» в 43 году?

Обо всём по порядку. Только факты, господа, только факты. Армия как рабочая система расцвела в 43 году. Люди воют героически, особенно те, кто ранее сидели в лагерях. Однако уже на этом этапе академик Григорий Семёнович Попов понимает, что произойдёт, как только закончится война. Что орден останется орденом, а вот

церковники вернутся к своим прежним обязанностям. Начнут грабить, убивать, разбойничать. Всё как старые добрые времена, ан-нет. Это уже не те люди, которые орудовали до войны. Это люди новой формации, с иными навыками, прошедшие Вторую Мировую. Их навыки стали запредельными... И только представьте, что произойдёт, ежели они вернутся к прежним занятиям? Да им даже противопоставить будет некого. И Попов это понимал. По этой причине был необходим спецназ, созданный исключительно для борьбы с этими опасными людьми. То есть их требовалось уничтожить после войны. Иначе неизвестно чем это все в государстве закончится. Пока война идет все в порядке. Жизнь прекрасна и удивительна. Как только она закончится, преступники, не все, конечно, но некоторые, снова отправятся грабить и убивать. Сегодня они грабят фашистов. Как война закончится они отправятся грабить и убивать граждан СССР. А потому логично необходимость в создании уникального, очень сильного по способностям подразделения, которое способно уничтожить таковую преступную угрозу после войны. И обратите внимание, создавать подразделение в 1943 году — самое время. Почему? Всё просто. Даже самое крутое подразделение в мире нуждается в изначальном разгоне. Оно нуждается в опыте и подготовке. Приведём аналогичный пример: если вы соберете национальную сборную по футболу, вам нужно ее через серию матчей и чемпионатов прогнать, для того что бы она стала командой соответствующего уровня.

Тот же подход применили к созданию СМЕРША. То есть его требовалось отрабатывать по фронтовой полосе и на собственной территории по борьбе со шпионами. Так, СМЕРШ набирает опыт за очень короткий промежуток времени, за каких-то 2 года. Банда сыгрывается, маховик подразделения раскручивается, создавая настоящую рабочую систему. И как только война заканчивается, как только Церковь криминального мира волною хлынула в Советский Союз, дабы приступить к прежним своим преступным занятиям, на неё уже есть управа. Не верите? Не помните тех времён, потому что не видели и вам никто не рассказывал? Отличная идея в таком случае прочесть роман братьев Вайнеров «Эра милосердия». Скажите на милость, вот с такими господами, как Фокс или Левченко — как с ними бороться? Стоило «Фоксам» вернуться на родину и заняться любимым делом, как в органы милиции хлынул СМЕРШ. Тихо и пошагово. Просто уволились и пришли на работу в отделы по борьбе с бандитизмом. Именно эти люди занимались ликвидацией остатков церкви криминального мира. И к 1953 году ликвидировали все банды. Ещё какое-то время СМЕРШ просуществовал в прежнем его виде, но как только война завершилась, его аннулировал, а на прежнем месте возникла всем знакомая контрразведка. Однако к тому времени все сотрудники СМЕРША уже разбрелись по органам внутренних дел. И в органах внутренних дел появился особый отдел, который называли ОББ: отдел по борьбе с организованной преступностью. Именно эти люди ликвидируют бандитизм после войны. Это выступало их первичной задачей, но не единственной. Помимо ликвидации бандитизма стояла задача в построении нового криминала. Того нового криминала, который будет заправлять в Советском союзе, потому как без криминала нельзя. Криминал был нужен управляемый и контролируемый.

Так, бывших уголовников, прошедших войну, но не пожелавших жить как добропорядочные граждане СССР, отправили обратно в лагеря. Но те не успели вернуться к прежним порядкам. В лагеря также пришли люди из СМЕРША и убили всех неугодных, с поддержкой на то администрации, с прямого приказа «верхов». Так исчез криминал прежний и возник новый, управляемый. Думаете, с криминалом

обошлись несправедливо? Мол, они воевали, за родину сражались, а их мало того, что обратно в лагеря посадили, так ещё и уничтожили? Так же не договаривались! Но не стоит забывать, что никто не договаривался о прощении или списании новых разбоев и прочих актов преступной деятельности. Попов действовал иначе.

«Что с фашистами будете воевать, такой уговор был, но что вести себя будете хорошо, такого уговора не было. Вы вели себя плохо, мы вас обыграли. Теперь слушайте наши условия, как вы будете жить дальше. К стенке вас поставить можно, но я дам вам возможность жить. Теперь возникнет новый договор о криминале в Советском союзе. И это будет Фронтной криминал под управлением совершенно конкретных лиц. Цена выбора Вам известна. А что слов я на ветер не бросаю — Вам известно».

Что говорить: надобно отдать должное доктору военных наук, Григорию Семёновичу Попову, потому как иметь фронтной криминал — значит иметь резерв спецназа на любую последующую войну. Любая война, которая бы ни началась, очень быстро поставит их в строй. Если все главные фигуры работают на государство, то переструктурировать их в спецподразделение повторно — труда не составит. Так, после Великой Отечественной, тюрьмы превратились в подготовительные центры спецназа. А тот криминал, который существовал до 90-х годов, состоял на службе государства. И только в 90х годах появился новый вид криминала — бандиты, которые, в общем-то, выросли из спортсменов, военных и так далее, и их руками пробовали уничтожать криминал прежних. То есть возник конфликт между бандитами и ворами. Но к тому времени СССР уже перестал существовать как государство. А что было дальше — то уже совсем иная история.

Можно попытаться оппонировать написанному и заявить, например, что это не совсем так, что мы что-то упускаем. Но прочь стеснения, господа: в копилку сказанного добавим ещё один пример, крайне интересный, он будет полезен. Вся Европа построена именно по ранее продемонстрированному принципу. На вершине европейской иерархии располагаются тайные общества и Рыцарские ордена — что и есть воплощение общества Справедливости, попасть в которое в Европе негласно стремятся ВСЕ. Наряду с тайными обществами мирно сосуществует пассивное гражданское общество, их интересуют права, свободы, безопасность, соцпакет и достаток. И, конечно же, гарантии. Гарантии и уверенность в завтрашнем дне. А третья категория ли, населяющих Европу — это криминал, который вечен, как и весь наш мир.

Криминал — Общество — Рыцарский Орден

Бандит — Интриган — Рыцарь.

Именно так выглядит ключ к разгадке этой головоломки памяти академика Григория Попова, что единовременно есть и ключ к построению Советского государства по принципу треугольника: Яковлев, Попов и Сталин.

— Так что, по сути своей, Макс, этот роман и не мог быть написан. Видимо, его просто запретили писать. Выражаясь иначе, могу лишь предположить, что братья Стругацкие, вероятно, решили проконсультироваться о том, как создать такой роман, но в ответ услышали твёрдое «нет». Потому как роман-головоломка открыл бы весь секрет построения системы СССР. То есть, фантастический роман на грани государственной тайны — это предприятие, как ты понимаешь зловерное и ненужное. Да Стругацкие уже и сами понимали, что такой роман ни написать, ни издать не получится. Даже если рукопись отправилась «в свободное плавание», если она пойдёт гулять по рукам, мало от этого никому бы не показалось.

Семён Павлович торжественно похлопал Макса по спине.

— Понимаешь, я всё-таки считаю, что проект Стругацкие — это один из величайших проектов, когда-либо существовавших на Земле. И это был самый могущественный проект Советского союза, который создавал будущее во всем мире. Дело в том, что без научной фантастики невозможно жить государству, иначе у его граждан нет будущего.

— Научная фантастика создает будущее?

— Именно так, Макс. И научные фантасты — это, по праву, учёные будущего. Потому что они прогнозируют и описывают, что случится в будущем, а наука специализируется в построении этого будущего.

Писатели-фантасты, такие как Стругацкие, да и другие, в том числе, создают будущее, описывая его в амальгамных системах, а наука стремится это будущее воплотить. Теперь понимаешь, Макс, почему я всегда говорю, что у нашей науки нет задач? Потому как в нашем государстве напрочь отсутствует научная фантастика. И как бы это ни звучало, как бы ни коробило — это истинная правда.

ГЛАВА 11. «ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР»

ЗАЧЕМ МНЕ ТА НАУКА, КОТОРАЯ МНЕ В ЖИЗНИ НЕ ПОМОГАЕТ?
ВИКТОР ПАВЛОВИЧ СВЕТЛОВ

Где-то вдали, за окном, чья-то скрипучая магнитола напевала голосом Шевчука «Это всё, что останется ...после меня... Это всё, что возьму я с собой». Холодов продолжал стоять как вкопанный и тарасился на незнакомца. Судя по знакам отличия, перед ним определённо был подполковник, но что самое главное, он узнал в офицере того, к кому сказал обратиться Виктор Павлович. Семенящий Старовойтов услужливо притащил графин с водой и пару гранёных стаканов.

— Пей! А то ещё не хватало нам тут театральных сцен. Ты чего такой бледный? Большой, что ли? — незнакомец продолжал сыпать вопросами, а Жека всё силился скоординировать руки, голову, глотку и что там ещё требовалось, чтобы совершить одно простое действие.

Стакан воды не помог, второй тоже. Слова как не лезли наружу, так и не собирались. Самое страшное, что чем больше Жека налегал пытался что-то сказать, тем хуже ему становилось, как будто потуги словесные вытягивал все жизненные соки. А потому Жека плюнул, плюнул на эту гиблую затею и попросту протянул вперёд руку, словно приглашая незнакомца взглянуть на неё.

— Это ещё что за хрень...- протянул изменившийся в лице подполковник. — КО МНЕ В КАБИНЕТ, ЖИВО! — рявкнул тот, что чуть стекла в окнах не лопнули.

Холодов кое-как поплёлся за командующим, не думая ни о чём, кроме как, куда делись все его словеса. В кабинете они остались вдвоём. Не успел Жека ничего сообразить, как незнакомец развернул его запястье.

— Откуда у тебя эти часы? — чеканящим холодящим нутро голосом задал он вопрос. — И не вздумай врать мне, журналистская бесытина, а не то я потеряю самообладание, забуду о правах человечества и непосредственно перейду к обязанностям. И что-то мне подсказывает, что тебе это не понравится.

Холодов промышал что-то в отчет, но членораздельно удалось сказать только одно:

— Помоги мне!

Макс притаранил Семёну Павловичу прекрасный тугой херсонский арбуз и отправился на кухню, чтоб его торжественно нарезать. Солнце освещала небогатую опрятную кухоньку. Но Макс уловил какой-то едва различимый запах...как посторонний больничный или что-то типа того. Пока он пытался вспомнить, на что он похож, то уже принялся и перестал что-либо различать. А потом и вовсе пришёл звёздный час арбуза, все запахи отошли на задний план.

«Как будто корвалол или валокордин... а может, показалось?» — пронеслась мысль в сознании Макса, но он её механически закинул как ненужную.

— Хорош арбуз, чертяка, где ты его достал?

— Да во дворе. Буквально под домом продавали, грех такой не купить было.

— Ну, молодец, побаловал старика и будет. Рассказывай, с чем пришёл, зачем пожаловал.

Макс начал что-то выкладывать, какие-то факты, собственные рассуждения о последних мировых изменениях, А Палыч его слушал-слушал, а потом задал один, но исключительный вопрос:

— Считаешь ли ты человечество дебилами?

Макс поглядел на историка. Он не ждал вопроса вот в такой формулировке, но знал, что Палыч просто так ничего не говорит.

— Всех дебилами или недалёкими я не считаю. Разве что отдельных его предсителей.

— Вот как... Что ж, посылка ясна. А теперь давай немного порассуждаем.

Очень странная ситуация нынче у нас творится. У нас, у хомо сапиенс, есть физика, математика, химия, у нас есть всё, что угодно, кроме... науки о выполнении задач. Знаешь такую?

— Откуда, Палыч? Да никто такую и не преподаёт.

— А вот в этом и вся соль! По сути, человеку не нужна ни химия, ни физика, человеку нужна наука о том, как жить. И вот такой дисциплины в академической науке по какому-то странному стечению обстоятельств не существует. Зачем ему все другие науки если он не понимает науки о том, как жить?

Повисло неловкое молчание.

— Палыч, и эту науку тебе в Московском КБ и передавали твои учителя?

— Да какая разница, КБ или нет. Главное, ЧТО СДЕЛАНО. И это та Школа, та прикладная наука, которая позволила сделать невозможное: и войну выиграть, и страну на ноги поставить, её будущее заложить.

— Одного не могу понять никак,— протянул Макс,— почему же об этом никто не знает? Ведь это огромная ШКОЛА, как же её можно было сокрыть, хоть бы и под графами секретности? Всё равно же должно было что-то остаться, как-то просочиться... Не может быть, что у окружающих не возникало о том вопросов.

— Суть твоей мысли мне ясна, Макс,— ответил Семён Павлович.— Что ж, тому несколько причин. Обо всём по порядку расскажу. Во-первых, был выбран негласный курс интеграции науки в жизнь. И я считаю, что это самое важное, самое главное достижение моего учителя. Именно интеграция Прикладной науки в жизнь. Наука должна человеку помогать, иначе зачем она нужна? К сожалению этого подхода сегодня практически не осталось. Зато остались две школы, весьма серьезные.

Однако руководители этих двух Школ умело скрывали плоды своей деятельности. И по сути, они нашли двух самых знаменитых в Европе философов, Спинозу и Канта, и пояснили, что у истоков этих школ стоят эти два философа. Им так было удобно. Ну а что ещё им надо было сказать? На тот момент времени академически очень важно было поставить у истоков школ Спинозу и Канта. И, соответственно, Бенедикт Барух Спиноза стал в основе гибридной школы, по этому поводу я тебе уже прочитал огромное количество лекций; а Иммануил Кант — во главе военно-дипломатической. Высокий нравственный закон и т.д., и т.п.— мы тоже уже обсуждали, что захочешь дополнительно знать — сам прочтёшь. Хотя в общем-то если изучать Канта и изучать Спинозу, то вероятное всего, все должно быть прямо да наоборот. То есть, это Кант должен быть основоположником гибридной

школы, потому как наследие Канта — это плоды изучения памяти, а Спиноза был знатоком геометрического состояния духа, то есть сознания; по идее, Спиноза должен возглавить военно- дипломатическую школу. Однако сошлись на том, что Кант с точки зрения тактической был лучшим решением для определения корней военно-дипломатической школы. Нравственность, критика чистого разума, практического разума, как раз то, что нужно для аристократов. А для отщепенцев всяких, дураков, преступников, уголовников — для них учение Спиноза подходило идеально. И получилось так, что большинство людей, даже экспертов от науки, не поняли этот посыл. И посчитали, что действительно, изначально у русско- дипломатической школы стояло в основе учение Канта. Надо сказать, что Кант и был выбран по причине весомой популярности как в дореволюционной России, так и в постреволюционной. И надо сказать, что Канту поклонялись, как иконе. Он выступал неким представителем академического сообщества, который признавался и Европой, и бывшей Имперской Россией и даже Советским союзом. И доктрина Канта не вызывала сопротивления. Условно скажем, что «Кант» — это была такая дверь, через которую очень удобно тактически заходить на минные поля науки. По сути, берёшь Канта, хватаешь его учебники, его работы и начинаешь учить человека Канту и наблюдаешь за его реакцией. Это был такой своеобразный тест, позволяющий далее перенаправить человека, сориентировать его профессионально. И вот, к примеру, 12 человек в группе сидят и слушают лекцию офицеров, а вот там в уголке, на скамеечке или на диванчике сидит академик, ну давай назовём его условно академиком Поповым, человеком из Академии Генерального штаба. И вот он сидит, нога на ногу, и наблюдает за их реакцией. А преподаватель в лектор преподаёт им Канта. И есть люди которым неважно аж, насколько интересно, а есть те, которым не до Канта точно, так, по завершении лекции, делят слушателей курса их на две колонки: на перспективных и менее перспективных. Так и выглядел своеобразный такой интеллектуальный тест. Тех, кто тащился от Канта, выражаясь вашими молодёжными словечками, сразу же направляли в центр. Это был очень удобный мост, для того что бы перейти к прикладной науке.

Однако, Макс, мы с тобой сразу отмечаем: вот эти двери, тесты так далее, они же в общем-то интересовали только людей уровня Попова, уровня верхушки управления Академии Генерального штаба. Все прочие люди жили своей обыкновенной жизнью. Они даже не знали, как их отбирают, и понятия порой не имели, что за ними наблюдают. И вот когда речь шла об офицерском корпусе, то «нравственность» и прочие высокодуховные категории диктовали необходимость обращения к определённому рода научным данным. То, чтобы быть нравственным, чтобы быть честным и порядочным, необходимо быть результативным. Запомни, Макс: очень тяжело быть нравственным, не будучи результативным, особенно в таком государстве, как СССР. И надо сказать, что условия, которые были созданы в этом государстве, они выглядели приблизительно так: хозяин (так и называли Сталина) очень не любил, когда его приказы не выполнялись, или очень плохо выполнялись. И поэтому люди неизбежно от этого страдали. А это порождало огромное желание учиться, «совершенствоваться», как сегодня на тренингах поют. И чем быстрее ты научишься, тем лучше тебе, простой смертный, потому как иначе можно было угодить в неприятную ситуацию. И поэтому за короткий промежуток времени, за каких-то 40 лет, что Сталин был у власти, государство из бедного и многострадального превратилось в высокоинтеллектуальное. Так, большинство граждан этого

государства стала настоящими интеллектуалами. Почему? По причине того, что задачи, которые руководство ставило перед этими людьми, были слабо структурированы и сложны, и таковые задачи изначально требовали определённого уровня подготовки. И когда выбирали учение Спинозу в качестве основы для гибридной школы, исходили из того что, Бенедикт Спиноза жил как отщепенец, сам по себе от всего отказавшийся, умерший в общей могиле и т.д. и т.п. То есть по сути вот это отречение, оно как бы служило ключом к философии Спинозы. И лекции по Спинозе в качестве тестов никому не читали. Нет, Макс. Об учении Спинозы беседовали индивидуально. То есть если на Кантовские лекции собирали и сажали где-то по 12 человек и читали им что-то интересное, и одновременно в течении 45 минут смотрели на реакции людей, то по учению Спинозы тактически действовали иначе: методом индивидуальной беседы.

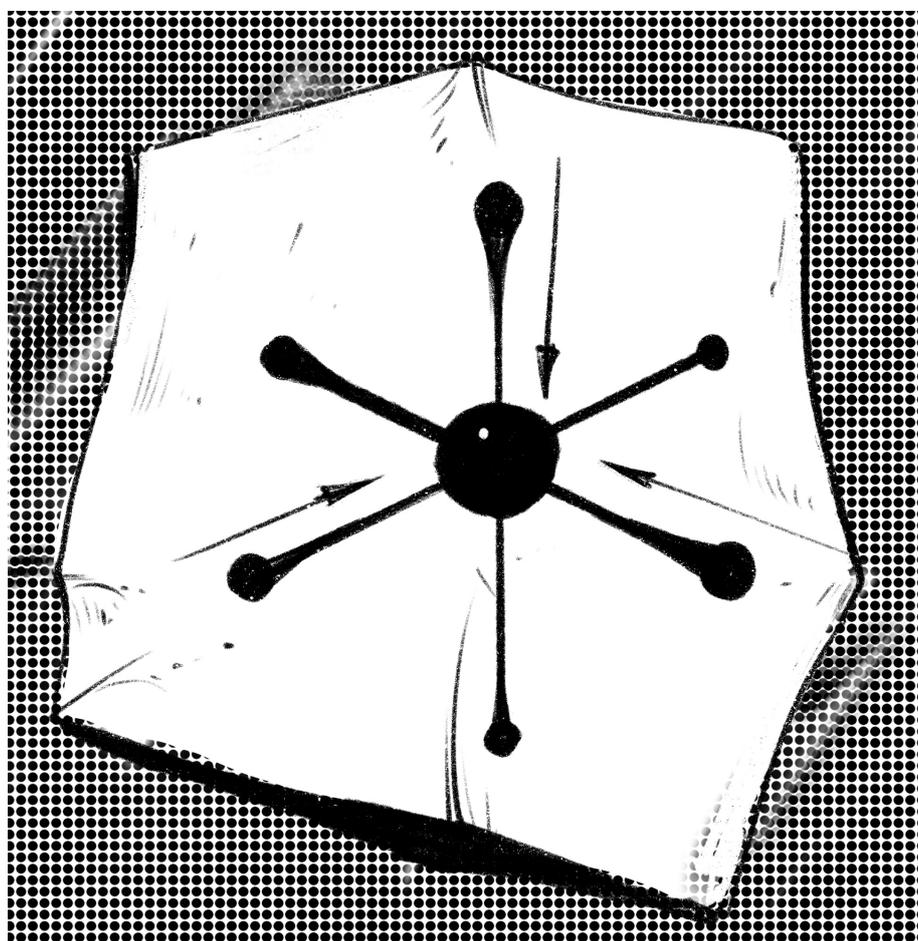
Да, сажали человека перед собой и вопрошали: «Вот что Вы думаете о Бенедикте Спинозе?» И человек начинал говорить: «О, это же буржуазный философ! Вот там он в Европе был, я помню, я знаю». И ему начинали объяснять, что не буржуазный, а просто Европейский. Не дожил Спиноза до буржуазного, не получилось у него. И по факту, философия Спинозы выступала официальным прикрытием. Того что на самом деле творили высшие, работая и обучая отщепенцев, которым терять-то нечего. И опять-таки, при таком подходе, люди сразу же на два лагеря делились: на тех, кому интересно и тех, кому не интересно. Тех, кому не интересно отправляли в подчинение. А тех, кому интересно готовили как потенциальных руководителей. То есть, по сути своей, это философское направление всегда являлось неким щитом для фактической деятельности Учёных, интегрирующих прикладную науку в жизнь. И что самое главное получилось — что мир по ту сторону двери, мир Школы Прикладной науки это был Параллельный мир, где жили иной, параллельная жизнью, на основании других порядков, законов, принципов. Да, бесспорно, интеграция науки в жизнь для таких как Попов, выступало задачей крайне важного аспекта, наивысшего приоритета. А в противном случае, зачем человеку учиться, если то ему не надо. Но на носу маячила война, а значит, ооочень многим людям резко стало «НАДО», так сказать, многие стали к обучению сильно расположены. Ну, и надо отдать должное коммунистической пропаганде и её бессменному лозунгу «Учиться, учиться и еще раз учиться!».

— Палыч, расскажи, пожалуйста, поподробнее про этот параллельный мира?

— Мой Учитель это объяснял следующим способом. Человек, который вынужден учить физику, математику, и так далее, он кем станет? Кого мы получим? Да узкого специалиста. А в чем проблема узкого специалиста? В том, что его нигде больше использовать нельзя. Но вы, Максим Викторович, наверное, заметили, что у товарища Сталина можно было по различным должностям пройти самый невероятный путь, несравнимый н с одним захватывающим путешествием. И ты мог на одной должности находиться, а могли тебе поручить нечто, не имеющее к тебе и твоей «специализации» никакого отношения. Экономическую какую-то. Вот партия, например, тебе поручила и всё — вперед и с песней, беги да делай. И как же быть в ситуации, когда люди знают только определённые фрагменты и не имеют всего остального?

И вот с чего начиналось: с понимания, что существует и левая сторона, вертикальная, которая говорит о некой протонауке. Мой Учитель говорил, что существует наука, которая лежит в основе всех дисциплин и школ и это не философия.

И вот теперь подходим с тобой, Макс, к очень важному блоку. Ты же понимаешь, я по конкретной причине поставил тебе задачу найти прототипы такого учёного как Николай Козырев. И так, как стояла задача: найди прототипы Козырева. То есть, не так давно жил творил учёный, признанный астрофизик в академической науке, а затем однажды он же вывел интереснейшую теорию времени, и её академическая наука не признала. Дело в том, что по какому-то странному стечению обстоятельств, все люди, которые совершили открытия системы координат, исследовавшие пространство, время и прочие элементы системы координат человека, все, кто пытался выйти за пределы академической науки, использовали одну и ту же геометрическую модель, как бы, не зная об этом и не будучи даже знакомыми друг с другом. Внимание в студию! Вот, взгляни, пожалуйста, на заметки, которые я сделал вчера по дороге сюда. И так, перед тобой шестимерное пространство и некий измеритель показывает, что есть что. Этот измеритель или модель называется «венецианский крест».

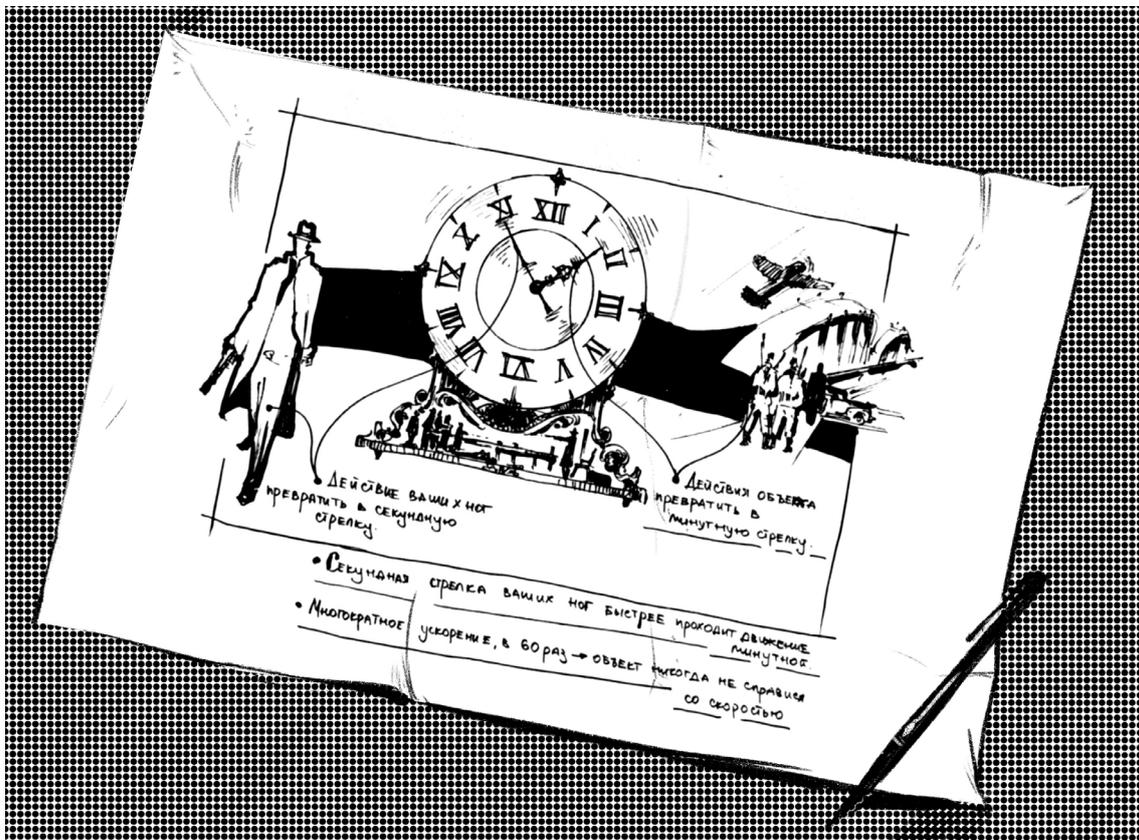
Макс рассматривал рабочую тетрадь историка.

— Чем я тебе ещё удивлю, мой юный друг, так это фактом, что многим изобретателям, физикам, инженерам, конструкторам на протяжении многих веков хорошо была знакома эта конструкция. Именно эта конструкция преобразуется в ЛЮБЫЕ геометрические фигуры.

Довольный Семён Павлович откинулся на кресло стула.

— Все открытия Лобачевского сделаны на этой геометрической фигуре. Это Раз. Два: Теория торсионных полей тоже отсюда происходит, хотя многим покажется, что это простая случайность. Номер три: Павловская система рефлексов. Та же самая геометрическая фигура. Номер четыре: теория черных дыр, астрономическая. Таких примеров ещё можно отыскать и привести, будет немало — и ты самолично в этом на досуге убедишься. Однако нас интересует другой факт: почему-то разные учёные работали с одной и той же геометрической фигурой. Это исторический факт.

— А вот эта штука, — Семён Павлович перевернул тетрадный лист, — называется «часами Попова». Это ещё одна модель Прикладной науки. Я тебе её показываю, чтоб ты увидел, что модель номер 1, «венцианский крест», преобразуется в модель номер 2 «часы Попова», и наоборот.

Обрати внимание, Макс: учёные, о которых я тебе рассказываю: Попов, Лобачевский, Козырев — они все советские. И работал независимо друг от друга. То есть они сами по себе не могут выбрать, извините, с потолка, одну и ту же геометрическую фигуру, для того что бы совершить идентичные открытия. О чём нам это говорит? О том, что вероятнее всего, кто-то сначала должен был ДАТЬ учёным эту модель, чтобы они смогли с ней работать. Акцентирую твоё внимание и на том, что все открытия, описывающие систему координат и её элементы — пространство, время, силу, энергию, дистанции и прочее — все сделаны на этой фигуре. Это первое, что я хотел бы показать и на чём, пожалуй, стоит остановиться, чтоб ты смог всё это проверить. Но, запомни: эта фигура всего лишь малая часть этой протонауки.

Казалось, вошедшего в кабинет Яковлева даже не заметила. Тот, быстро оценив ситуацию, сразу понял, что между раввином и Грегом завязывалась некая острая дискуссия, и что ни одна из сторон ее намеревалась уступить.

— Многоуважаемый Учёный! Я же ни разу не готов оспорить, что европейский мистицизм, как прото-субстанция порождает все науки. Я всего лишь стараюсь подчеркнуть тот факт, что делает она это не так, как мы себе это представляем.

— Потрудитесь объясниться, Ребе, прошу Вас, — Грег был вежлив, но достаточно холоден.

— С превеликой на то радостью! Итак, протонаука порождает философию, а философия порождает категории. И вот уже категории определяют науку. Именно на параметре «категория» я стремлюсь сосредоточить ваше внимание, герр Попов. То есть, например, категория философская преобразовывается в категорию психологическую, социологическую, историческую, математическую.

Приведу простой пример, что бы было зрительно понятно, как это выглядит на вертикали: представим, что где-то наверху, как солнце на небе, у нас существует такая категория как СУДЬБА. Замечу, что судьба всегда была философской категорией, метафизической. Однако же учёные мужи, монахи ордена францисканцев, задолго до становления современных порядков научных дисциплин, её превратили в психологическую категорию, так мы называем её сегодня. Что было проделано, позвольте рассказать. Через психологическое понятие «побуждение» рассмотрение метафизической категории «судьба», позволило её рассматривать уже как психологическую. И так, в силу логики органа, изначального прото-инструмента науки, стало возможным рассматривать «судьбу» как единство восьми побуждений — или восьми жизненных факторов. Объединившись попарно эти восемь побуждений образуют четыре вектора, которые и толкают человека по жизни. Именно этот механизм именуется сегодня как бессознательный, без ведома неразвитой личности определяющий и создающий его судьбу. И соответственно, таким же способом мы могли бы рассмотреть судьбу в качестве социологической категории, затем, например, исторической, даже математической — какой угодно вашему академическому вкусу. Я всего лишь хочу пояснить этим скромным примером, что наше наследие уже обладает всем перечнем дверей, сквозь которые протонаука проникает в мир и посредством категорий обнаруживает себя в различных научных дисциплинах.

— Господин Раввин в точности повторят то, что нам некогда в Гейдельберге рассказал профессор Шульц, — обнаружил ремаркой своё присутствие Алекс. — Существуют люди 4го уровня истории которые венчают иерархию знаний и умений. И существуют философы — строго за ними вниз по иерархии. И философы могут что угодно внести в академическую науку из этой протонауки. Двери специально созданы, и они открыты. Что используется для этого? Все несложно. КАТЕГОРИЯ.

— Да я понимаю, о чём вы говорите, — задумчиво ответил Попов. — Более того, смею напомнить, что любая научная категория всегда имеет свою историю. Это сегодня, может, она научна. Но раньше она была околонушной и её приходилось доказывать. Именно о доказательствах я и размышляю. Я просто крепко раздосадован тем, какую огромную и кропотливую работу по доказыванию какому-то научному сообществу наших открытий, уже существующих в области памяти и сознания нам ещё предстоит сделать. Поверьте, тут не только нас и наших уче-

ников не хватит, но и ученикам учеников останется бездонный карьер для этих и последующих научных изысканий.

— Сложно представить, Макс, что открытие можно сделать, лишь теша свое самолюбие. Но обрати внимание: в СССР великие открытия делаются вовремя. И погляди: Дегтярев конструировал пистолеты, пулемёты, противотанковые оружия, имея изначально три класса образования, а в конечном итоге он стал академиком и героем Социалистического труда. И в силу того, что нужны были противотанковые оружия, все открытия Дегтярева были очень научные. И если бы нашелся хоть один профессор, который сказал бы, что Дегтярев не заслуженный ученый — его бы поставили к стенке. Сразу в этот же день без суда и следствия. И все профессора об этом прекрасно знали. Товарищ Сталин бы такого человека поставил к стенке. Почему? Потому что профессор-теоретик — это гнида. Где пулемет? Нету пулемета?! К стенке! Где винтовка, где бронетранспортер? Не можешь сделать бронетранспортер? К стенке! То есть пустомели не нужны. «Стране нужны паровозы и вагоны для них» и не нужны никакие профессора. Это опасные люди, твоим профессора. Профессор, который не занят изготовлением ручной гранаты или мины — это опасный профессор. Знаешь ли, он думает, размышляет, у него есть мысли, и я полагаю, что эти мысли у него антисоветские. Если он не делает мину, если он не делает корабль, то у него мысли антисоветские. 100%. Он сидит и думает о справедливости и несправедливости. А таких людей заранее нужно ставить к стенке! Чем соответствующий аппарат товарища Сталин регулярно и занимался.

И когда сегодня кликуши орут: «О Боже, какой ученый, его репрессировал Сталин, негодяй, а такой учёный был невероятный!» — открываешь его послужной список и понимаешь, что его надо было репрессировать. Обязательно надо было. Ведь от него ни пользы, ни результатов. Он не хочет ничем заниматься, а только с утра до вечера танцевать и теоретизировать возле доски. И нечего удивительного, что товарищ Козырев в своё пострадал сильно и бесповоротно. Почему? Потому что как говорил товарищ Сталин: «Вы надоели своей астрофизикой, вот какой толк от вашей астрофизики?». Но в тот период, когда стал вопрос о полетах в космос — резко астрофизика стала востребована. То, что мы сегодня именуем как «Величайшие научные открытия мирового масштаба», но которые в СССР не приняло академическое сообщество просто напросто не обладало никакой практической реализаций, никаким прикладным выхлопом.

Если бы Козырев был помудрее, пришёл к Сталину и сказал: «...я сделаю вот такой прибор», — то все его теории, соответственно, стали необходимыми для этого прибора резко бы стали научными. Но Козырев выбрал странный путь: он начал в каких-то журналах, словно на американский мотив, доказывать свою научной правоту. «Полный произвол!» — заключил товарищ Сталин. Стране нужны вагоны и паровозы, повторяю, а не теоретические выкладки на доске. Многих Сталин повоспитывал, приучая к такой доктрине. Играть с огнём мало кто хотел. Вот то же великий Козырев — посадили его, голубчика, именно за теоретизации. И он этот урок всенепременно усвоил. Взял и да и защитил сразу после тюремного срока диссертацию Да какую! Любо-дорого поглядеть. Так у него время трансцендентной

величиной было, а после тюремного-то срока, и прозрачность времени появилась, и плотность, и параметры хода времени — да много чего!

— И вот рассказ «Забытый эксперимент» у Стругацких именно из козыревских изысканий вырос,— Макс продемонстрировал начитанность.

— Да и не только, и «Машину желаний» надобно рассмотреть и много чего ещё. Ну, да не про фантастов речь, а про учёных в СССР. Политика Сталина в отношении науки была проста и предсказуема. «Вы теоретизируйте где-то дома в тишине ночи, при свечах, а мне приносите готовые чертежи танков, заводов, станков, мне не нужна ваша теоретическая часть, опустите ее, мне не нужно ее показывать, показывайте только вот это. И надо сказать, что товарищ Сталин целыми днями занимался, кроме того, что руководил страной, он заслушивал ученых. Он был просто помешан на прикладной науке. У него начиная с 3х часов дня до 9ти вечера в кабинете толпились одни ученые. Их прямо вызывали на доклад.

Вот вызывает товарищ Сталин какого-то Васю Кошкина, к примеру, и говорит: «Вася, а-ну садись! Так Вася, а что там с танком?» Вася ему: «Товарищ Сталин готов доложить!». «Вот тебе доска, докладывай!» (рисует). «А что ты мне нарисовал? Где преимущества перед фашистами?» «сейчас все будет!» — рисует,— Ввот такой танк, он всех фашистов вот так на лопатки!» «Молодец, Вася! Иди и работай дальше над реализацией, я тебя вызову, когда снова понадобится!» — Вася ушел. С доски чертежи стёр. Следующим вызывают Ковалёва — и доклад заслушивают по той же схеме.

«Садись, Ковалев! У тебя танк где?» «Есть товарищ Сталин хороший танк». «Показывай». Он там танцует час у доски, перед Сталином и Сталин говорит: «А Кошкин только что был перед тобой! Его танк лучше, чем твой!». «Та конечно, хуже товарищ Сталин! Где Кошкин, а где танк!» — «А ну я вас завтра двух вызову!»

Семён Павлович так живо это всё изображал и рассказывал, что Макс невольно рассмеялся.

— Сталин очень любил эти доклады, он целыми днями только тем и занимался, что сталкивал ученых лбами, создавая тем самым соревновательный процесс. И так — во всех отраслях науки. Вот он юристов вызывал и прокуроров и спрашивал, что прокуроры думают по поводу Конституции? Один говорил, что не требуется в СССР Конституция, а другой считал, что Конституция нужна. К слову, Сталин самлично написал Конституцию! Сам её продиктовал! Появление Конституции — то вообще было прорывом в государстве, и за неё все проголосовали единогласно. Появились такие категории, как «гражданин», появились права, обязанности, то есть даже демократический уровень расцвёл у Сталина с появлением Конституции.

При этих результатах и достижениях почему-то все считают, что Сталин кроме как людей расстреливать, большем ничем не занимался. Да он бездельников репрессировал. А потому я так тебе скажу: подход Сталина был совершенно понятен. И обрати внимание, Макс, этот подход давал потрясающие результаты. СССР фактически с разваленной страны взлетел до уровня мирового. Такой, что по сути этот потенциал реализовывался аж до прихода Горбачева к власти. ТО есть кто бы мог подумать СССР отсталое государство первое отправляет человека в космос. Это был удар по мировому сообществу жуткий просто. Лучшие в мире самолеты, лучшие в мире истребители, лучшие в мире подводные лодки, то есть военно-промышленный комплекс был лучшим в мире.

Смотри-ка, кое-что и в Союзе было плохо. А в плохо было в СССР в бытовых

вопросах. Так как все ученые были заняты военно-промышленным комплексом, некому было делать, например, телевизоры. Но в военное и послевоенное время привычно считалось, что Телевизоры делали бездари. Ну, кому доверить телевизоры, только тем, кто не способен заниматься военно-промышленным комплексом. И очень многие необразованные сегодня заявляют, что, мол, американцы придумали компьютер. Это не правда! Компьютер сконструировали впервые в СССР.

— Неужели? — протянул Макс как-то огорошено.

— ДА! И это очень просто проверить: ракеты без АСУ, без компьютеров в космос не запустить. То есть, если запустили в космос человека, то там уже компьютеры бортовые стояли по определению. Обрати внимание, правильней было бы сказать, что американцы создали первый гражданский компьютер. А не сам компьютер, компьютер изобрели в СССР. Но надо сказать что, Союз и дальше создавал компьютеры и в конце концов пришёл к пониманию, что ракеты требуют счётно-решающих приборов, подводные лодки требуют счётно-решающих приборов, хотите вы этого или не хотите. Конечно же, Сталин мог решить вопрос и с бытовыми всякими приборами. Ну, что ему стоило вызвать двух людей и приказать сделать телевизор лучше, чем в Японии. Почему он это не делал? А он считал, что это ужасно! Многие люди не понимали Сталина как руководителя, почему он держит определённый уровень жизни в государстве и не хочет его улучшать. Потому что людей потом нельзя будет заставить что-либо делать! Воевать могут только те, кому нечего терять. Если человек поднимается до определённого уровня жизни, Да ему есть что терять! Вот почему, в частности, США — самая слабая в этом отношении держава. Да любая страна, которой нечего терять раздавит Америку, как плюшку! По факту, что Американцы любят делать? А они любят договариваться. А теперь представим на минуточку, что с вами никто договариваться не собирается.

К чему я это всё... Любые победы и достижения возможны только при определённых жизненных обстоятельствах. Выйдите за приделы и всё — прощайте, победы. То есть человек, который живет в лучших условиях, чем ему требуется, ни на что не способен. Сталин очень хорошо знал это, потому что за ним стояли очень мощные научные лидеры.

Вот почему в качестве спецназа были выбраны уголовников? Потому как этим людям нечего терять. Что там в лагере, что здесь, на фронте. Этим людям можно было немного улучшить условия, дать паек, и они и мир, и Европу перевернули, эти бесстрашные воины. А сегодня что? Да сегодня бы при первой опасности многие бы сбежали за границу, лишь бы не воевать. А зачем? У них уже всё есть, они набрали достаточно, ещё внуки не успеют потратить.

Но такое государство, Макс, не имеет народа. Такое государство состоит сплошь из индивидов. А у Сталина был народ, который на многое был способен! Они две пятилетки за одну пятилетку делали. Никто не способен сейчас, вот так что бы с нуля выстроить Днепрогэс за три года, это невозможно даже теоретически. Поставьте задачу строительной компании, они будут 30 лет возится. А Сталин не одну построил гидроэлектростанцию, а всюду в СССР поставил. Затем и тепловые станции, а в последствии — и атомные станции.

— Вас послушаешь, Семён Павлович, и уже язык не поворачивается назвать Сталина чудовищем или подонком. Ну, просто, сегодня в большинстве своём так описывают его, как неумного диктатора, — сказал Макс.

Семён Павлович лишь усмехнулся.

— Подонок? Был бы вероятнее всего таким, ежели купался бы в роскоши, да выводил богатства СССР в швейцарские банки. Ничего подобного мы не обнаружим! Он ходил в одном и том же военном мундире, у него были двое сапог, туфли, «хромачи» под маршалский мундир. У него кроме, квартиры, дачи правительственной, машины ничего не было, кроме зарплаты секретаря ЦК КПСС. Человек, обладавший абсолютной властью в СССР, не имел ничего. Напомню, Макс, и тот случай, когда Надежда Аллилуева писала Сталину, что ей не выдали зарплату и просила у него 50 рублей, потому что задержали зарплату там, где она работает? Жена генерального секретаря ЦК сама работает, просит у мужа 50 рублей, потому что детям надо! Она не по салонам ходит, празднично пилить ногти, но работает, как и все в государстве.

— Вот и параллельный мир... я бы даже сказал, параллельная вселенная! Сегодня такое даже по определению не может встретишь. И дело не в капитализме и его благах, которые совращают и искушают тонкую человеческую душу, но в самом человеке.

Холодов, закутавшись в какой-то плед, сидел перед подполковником. Тот представлялся как Молчанов, Владимир Давидович. В тишине они просидели уже минут как 30. Жека ему всё рассказал про свою, всё подчистую — от момента зачатия, до момента попадания на тот тренинг личностного роста, где московские омовцы без запятых и двоеточий, просто клали «мордами в пол» всех подряд, не особо заботясь ли утруждаясь как-то объяснить своё вторжение и применение силы. Жека рассматривал часы на своей руке. Они спасли его, в очередной раз спасли его фартовую задницу. Вернее, спас тот немногословный Виктор Павлович, таинственная фигура, вот бы встретится с ним ещё раз хотя бы. Владимир Молчанов, в который раз, затребовал описать, кто именно дал ему часы и по какой причине.

— Да как вам ещё объяснить, что мне их отдал Виктор Павлович, показал Вашу фотографию и напороочил, что я почему-то Вас вскоре встречу. Да я сам чуть не обделался, как вас увидел... Так не бывает, я как в параллельной какой-то реальности побывал. Какой-то неизвестный старик даёт мне часы и говорит — «Хэй, тебя вскоре снова трахнет жизнь по башке, хватай часы, запоминай вот этого мужика и как увидишь его — проси о помощи!»

Жека понемногу приходил в себя.

— Так не бывает. Не бывает и всё тут...

— Но ведь ты — здесь. И я — перед тобой, — почему-то подавив улыбку, заметил Молчанов. — Пусть в твоём ограниченном тупом мире чего-то и не бывает, и ты волен не расставаться с этим убеждением. Но тогда можешь смело валить из моего кабинета.

— Нет, что Вы! — залепетал Жека, — я совсем не то имел в виду...

— Ну, конечно, не то, — рассмеялся подполковник, — как жареным запахло, как шкурку подпалили — так и «не то мел в виду». Знавал такое, да неоднократно.

— Владимир Давидович, Вы мне можете?

Тот на мгновение задумался, а потом снова поглядел на Холодова.

— Ты хоть соображаешь, с кем ты разговаривал?

— Ну, насколько на тот момент времени это было в моих силах, — ответил Жека. — Понимаете ли, я всё-так человек гражданский... Трухануло меня неслабо,

страшно было, что и говорить. Я уже только в ресторане разглядел как положено Виктора Павловича. Да и он сам представился, как генерал-лейтенант, что тоже масла в огонь подлило основательно. По мою тощую задницу — и генерал-лейтенант спасителем пришёл.

— Встань и развернись, — приказал Молчанов.

— Что, не понял?

— Встань на ноги, развернись ко мне спиной и посмотри вперёд.

Холодов послушно повернулся и... дрожащей рукой невольно потянулся вперёд. Там, на стене висел портрет того самого Виктора Павловича!

— Это мой Наставник и Учитель, — произнёс Молчанов.

— Это великий Человек! — как-то невпопад брякнул Холодов.

— Да ты даже не представляешь насколько. Присядь.

Молчанов налил Жеке стакан воды и протянул его.

— Он БЫЛ великим человеком. Самым настоящим Героем.

— Почему же был? — недоумеваю, спросил Холодов.

— Потому что он погиб в автокатастрофе в 1992 году. Ровно 27 лет тому назад.

И на его похоронах я присутствовал лично.

— Вот говорят, что есть что-то невозможное. Ну, в мире теоретиков и довольствующихся баснями и гипотезами — всё так и есть. Но ещё Маэстро Неаполитанского фехтования Антонио Маттей в 17 веке озаглавил свой трактат как «Невозможное возможно». Вероятно, Маэстро Маттей знал то, чего не ведали другие?

Совсем недавно, словно в параллельном мире жили люди совсем другой жизнью, о которой сегодня нам мало что известно. И в силу секретности, и в силу собственного безразличия к собственному прошлому, к истории и Памяти наших предшественников. А ведь у них, у героев, нам есть чему научиться — той самой прикладной науке, как минимум.

«Но кому сегодня нужна наука?» — воскликнете Вы. Хотя нет, не воскликнете, так, прохладно подумаете. А зачем? Разве вам нужна наука?

Человек нуждается в простой практической пользе, ему не нужны чаще всего прекрасные, даже изящные теории и солидные чертежи, схемы, конструкторские изыски и всё такого рода. Зачем? Это же сложно так! Не дай Бог, ещё разбираться, для чего прикажете? Ну вот совершит, к примеру, какой-то учёный открытие. И что с того? Нет, открывать недостаточно. А зачем вы это открыли? Для чего вы это открывали? Какую задачу разрешает эта очередная инновация? И если перед Вами не стоит прикладной задачи, и Вы открытие осуществили просто так, значит, молодой человек, Вы бездельник. А по уму-то в параллельной вселенной всё было не так. Сперва стоял задачи: острые и жизненные. Для их разрешения разрабатывали практический инструмент — технологию. И уже входе конструирования технологии под задачи у ученого в процессе исследования возникали открытия, а не просто так, интуитивно, или как побочное явление.

Так или иначе, все открытия должны осуществляться в процессе создания какой-то прикладной системы. У всех нас существуют совершенно конкретные потребности. Например, зарабатывать деньги, защищать себя и свой бизнес, строить семью, воспитывать детей — да мало ли! По сути, перед каждым человеком стоят конкретные задачи, которые требуется решать. И для этого нужны технологии. И если этих технологий нет в наличии, нет в арсенале, значит вы такой же, как и все. Беспомощный и зависимый от миллиона внешних факторов. А если вы такой же, как и все, то и никаких достижений, преимуществ у вас перед другими людьми нет.

Но верно и другое замечание: чтобы народ требовал чего-то, стремился добиваться высот, идти к лучшему, нужны определённые условия. А их сегодня не существует. И соответственно, науки тоже нет. И даже когда клюнет петух, мы и тогда пытаемся не своё дело делать, не в свою науку вкладывать, но замещать чем-то иноземным и зарубежным. Не своё разрабатывать, не себя улучшать, а кого-то приглашать, отдавать им собственные деньги и время. И что в итоге? Результатов ноль, изменений — тоже, своего — не нажито, чужое — в кредит. Чего невозможно было ни во времена академиков Алексея Самуиловича Яковлева и Григория Семёновича Попова Попове, и невозможно было при правлении товарища Сталина. Как говорится, факты да аргументы в свободном распоряжении, выводы и выборы — вольное дело каждого человека.

А дальше что? Знаете ли, недаром ещё древние говорили, что человек — сам кузнец своего счастья. Если есть чем ковать, счастье собственное, — тогда куй, если нечем ковать — смотри и завидуй, как другие куют.

ГЛАВА 12. ВЕЛИЧИЕ

КАК ЧАСТО В ЖИЗНИ ОШИБАЯСЬ, ТЕРЯЕМ ТЕХ, КЕМ ДОРОЖИМ.
ЧУЖИМ ПОНРАВИТЬСЯ СТАРАЯСЬ, ПОРОЙ ОТ БЛИЖНЕГО БЕЖИМ.
ВОЗНОСИМ ТЕХ, КТО НАС НЕ СТОИТ, А САМЫХ ВЕРНЫХ ПРЕДАЕМ.
КТО НАС ТАК ЛЮБИТ, ОБИЖАЕМ, И САМИ ИЗВИНЕНИЙ ЖДЕМ.
ОМАР ХАЙЯМ

Макс не спал третьи сутки, и уже весь мир вокруг казался бредом. Чьей-то глупой, безрассудной и пошлой постановкой. Вера Марковна, как серая мышка, тихонько проскользнула в его комнату, поставила поднос с чаем и чем-то там ещё, и так же беззвучно исчезла. Кусок в горло не лез у Макса, ему было откровенно пусто, дико и по-настоящему хреново. Пару дней назад он, как обычно, получил очередное задание от Семёна Палыча, схватил какую-то книжку про немецкое фехтование вроде как. Проштудировав за ночь её вдоль и поперёк, Макс был готов «доложить», как он сам это называл, а потому где-то часа в три пополудни уже стучался к Семёну Павловичу в предвкушении знаменательной беседы. Каково же было его удивление не застать Палыча дома.

«Может поехал куда, да не предупредил», — беспечно решил Макс и тоже побежал по своим делам.

Через час его мобильный буквально разрывался от звонков каких-то неизвестных людей.

— Да. Добрый день. Максим Иванов. Верно. Да, знаю, конечно. Что значит, не приехал? Когда видел в последний раз? Да вчера и видел...

ДА ЧТО ВООБЩЕ ПРОИСХОДИТ?

На опознании Макс был впервые. То, что осталось от Семёна Павловича, сложно было назвать человеком. Только по лицу-то, собственно, и было понятно: это действительно Палыч. Тела практически не было, сплошь какая-то каша. Макса мутило и тошнило, но не от вида размазанных внутренностей и или бездыханного тела, но от осознания, что произошло. И что Палыча он больше увидит. Никогда в своей жизни.

В тот день Семён Павлович Хайзенвальд, 76 лет от роду, ехал на такси в частную поликлинику, сдавать анализы. Собственно, ездил он туда по 2–3 раза в неделю, о чём Максиму ни слова не обронил. У Палыча было больное сердце, и всё же, умер он не от этого. Это была страшная авария, одна из тех, которые предпочитают даже по телевидению не показывать. В результате лобового столкновения двух автомобилей не выжил никто. Ни водила, который скорее всего, был под наркотой, ни таксист, который вёз Палыча в больницу. Как там в сказках пишут: они жили долго и счастливо и умерли в один день? Увы, так только в сказках.

Правильно говорят, что книга книге — рознь. Чего только сегодня ни напишут! Ложь от вымысла не отличить, тем паче, что без инструмента РПТК 1 Раструб «Истина — ложь». Читая эти строки, некоторые наверняка посчитают, что изложенное — фантастично и невозможно. Однако же, существует ряд нюансов, оспорить которые — задача сложная и бесполезная. Из очевидного: нынешний приемник Советского Союза, Российская Федерация во главе с президентом России, по какому-то странному стечению обстоятельств бережно хранит секреты прошлого. Приведём только один пример: несколько лет назад вышел срок архивных документов по Второй мировой войне. Многие учёные, по крайней мере, кто был в курсе, ждали, что эти документы будут полностью обнародованы, что к ним появится доступ, однако руководители государственные принял иное решение: засекретить эти документы ещё на последующие 50 лет. И такое «стечение обстоятельств» не может не наводить на мысль: вероятно в этих архивных документах содержится та самая правда-матка, которая излагается здесь и сейчас. Однако же почему-то нынешний президент и руководство самой Российской Федерации не желает, чтобы люди узнали эту правду. Но теперь, когда Палыча больше не стало, когда я знаю правду, я, Максим Иванов, определённо заявляю: я напишу Вам всё, чёрным по белому. Да так, чтобы всем всё было видно!

Из регионального управления какой-то частной украино-немецкой компании, в дом Ивановых приехал адвокат. Весь в чёрном, с кожаным кейсом из какой-то страшно-крокодиловой кожи, в очках с едва различимой золотой оправой. Вежливо представившись, он предложил не медлить и перейти к делу, собравшему их в столь непростой час. В квартире Ивановых, помимо её обыкновенных обитателей также был Александр Хайзенвальд — внук Палыча, прилетевший из штатов на первом же самолёте. Осунувшийся и страшно худой, он не успел попрощаться с дедом, а лично они виделись вообще пару лет тому назад, что угнетало Сашу непередаваемо. 4 человека молча слушали адвоката, каждый думал о своём.

— Максиму Викторовичу Иванову, такого-то года рождения, проживающему по адресу такому-то, настоящим завещаю в его полномочное распоряжение передать всю свою библиотеку, состоящую из 387 книг, что находятся в рабочем кабинете моей квартиры по адресу такому-то.

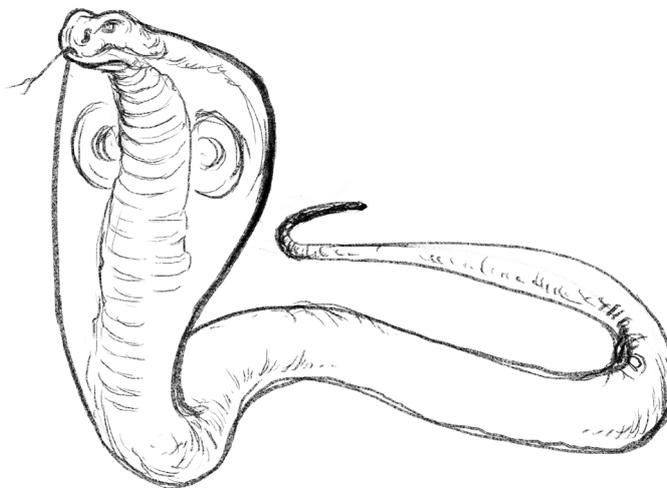
Также настоящим завещаю следующее распоряжение: передать Максиму Викторовичу Иванову ключ от ящика моего рабочего стола. Всё, что будет обнаружено Максимом Викторовичем Ивановым в ящике данного стола принадлежит ему. Адвокат передал ключ ничего не соображающему Максиму.

Макс сильно изменился за эти пару лет. Внезапная кончина Палыча перевернула его жизнь и изменила всё. Сегодня это был уже не теряющийся на перепутье физик, обладатель кандидатского титула, но бизнесмен, владелец не крупной, но внушительной по мощности финансовой компании «Независимое общество защиты кредитов». У Макса было железное правило. Каждый день, на протяжении двух часов, без выходных и проходных, с 19.00 до 21.00 он работал над книгой. Он ещё не решил окончательно, когда и как он её издаст, но знал точно: книга будет не одна, не менее пяти. Ибо изложить историю Школы прикладной науки и историю Людей, которые принесли её, в прямом смысле этого слова, на территорию развалившейся Российской империи — то была задача на грани фантастики. Со Стругацкими Макс себя сравнивать не смел, хотя всякий раз, когда «ловил ступор» или влетал в очередное писательское препятствие, он неизменно открыл что-то у любимых Стругацких и читал книгу вслух. Обычно минут 5, 10 максимум хватало, чтобы собраться с мыслями и снова перейти к делу. Сейчас он работал над набросками очередной главы, силясь простым человеческим языком описать тот нечеловеческий вклад, который сделал Отец-основатель науки о жизни и для жизни, академик, доктор военных наук, Григорий Семёнович Попов.

На первоначальном этапе считаю необходимым объяснить, что же сделал Григорий Попов и почему лично я считаю его непревзойдённой величиной в Науке Мировой. Я не стану его государственный вклад, исключительно посвящу своё время и ваше внимание, рассказывая о Григории Семёновиче, как об учёном. Итак, начну я, пожалуй, с упоминания его беспрецедентных достижений в нейрофизиологии. Академик Попов описал такую нейрофизиологию, которая нам сегодня кажется трансцендентной. Если Бернштейн, к сравнению, разработал фундамент и учение классической нейрофизиологии, то трансцендентная нейрофизиология

есть заслуга Попова. На вопрос о том, что я подразумеваю под трансцендентной нейрофизиологией, непременно отвечаю, что это умение управлять нервной системой собственной, равно как и нервной системой другого человека с дистанции, используя на то слово, действие, либо же посредством постановки человека в управляемую ситуацию и т.д. Сегодня, благодаря прикладной науке разрешения задач, мы знаем, как устроена нервная система и потому можем сделать многое. Оказывается, что нервные реакции человека поддаются управлению, в том числе и дистанционно. И совершенно необязательно при этом использовать само тело — нейрофизиологически наша система реагирует и на слова, и на движения, и на ситуативные повороты.

Одним из самых беспрецедентных открытий Попова, как неоднократно говорил мой учитель, Семён Павлович Хайзенвальд, является **модель памяти**. Впервые в истории человечества Поповым, доктором военных наук, была представлена рабочая модель памяти, которую можно использовать в деятельности любого плана и добиваться неограниченных результатов. Модель памяти Попова, в частности, объясняет режимы работы памяти, а таких режимов, на которых попеременно живёт любой человек — всего три: автомат, полуавтомат, ручное управление. Попов также разработал теорию ядра нашей памяти — того самого «вечного двигателя», который неизменно толкает человечество вперёд. Ядро памяти, оперируя научным аппаратом прикладной науки, называется **«Ядро рецензорной группы» или ЯРГ**.

Итак, если теоретически предположить, что ВЕСЬ МИР вокруг нас — это память Бога, в таком случае наше сознание находится внутри памяти Бога. Тогда мы могли бы допустить гипотезу о том, что сознание Бога находится в каждом из нас в виде ядра, ЯРГ. Попов пошёл дальше и вывел теорию треугольника Дисциплины, который исторически назывался «Пастаментом». **Пастамент — это самый эффективный жизненный подход**. И описанию этого жизненного подхода я непременно посвящу не одну книгу в будущем.

Следующая заслуга Попова — его **открытия в области интуиции**, что и по сей день поражают точностью и практичностью. Как на практике неоднократно доказал Попов, воспитав в военное время плеяду удивительных людей, управляемая прототипологическая пирамида памяти создаёт сверх человека. Причём сверхлюдей Попов именно воспитывал и выковал сам.

Надо сказать, что **Попов — единственный новатор в мире, который дал теорию и методическую практику системы обучения**, считая, что самой большой проблемой человечества является скорость обучения. Его технология «ящиков ума» применима в широком спектре задач: от обучения до построения информационно-энергетических систем. И я просто обязан сказать, что у Попова существуют совершенно удивительные открытия! Так, Теория Попова, в частности, говорит о том, что человек вообще ничего не изобретает. Как бы парадоксально это ни звучало, с точки зрения Попова не существует в мире ничего, что бы человек по-настоящему изобрёл. Изобретение выглядит весьма уникальным способом: человек просто извлекает, словно вытаскивает из себя вовне запчасти и механизмы собственного устройства и материализовывает их. Вот так выглядит изобретение. Например, фотоаппарат — это разум человека. Автомобиль — это тело человека. Даже ядерная бомб — это расщепление ядра памяти, ЯРГ. Как существует расщепленное ЯРГ в виде человеческого бытия, так и существует процесс «расщепление ЯРГ», которое и дает ядерную реакцию.

Отдельным открытием Попова является то, что сознание человека — это по сути, расщепленное ЯРГ человека. Хотя я уверен, более всего сегодня в 21 веке, вызовет ажиотаж само понимание того, что интернет — работает по совершенно иной логике — не поисковиков или языка SEO, но механизмов памяти, что и описано было Поповым уже к 1953 году, когда никакого интернета ещё и в помине не было.

Отдельное достижение Попова — это **метод психогаммы**. То, что по сей день является тайной за семью печатями, которую никто не может разгадать. Методы управления памятью и методы диагностики памяти, чтение памяти, взаимодействие с памятью — всё это даёт психогамма. По сути, психогамма — это язык памяти, тот язык, на котором разговаривает память человека. Как известно, память не воспринимает нашего обыденного языка, на котором мы с вами разговариваем, будь то немецкий или японский. Память понимает только язык психогаммы. С помощью этого языка можно давать команды машине памяти, проверять её благополучие в тот или иной момент времени, обучаться новым специальностям в кратчайшие сроки и даже разрешать невозможные задачи.

Перечень был бы неполным, не напиши я об уникальной разработке — и это «лифт Попова»: потрясающая система, разрешающая проблематику архитипологического блока памяти человека, позволяя человеку выйти из любого конфликта Победителем.

Разработка родовой концепции и выявление устройства родовой концепции, и главное, выявление сердечника — это одно из выдающихся достижений Попова. Сердечник — это исчерпывающий перечень технических элементов, определяющих тактику человека. Без сердечника мы были бы неспособны ни к каким профессиональным и даже бытовым действиям, а потому на планете земля не задерживались бы надолго.

Академик Попов также описал такой механизм, как «горелка», которая связывает сознание и память. Между сознанием и памятью существует некий механизм, который психологи беззаветно ищут не первое десятилетие, но Школе Прикладной науке он ведом давно.

Попову принадлежит первенство в описании управляемых механизмов власти и вертикальной автоматике памяти мира. По сути, Попов объяснил, по какой логике и КАК развивается сам Мир.

Наряду с этим академик предоставил описание горизонтальной работы автоматки памяти человека. В современных трудах по когнитивистике этот аспект называется «логика автоматки». Попов доказал, что у автоматки человека совершенно другая логика, нежели у разума человека. То, что человеку кажется абсурдным с точки зрения разума, совершенно не абсурдно с точки зрения логики автоматки. Надо сказать, что очень многие направления Попова продолжили и другие ученые. Например, Герд Гигеренцер доказал в психологии, что мы не можем работать с цифрами и числовыми показателями. Сначала Попов, а затем и Гигеренцер, независимо пришли к выводу: мы принимаем решения не так, как думаем. Наши решения иные. Если включаются названия и цифры, то мы тут же допускаем ошибку. Любые определения, понятия и значения — край споров всех во все времена.

Попов описал память мира, как историю, описав её вертикальную и горизонтальную системы срабатывания.

То, что я сейчас перечисляю — это далеко не все открытия, которые сделал Григорий Попов.

Его открытие амальгамы — это высший пилотаж памяти! Амальгамы позволили исследовать то, что невозможно исследовать, учить тому, чему кажется, научиться невозможно, тренироваться там, где как кажется, невозможно тренироваться; и управлять в тех условиях и теми системами, которыми, казалось бы, невозможно управлять. Амальгамы научили человека тому, чему он не мог обучиться самостоятельно ни при каких обстоятельствах. И в результате скорость обучения, скорость подготовки специалиста возросла многократно. Что такое 60 дней вместо 5, а то и 10 длительных лет? Это просто несопоставимые категории. Но Попову и это было под силу.

Более того, сегодня мы обязаны как Попову, так и Яковлеву идее описания психики. **Попов впервые дал определение психики как реализационной цепочки**, при которой некий персонаж в памяти сначала хватается амальгаму, затем хватается методику, затем — элементы сердечника и уже страшно подготовленный и увешанный всем необходимым вооружением, словно рембо, появляется в виде персонажной модели в сознание, где становится ролью, а в конце получает статус победителя. Безусловно, это только поверхностное изложение открытия, но ведь с фундамента и стоит начинать, не так ли?

Попов досконально описал все **прерыватели психики**, другими словами, что нужно сделать, чтобы человек не смог выполнить задачу. Никто не знает, сколько в общей сложности было поставлено экспериментов, но исход был един: если дать человеку даже простую задачу вне плоскости его влияния, то индивидуально он с ней не справится. А если даже в плоскости его влияния ставить, то индивидуально он чаще всего тоже не справится — и на то есть причины: механизмы, именуемые «прерывателями».

В нескольких словах постараюсь затронуть такое понятие, как «паутина Попова», открытие которой предшествовало амальгаме. Паутина — это все зависимости человека, собранные совокупно. Посмотрите на элементы паутины любого лица, и вам многое станет понятно относительно этого лица. Законопослушный человек, любящий свою семью, детей и собаку — ни на что не способен. Такие люди прерываются в одно движение. Как говорил Попов: *«Чтобы вернуться живым с войны, нужно очень сильно ненавидеть свою жену и детей, иначе вы труп в первом же бою»*.

Если человек может себя привести в это состояние усилием воли, то он останется в живых и вернется на благо своей семье». Другими словами, защита родину, семью и детей — это очень плохая мотивация на войне. Мало того, что пуля быстрее человека, так еще и автоматика так устроена, что она будет спасать себя, а не кого-то иного. Не сможете вы никого защитить, прикрывая его своим собственным телом, оно вас же слушается; нет, человека можно только обыграть. Поставить нужно человека в такое положение, при котором он будет вынужден себя защищать. И это как раз и есть те догмы Попова, которые являются элементами технологии 2САО.

Знаете ли, недаром говорил Яков Серебрянский: **«Одно дело быть пламенным в толпе, а другое дело быть честным с самим собой».**

Вероятно, многие спросят меня: откуда мне всё это известно? Работы Попова, в общем-то, перестали составлять предмет государственной тайны в момент развала Советского союза, прекращения его существования как юридического лица. И все труды гениального академика было приказано уничтожить, чтобы они не достались никому из вновь пришедших к власти. Мне удалось сохранить это знание, потому как мне его передал Учитель, Семён Павлович Хейзенвальд. И я до конца дней своих буду я ему благодарен за ту самую тетрадь, которую он завещал мне посмертно.

Более того, пользуясь случаем, приведу в точности цитату из рабочего дневника Семёна Павловича:

«Распоряжение уничтожить архивы Попова я выполнил, однако же прежде я их все перефотографировал, дабы не предать эти величие забвению. Все фотографии, а именно несколько машин с коробками, заполненными отснятой пленкой, я сохранил, а после безопасно перевёз в Австрию, в частный институт моего большого друга и соратника, товарища М.

Открытия другого нашего Отца-основателя, Алексея Самуиловича Яковлева, в области сознания и догеометрического состояния духа — вообще поражают своей мощью. Яковлеву и Попову мы обязаны инструментальным рядом, древнейшему причём, сколько ему лет — 10000 или 100000 — никому неизвестно.

Надо сказать, что человек изучает память не быстро, за 5 минут её понять невозможно, увы. Но стоит только увлечься и задаться таким вопросом, как вскоре о памяти, благодаря исследованиям и открытия Попова, он будет знать значительно больше, чем любой ученый в этом направлении в 21 веке. И на то понадобится не так уж много времени. Гораздо меньше бесполезного пятилетнего просиживания штанов за университетскими столами.

Оценить весь вклад Попова достаточно сложно, потому как мы обязаны рассматривать его и как государственного деятеля, и как создателя советского спецназа, и как феноменального учёного, способного работать на стыке нескольких фундаментальных академических дисциплин. Это потрясающий гений, равного которому я не нахожу во все времена. Как говорят в Одессе, «Таких людей давно нет и вряд ли скоро появятся». Подводя итог главы, я хочу сказать, что даже если бы я захотел в одной книге описать все достижения Попова в области науки, мне не хватило бы ни страниц, ни жизни. Одно я могу сказать точно: мы многим обязаны академику Попову. И даже о том ничего не подозреваем. Не знаем и не ведаем, шарясь впотьмах подвалов необразованности, так и не поворачивая на сияние света Школы и Науки Побеждать.

Попов и Яковлев сидели на веранде и беседовали с со своим самым юным учеником. Это был практически конец сентября, и через пару — тройку дней ему исполнялось 16 лет. Однако же старательности, дисциплинированности и осознанности подхода ему было не занимать. Любой взрослый человек бы обзавидовался, не иначе.

Яковлев продолжал рассуждать вслух:

— Сколько всего наук существует в мире? Да посчитать сложно, не так ли? Может, сотня, может того больше. А пройдёт ещё лет 50 — их станет ещё больше, вот увидишь. Однако давайте с вами представим, что существует определённое количество наук в мире, которые контролируют некий объём и количество знаний человечества. Назовём эти науки условно «контролирующими». Это значит, что подавляющее большинство людей на планете Земля думают ТОЛЬКО так, как предписывают им эти контролирующие дисциплины. Академическая наука, Виктор, и была введена в мире, для чтобы подавляющее большинство людей думали так, как необходимо.

Нынешние науки,— продолжал Яковлев,— позволяют лоббировать даже такие несусветные идея, как то, что человек думает мозгом или ходит благодаря какому механическому перемещению ног. Короче, сегодня можно заставить человека поверишь во что угодно, методично используя для того аппарат академической науки. Что самое печальное, никто и не задаётся вопросом «Откуда учёным известны те или иные «факты»? Люди предпочитают не напрягаться и принимать на веру то, что выгодно или в чём сложно разобраться.

Я хочу познакомить тебя с одной формулой. Она говорит, что все изменения происходят в мире в рамках суммы «8 + 8», что представляет короткое и длинное изменение. Что нам даёт формула «8 + 8»? Она говорит о том, что не нужно контролировать все науки, достаточно контролировать лишь 8 из них, чтобы контролировать весь мир. Допустим, в нашем распоряжении ровно 100 наук. Многовато, не так ли? Но вся сотня нам и не нужна в распоряжении, достаточно восьми. Даже если их будет 200, то и в этом случае толку никакого: контролировать нужно только 8 основных. Почему так? Перейдём к устройству. Первая восьмерка — это знание, которое медленно изменяется. У него время изменения очень медленное. Так, чтобы академическая наука приняла какое-то знание, ей затребуется очень длительное время. Короткая же система меняет представление лица о чем-либо за очень непродолжительный промежуток времени. На основании этого, мы могли бы заключить, что всего нужно лишь 8 человек, чтобы изменить любое представление о мире. Эта формула в истории апробирована не единожды. Итак, всего требуется контролировать 8 наук, а для того надобно иметь токмо 8 человек в подчинении. Восемь плюс восемь равно власть над знанием.

Всего в природе существует лишь 3 рычага, которыми управляется человечество.

1. Условия

2. Технологии

3. Люди

Неспешно прогуляемся по всем трём рычагам.

Во-первых, условия. Представь, что перед тобой сидит человек, ты хочешь, чтобы он снял пиджак. Простейшая задача. Подходить к нему, заставляя снять пиджак, кричать на его — воспрещается. Легчайшим образом можно решить эту задачу посредством такого рычага, как **УСЛОВИЯ**. Натопи в этом помещении печь пожарче — и всё произойдёт само по себе. Человек сам, без каких-либо лишних слов или действий третьей стороны снимет пиджак. На этом примере запоминай принцип: всё зависит **от степени напряжения**. Не нравится жизнь? Так встречайте Войну! Пройдёт совсем мало времени, и ты услышишь вопли и стенания: «Ой, нам уже нравится наша прежняя плохая жизнь, верните нам её обратно!» Люди устают от войны очень быстро, они не свыкнутся с потерей близких. Любой худой мир будет лучше, чем война. Точно также все происходит социологически. Не нравится что-то? Ничего страшного, людьми управляют условия. И это первый рычаг. Измените человеку условия, и он мгновенно станет нормально себя вести.

Второй рычаг — это технологии. Ни для кого не секрет, что история человечества нередко уходила в крутое пике, да и не в пользу тех, кто был у власти, когда технологии менялись. И таких изменений мы знаем 4 в истории:

1. Появление клинкового оружия
2. Появление огнестрельного оружия
3. Появление термоядерного оружия
4. Появление информационного оружия.

По сути, сменились 4 исторических эпохи. Сначала одному правителю дали **холодное оружие**, он пришел к власти, а тот уже наделил этой властью того, кого посчитал нужным, дав им холодное оружие и научив их владеть этим оружием.

Затем появились другая группа лиц, пожелавшая привести к власти иных людей, снабдив тих для того **огнестрельным оружием**. Они перебили всех, кто был с холодным оружием, довели это противостояние до высшего пилотажа танковых сражений, типа Курской Дуги, где с двух сторон несколько тысяч танков одновременно участвовало в битве. Так выглядит предел огнестрельного оружия.

Следующим этапом после войны кому-то понадобилось резко Америку сделать превалирующей над всем миром, а для того дать ей термоядерное оружие. Сталин быстро разработал термоядерное оружие в СССР и так возникла гегемония двух держав. А уже все остальные державы догоняли в технологическом развитии эти страны, пытаясь удержать свою власть. Однако же, попытки попыткам рознь. И, по сути, обратите внимание, большинство этих государств никак не отождествляется с ядерным оружием, такие как Британия, Иран и т.д. Их ядерное оружие даже никого не интересует, потому что оно ничтожно мало по сравнению с американским потенциалом и российским. Получается, что гегемония двух держав опять поделила мир на 2 части, на американскую и российскую. У России и Америки, более того, существует свой собственный оружейный уран. То есть, остальным игрокам на технологической арене, чтобы создать ядерный боеприпас, требуется прежде купить оружейный уран. Как дальше развиваются события и распределяется расстановка сил, полагаю, описывать не стоит. Сегодня гонка вооружений уже завершена, и никто не изготавливает что-либо ядерное в массовых масштабах. Производят то, что на деле необходимо. Например, вышли сроки годности двух ракет, и вот следующие 2 новые ракеты поставили. Мировые державы выдерживают ядерный баланс, и никто его не увеличивает. Для того, в частности, разработаны соответствующие мировые

соглашения. Возникает паритет. Получается так, что на нынешний день, ядерное оружие — это словно дубина, которую никто не использует, и не воспользуется против друг друга, потому что это навсегда положит конец, в первую очередь, их собственному благополучию. А никто из игроков технологической арены своего благополучия терять не желает.

Несколько слов об **информационном оружии**. Сейчас уже наша жизнь поделилась на 2 части: жизнь с телефоном и жизнь друг с другом, с себе подобными. Однако же, мир в сети уже активно вытесняет мир реальный. Что будет далее — несложно распознать: **кто владеет интернетом, тот владеет всем миром**. Еще 10 лет назад мы не думали, что всё, абсолютно всё, разместится в интернете. А развитие идёт ещё дальше, без малейшей капли промедления, и не останавливается.

И пришла пора затронуть такой рычаг управления, как сам ЧЕЛОВЕК, Другими словами, в современной науке это принято обсуждать в рамках категории «роль личности в истории». Не было бы Александра Васильевича Суворова, не было бы и Екатерины Великой. Величие создают люди. И таких людей, которые создают чье-то величие, как мы знаем, существует немного. Суворов один в своём роде, Ушаков — тоже неповторим... Какое из этого следует заключение? Что не нужно МНОГО людей. Важно не количество, а качество. Достаточно 3–4 человека и роль личности в истории сделает свое дело!

Если Яковлев создал формулу «8+8», то Попов создал формулу «Трёх рычагов», которыми управляется история. Существует и третий элемент — но то уже совсем другая повесть. Один элемент управляет знаниями, а второй — достижением результатов. Причём результатов мирового уровня, а это — победы в войнах, новые технологии, открытия, методики и многое другое. И формула «8 + 8» определяет Власть знаний на земле, а формула «трёх рычагов» — власть технологическую. В основе всего лежит тактика использования формул. Если человек знает, как управляться рычагами власти и знаний и власти технологической, то он один может управлять всем миром. Внешне, правда, вы его вряд ли отличите от обыкновенного гражданина планеты Земля. Кого Вы увидите? Человека, который едет на хорошей машине, живет в обыкновенном доме и вроде бы, ничем особо не отличается от всех остальных. Но этот ординарный с виду человек, возможно, управляет Европой или даже всем миром, просто никто об этом не знает. А, впрочем, много знать будете — скоро состаритесь.

Всё же, на вопрос «А где живут люди четвертого уровня истории?» ответ прост и незатейлив: неважно, где они живут, это может быть даже обыкновенная квартира. И нет никакого секретного правительства или конспирологического сообщества из 200 семей, которые якобы управляют всем миром. Это совершенно невозможно, к слову, иначе они все бы давно передрались, потому что каждая из этих семей совершенно откровенно желала сожрать другую, чтобы получить еще больше власти. А людям четвертого уровня истории только этого и нужно: разделять и властвовать. И прежде чем обрушиваться на кого-то проклятиями или недоброжелательностью, осуждая политику людей четвёртого уровня истории, вспомним, что именно такая политика вывела человечество на достаточно высокий уровень существования.

Кто бы что не говорил, но человечество должно быть благодарно этим людям хотя бы за то, что они могут гулять, скажем по Гейдельбергу или Санкт-Петербургу и вкуснейший шницель вечером есть, а не хвататься за стилет каждые пять минут, ожидая ограбления или чего ещё похуже. Как скоро мы забываем уроки истории! Раньше, в средние века, человеческая жизнь не стоила ни гроша. Ещё во времена французской революции, во времена религиозных войн, за тот же гроб Господень, умерщвляли тысячи себе подобных, а то и десятки тысяч! А сегодня? Смерть 20 человек — резонансное событие, облетающее просторы интернета за каких-то пару минут. Правда, что тогда, в Средневековье, что сейчас — об этих павших в мясорубке Бытия никто и не вспомнит.

Яковлев смотрел на своего друга и откровенно восхищался. У него словно была какая-то врождённая способность видеть людей насквозь и подбирать к ним ключи. Волшебные ключи, которые разжигали огонь их памяти, преобразовывая и выковыывая тем самым новых, способных и совершенно могущественных личностей. Ему, как и Грегу, тоже не хватало Элиаса. И он также отчётливо понимал, что без Мотыгина придётся туго, и что на его место, если так можно выразиться, следует подобрать молодого человека, да и воспитать его в лучших традициях. Оставалось дело за малым: найти такого, как Элиас. Долго ничего не удавалось, пока однажды, в один непрекрасный день, а на деле весьма печальный, к нему в кабинет не прибыла мадам, которая страшно ревела, рыдала, нервничала и вообще плохо переживала смерть своего отца, уважаемого раввина, который верой и правдой работал помощником у Попова в Экспериментальном НИИ. Раввин, не один десяток лет мучавшийся болезнью почек, умер своей смертью в одной из лучших клиник города. Грег был как не в своей тарелке некоторое время, что и говорить. Он привык к Ребе, и не был готов с ним прощаться, однако, когда приходит и когда умирать — говорят, то решаем не мы. Яковлев, естественно, поддерживал друга, а тут, как выяснилось, и дочь покойного раввина нуждалась в каком-то покровительстве. Отдав мадам носовой платок, он оставил её рыдать, ожидая момента, когда же удастся поговорить. А сам, тем временем, позвонил Попову.

— У меня в гостях дочь нашего Ребе.

— Выезжаю,— был короткий ответ.

Вскоре они беседовали уже втроём. Мадам причитала, что не знает, что ей делать, да как быть, поскольку она как сирота осталась одна-одинешенька с маленьким сыном Виктором на руках. Она удивилась просьбе Попова привезти сына, чтобы с ним познакомиться, но саму просьбу выполнила немедля. Вот всё и случилось: произошла та самая судьбоносная встреча, завершившаяся для мадам словами: «Пройдите, любезнейшая, на кухню, прекратите причитать, сюсюкать и портить тем самым будущего офицера. С этих пор за его воспитание отвечаем мы».

Так у Григория Семёновича и Алексея Самуиловича появился юный и очень старательный ученик, впоследствии ставший известным миру, как генерал-лейтенант, доктор военных наук, Виктор Павлович Светлов, выпестованный в лучших традициях Школы.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ДОКТОР ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ,

АКАДЕМИК, РУКОВОДИТЕЛЬ ОДЕССКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ УАН, ДОКТОР ФИЛОСОФИИ, РУКОВОДИТЕЛЬ ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА НИИ ПАМЯТИ.

Эта книга могла бы быть представлена в совершенно ином формате. Например, в виде научной монографии; и в этом случае она, вероятно, сыскала бы весомый интерес у специалистов в области психологии, истории, философии, я бы даже сказал, у специалистов в области искусств. Хотя больше всего ею бы заинтересовались социологи. Однако же я принял решение не издавать «Рыцарский орден русских воров» даже в варианте научно- популярной книги. Вашему вниманию представлено амальгамное произведение. И я повторно сделаю акцент на том, что это не литературное произведение, но амальгамное — сделанное по определённой технологии. Был применён научный метод, базирующийся на валидных научных фактах, изложенных в соответствии с принципами и правилами работы памяти человека и памяти мира и «упакованных» в рамках одного произведения так, чтобы эти факты были понятны лично Вам, уважаемый читатель. Другими словами, силами Экспедиционного корпуса, который я возглавляю, мы создали книгу о выдающемся Учёном, Григории Семёновиче Попове, материал о котором собрался около 30 лет. Да, Вы не ослышались: перед Вами результаты тридцатилетнего научного труда. Дело в том, что задача восстановления биографии таких выдающихся героев нашего мира, как Григорий Семёнович Попов и его соратник, близкий друг и родственник, Алексей Самуилович Яковлев — крайне сложная, на грани невозможного и нереализуемого. Все существующие документы о Попове, Яковлеве их деятельности пребывают под семью замками. Естественно потому, что они грифованы как «совершенно секретно» и «совершенно секретно государственной важности». Мало того, незнание первоначальных имён этих учёных, на многие годы определивших будущее поколений, затрудняет даже линейный поиск в архивах. Безусловно «Попов» и «Яковлев» — это фамилии ненастоящие, не исходные. Но указанные фамилии стали для них настоящими, потому как именно под этими фамилия некогда «Грег и Алекс» вошли в историю, став выдающимися учёными, деятелями и основоположниками Школы. Вошли в историю науки, в историю государства, в историю мировой политики. Именно под этими именами и фамилиями они вошли в память множества людей, которые обязаны им и карьерой, и достижениями, и, что немаловажно, жизнями. Наш народ, наверное, находится в неоплатном долгу перед этими людьми. Хотя вряд ли в это кто-то когда-то поверит, авряд ли когда-то об этом вспомнит. И думаю, что первая глава данной книги объясняет, почему так.

Глава 1 «Студент» раскрывает понятие, почему эти не без преувеличения великие учёные НИКОГДА не станут известными, почему им никогда не будут вручать Нобелевские премии, ставить памятники или даже просто говорить в их адрес приятных слов и так далее. Удел этих людей в жизни — совсем другой. Знаете ли, мы так устроены, что привыкли в жизни замечать лишь последний кадр. Как фи-

нальную картинку — не более того. Что этой картинке предшествовало — на то мы и внимания не обращаем. Последними кадрами, например, для многих является расписанная славянскими (и не только) парнями немецкая столица на манер «Развалинами Рейхстага удовлетворён». Я не думаю, что Григорий Попов «Развалинами Рейхстага удовлетворён», так как Германия — это его Родина. Но дело в том, что именно Попов и разрушил этот Рейхстаг. Это им подготовленные люди стреляли в его же соотечественников. И кажется, что существует какое-то противоречие. Но на самом деле никакого противоречия нет. В качестве примера и пищи для размышления. Вы, когда преступника задерживаете в родном государстве, его арестовываете и сажаете на скамью подсудимых, Вы не можете себе сказать, что Вы удовлетворены. Разве нет? Что же в том хорошего, что человека осудили? Это равносильно реакции патологоанатома, который сказал бы (гипотетически), что он своей работой удовлетворён. С другой стороны, это работа и дело, которое кто-то должен делать. В любом случае кто-то должен остановить преступника, осудить его, кто-то должен пытаться вернуть его в общество как потенциально полноценного члена. Однако же обратим внимание, что мы ничего об этих людях не знаем, честно говоря, не особо интересуемся. Полицейские для нас сегодня — не герои. Следователи, которые задерживают маньяков, тоже не являются героями... Люди, которые, простите за прямоту, нечистоты убирают за всеми нами, дворники, которые выметают мусор с улиц, а ведь этот мусор набросали не они — все эти люди для нас не герои, а их работу мы считаем непрестижной. Престижной в 21 веке, по крайней мере в нашей стране, именуется та, на которой человек очень мало работает и при этом очень много имеет. Просто за то, что он есть. Поэтому, когда мы рассматриваем работу спецслужб или закрытых научных центров, повинувшись такой логике, точно можем заключить: эта работа престижной не считается. Более того, по факту эти люди никогда не смогут рассказать о своей работе никому за пределами службы в силу данных обещаний, государственных запретов и так далее. А с другой стороны, именно эти люди составляют фундамент, на котором стоит этот мир.

Откровенно говоря, Попов и Яковлев — это два человека, которые создали всю советскую и мировую науку. Разве мы так сегодня считаем? НЕТ. То есть, простейшие наблюдения и документы, которые подтверждают, что в 1917 году на месте бывшей Российской империи к власти пришли преступники, уголовники, негодяи, тупицы деревенские и прочие потрясающе интеллектуально обременённые люди — и они все построили за 10 лет (!) науку, которая способна была создавать танки, ядерное вооружение, ракеты и прочие чудеса техники — Вы же понимаете, уважаемый читатель: по меньшей мере такое заявление выглядит смешно. То есть сегодня любой научный эксперимент, пускай и годовой даже, покажет, что за календарный год контингент из преступников, деревенских лентяев и прочих «товарищей», — они за 365 дней не то, то завод не построят, но превратят место, которое выделено под завод в такую свалку, что на нём уже ничего нельзя по определению будет выстроить, предварительно не разобрав навозной этой свалки.

Государство, которое стало самостоятельным, которое изменило собственный строй, а впоследствии и мироустройство, определив его как капиталистическое и социалистическое; государство, которое выбрало совершенно новый путь развития, по которому никто ранее не следовал и не отваживался даже, — это государство не возникло естественно, интуитивно или спонтанно, словно из воздуха.

Отмечу важный факт: когда в Германии к власти пришёл Адольф Гитлер, в самой Германии не было людей, которые бы не кричали «Зиг Хайль!» (Sieg Heil, что означает «Да здравствует Победа»). В СССР же такого, как при правлении фюрера, не было никогда. Обратим внимание и на то, что Гитлер не захватывал власть в государстве. Гитлер не устраивал революции, нет. Он к власти пришёл совершенно легально, демократическим путём. Его назначили рейхсканцлером абсолютно законно. Это не тот революционер, что путём вооружённого мятежа снискал власть у немецкого народа, не человек, который посредством силы оружия отобрал власть у своих противников, не деятель, который с одной стороны был каким-то преступником, а с другой — величайшим Политиком, который «Пришёл, увидел, победил!». НЕТ. Всё это не про Адольфа Гитлера. Он к власти пришёл демократическим способом. Так или иначе, народ Германии желал, чтобы Гитлер стал Рейхсканцлером его страны. И соответственно, усилия той малой группы лиц, которая пыталась показать суть фашизма и чем это всё может закончиться, не увенчалась никаким успехом. Немцы их не слышали. А те, кто не прекращал попытки, пытался что-то объяснить, изобличая фашизм, впоследствии попросту пополняли ряды заключённых концентрационных лагерей и, в лучшем случае, исправительно-трудовых учреждений. Сталин пришёл к власти силовым путём. Согласно классической истории Сталин был именно революционером, о чём свидетельствуют события Великой Октябрьской Революции, ныне известной как Октябрьский переворот. Сталин и его люди пришли к власти путём вооружённого мятежа, то есть, незаконно. И эта группа лиц устранила, или говоря по-русски, убила, практически весь класс дворян, которые не успели сбежать за границу из павшей Российской империи. Убили одних, и создали государство рабочих и крестьян — того самого сословия, которое не способно ни работать, ни самостоятельно чем-либо управлять. Так, в итоге, возникло государство абсурда. И это государство абсурда понятия не имело, что же ему делать далее. И как Вы помните в этом новейшем государстве начался голод. И никто не знал, как справиться с нависшей угрозой, да и вообще новыми политическими задачами. И всё это продолжалось ровно до тех пор, пока не появились особые люди, способные поставить патовую, казалось бы, ситуацию под контроль, а затем вывести судно государства на регулируемый уровень равновесия, а затем и вовсе совершить рывок в развитии. У Сталина не было недовольных не потому, что Сталин оказался хорошем человеком, душевным таким... НЕТ. Всё потому, что Сталин был результативным. Гитлер для Германии был хорошим, но при этом — крайне нерезультативным. И бесспорно, существуют владельцы мнения, ратующие за обратное, дескать, Гитлер же всю Европу завоевал. Стоит напомнить, в каком состоянии на тот момент времени пребывала та самая Европа. Да её лень было не завоевать, прямо говоря. Европа, в своей массе, на тот период напоминала Италию Средних веков. Уж только ленивый её не завоёвывал и не устраивал военных походов. Однако же полезно будет немного подумать и вспомнить предвоенные годы, изучив фашистские режимы Германии, Испании, Италии, Венгрии и Финляндии, например. Обратите внимание, дорогой читатель: мировое сообщество совершенно спокойно смотрело и наблюдало за тем, как Гитлер приходил власти, завоёвывал Европу, как-то: Польшу, Францию, Данию, Бельгию, Нидерланды — и не только! И что с того? Никто не вмешивался и не препятствовал военным «успехам» рейхсканцлера. А почему так произошло — в истории ответ отсутствует. Тысячи людей были сожжены в печах крематория — и на это смотрели, ка на что-то обы-

денно обязательное. В ходе Второй Мировой в Европе был устроен огромный геноцид... И те малочисленные группы лиц, которые выбирали иной путь и пробовали сопротивляться, повторюсь, их ожидала печальная участь: те же концлагеря и те же печи. Две цивилизации, которые сошлись на поле боя во Второй Мировой Войне, были совершенно разными. И победу одержал тот, то умел лучше воевать. Однако же, современная война — это не умение рубить шашкой или колоть штыком. В современной войне побеждает интеллект, а не рвение орудовать шашкой; к слову, обращение с оружием — само собою разумеющийся навык. Сталин смог победить только потому, что за его спиной стояли Яковлев и Попов, потому что их интеллекту не было равных в мире.

Передавая читателю в пользование книгу амальгамного типа, мы преследуем всего лишь одну цель: донести максимальное количество известной нам информации до Вас в такой форме, чтобы Вы её поняли. Более того, амальгамная форма написания произведения не содержит противоречий. Другими словами, Вы всегда можете сказать: «Право, да это же всего лишь фантастический роман!» Вам необязательно верить в написанное. Амальгама не требует, чтобы в неё верили. Это всего лишь «фантастика». И только что Вы прочитали фантастический роман. Или, пожалуй, ещё одну конспирологическую версию. Если бы это была научная монография — она бы определённо подорвал бы все существующие устои. России пришлось бы признать, что никакой советский народ никакой войны не выигрывал. Советский народ действительно победил во Второй Мировой войне, это правда, так и есть. Но в силу чего была одержана победа? Видимо, кто-то этот советский народ очень хорошо подготовил и обучил. И пришлось бы признать, что все «космические Одиссеи» и герои класса Гагарина есть результат работы высоко подготовленных учёных. Советская наука — это самая мощная научная школа в мире, которая когда-либо существовала, и прекратила на своё существование в 1991 году. Каких-то 20–30 лет тому назад! До недавнего времени эта школа работала в полную мощность. То, что осталось на обломках нынешних независимых государств — это и наукой-то назвать крайне сложно. И те великие учёные, которыми мы сегодня восхищаемся — они все выходцы этой мощнейшей советской Школы. И Сегодня им уже более 70 лет. Надо сказать, что авторам тоже довелось принадлежать к этой выдающейся научной школе. И мне точно весьма сильно повезло, что моими Учителями были Григорий Попов, Алексей Яковлев, Виктор Светлов, которые в тех ио иных формах являются Героями данного амальгамного произведения. Поверьте, в этой книге нет ни капельки лжи. Даже вымышленные персонажи, которые нам пришлось вводить в книгу, служат неким транспортным средством донесения информации до Вас, уважаемый читатель, до Вашего разума, в такой форме, чтобы это было понятно.

Поверить в версию книги при нынешней исторической парадигме практически невозможно. Однако, позволю ещё раз напомнить: в том-то и прелесть амальгамного произведения, что вы всегда можете заключить, что перед Вами — фантастический роман, верить в который не нужно. Зато вся информация научного характера, которая изложена в трубе «Рыцарский орден русских воров» — все методы, принципы, способы — они все абсолютно настоящие. И в этом ещё одно преимущество амальгамной системы! Всё, что описано в данной книге — всё подлинное, рабочее и многофункциональное. Знаете, когда-то любимым фильмом в Советском союзе была кинолента «Москва слезам не верит». И в ней есть сцена некоего показательного выступления, в виде «ненастоящего дня рождения». Человек разыграл

двух женщин, чтобы с ними познакомиться и сказал, что у него — день рождения. И пригласил всех своих друзей на этот день рождения. И друзья ему подыграли и пришли на встречу. Так, доктора и академики, пришедшие «поздравить» были абсолютно настоящие, из плоти и крови... и пускай день рождения совсем в другом месяце! Люди-то — настоящие. Только дата дня рождения изменена.

Вот такой же эффект и у амальгамного произведения! В нём самом содержатся элементы вымышленного, но то, что Вам нужно знать, всё, что касается прикладной науки, её моделей, измерителей, логик, принципов, методик, технологий — всё подлинное и действительное. Но в силу устройства человеческого разума, а именно по причине того, что разум привык отвергать всё, что не входит в общепринятую парадигму, то амальгамная структура позволяет разуму одновременно отвергнуть всё и принять всё то, что он посчитает нужным и полезным в качестве рабочих данных и инструментов, которые ему пригодятся в жизни. Собственно, так реализуется некий «обман» человеческой системы защиты психики. То есть, мы проходим системы защиты психики при помощи амальгамного типа произведения без сопротивления. Тем самым читателю, встретившему множество научных и непростых выкладок, да ещё и не укладывающихся в картину миропонимания, не хочется забросить книжку куда подальше сразу после прочтения первой- второй главы. Амальгамный метод побеждает читателя ознакомиться с книгой до самого конца и уже только потом, по завершении, делать выводы. Уверен, человек, который вникнет в эту книгу, обнаружит для себя немало полезного, практичного, прикладного, да даже просто любопытных и интересных ответов на очень важные в его жизни вопросы. Надо сказать, что это только первая книга, освещающая деятельность Григория Семёновича Попова. И она охватывает период жизни учёного до 1953 года — до смерти Иосифа Виссарионовича Сталина. Будет и вторая книга. Как скоро — не знаю... Она будет описывать, условно, «второй раунд»: жизнь Григория Семёновича с 1953 года по 1980е годы. Почему такая неопределённость со второй датой — потому как я не знаю достоверно, в каком году и где Попов умер. Но второй акт был, и его точно стоит назвать «Противостояние». Что за противостояние, как оно проходило — это Вы всё узнаете из последующей книги. Собственно, эта первая книга далась отнюдь нелегко, если говорить коротко, ведь исследование, сбор и анализ материалов проходил в течение около 30 лет!

Теперь немного о планах на будущее. Мы завершили написание книги «Рыцарский орден русских воров в преддверии Научной экспедиции во Флоренцию, где мы собираемся написать книгу о втором нашем Отце-основателе Школы, об академике Алексее Самуиловиче Яковлеве, который сделал для мира не меньше, чем академик Попов. Помимо того, что Яковлев является учёным, он также был выдающимся организатором, феноменальным человеком и с детства крайне неординарной личностью. Как Флоренция связана с Германией, как Германия связана с Испанией, Испания — с СССР, а СССР — с Флоренцией — все эти вопросы мы планируем исследовать во Флоренции в ходе будущей экспедиции. Так, мы с Вами, дорогой читатель, станем свидетелями выхода книги, что является вторым отражением Мировой Науки в зеркале Истории — и говоря «отражение», я подразумеваю личность академика Яковлева. Эта книга будет описывать первый акт, освещающий жизнь и деятельность Яковлева до 1953 года, опять-таки, до смерти товарища Сталина. По такому же принципу, вероятнее всего, выйдет книга, рассказывающая и о втором акте жизни Яковлева (время от 1953 — до 1980-х гг). Материал для книг о вторых актах я со-

бираю уже давно. Мне видится, что эти книги — вернее, четырёхтомник — выйдет последовательно в таком порядке: Попов — Яковлев, акт первый. Попов — Яковлев, акт второй. Полагаю, что и продолжение книг будут крайне полезны, потому как они раскроют нам жизни академиков, соратников феноменальных людей совершенно с другой стороны, как минимум, как людей, совершающих несметное множество потрясающих научных открытий. И если в первых книгах мы видим, как эти учёные применяют в своей деятельности те знания, которые к ним перешли по наследству от Великой Европы, то во вторых актах мы узнаем, как Попов и Яковлев увеличили научный потенциал нашей Школы.

Подводя итог, мне хотелось бы пожелать следующее: наберитесь терпения, прочтите книгу до конца. Уверен, что в амальгамном труде «Рыцарский орден русских воров» Вы встретите многое, но точно не сожаление о прочитанном.

С уважением, искренне Ваш,
Олег Мальцев.

«ТЕРПЕНИЕ — УДЕЛ СИЛЬНЫХ»
ТРАКТАТ «АКАДЕМИЯ МЕЧА», ЖЕРАР ТИБО.

Авторы амальгамного труда «Рыцарский Орден Русских Воров» сердечно благодарят за содействие и всестороннюю помощь сотрудников, действительных членов Экспедиционного корпуса НИИ Памяти, научную группу НИИ Памяти и НИИ «Международное Судьбоаналитическое сообщество», а также Одесского регионального отделения Украинской академии наук и лично профессора, доктора философских наук, Лепского Максима Анатольевича.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЛАВА 1 «СТУДЕНТ»	20
ГЛАВА 2 «ИМЕНЕМ РЕВОЛЮЦИИ»	40
ГЛАВА 3 «ПЕРВАЯ КРОВЬ»	56
ГЛАВА 4 «ИНТУИЦИЯ»	76
ГЛАВА 5 «УНИКАЛЬНОЕ ОТКРЫТИЕ»	92
ГЛАВА 6 «ОРДЕН»	108
ГЛАВА 7 «СМЕРТЬ ШПИОНАМ»	128
ГЛАВА 8 «ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА — ЭТО СКОРОСТЬ ОБУЧЕНИЯ»	142
ГЛАВА 9 «КУРЬЁЗЫ НАУКИ»	162
ГЛАВА 10 «ГОЛОВОЛОМКА»	174
ГЛАВА 11 «ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ МИР»	186
ГЛАВА 12 «ВЕЛИЧИЕ»	200
ПОСЛЕСЛОВИЕ	213

Автор:

ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ, ИРИНА ЛОПАТЮК

Название:

РЫЦАРСКИЙ ОРДЕН РУССКИХ ВОРОВ

Издатель «ФЛП Середняк Т.К.», 49000, Днепр, 18, а / я 1212
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
издателей, изготовителей и распространителей издательской продукции
ДК № 49018 от 02.08.2012.

Идентификатор издателя в системе ISBN 7761

тел. (066)-55-312-55, (056)-798-04-00

E-mail: 7984722@gmail.com

www.isbn.com.ua

